Н.С. Эпштейн, Н.Н. Вуколов

Хоккейные истории и откровения Семёнова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга вместила в себя рассказы о первых шагах отечественного хоккея, о последовавших за годами хоккейного детства и отрочества долгих периодах триумфа советской хоккейной школы во всем мире. В ней также собраны некоторые заметки о шведском хоккее, пользующемся в России неизменным уважением.

- Николай Эпштейн, Николай Вуколов
  -
  - Ковальчук — хоккейный внук Семёныча
  - Река моей памяти
  - Листки Эпштейна
  - «Звезда с сибирским блеском»
  - С Урала в Воскресенск
  - «Хоккейный автограф Пеле»
  - «Пирамида успеха» Томми Сандлина
  - Пиа из Гетеборга и уроки Тарасова
  - О чем спорили?
  - Соратник Семёныча
  - И где же ты хоккей московский?.
  - Доктор Белаковский
  - Интервью в прямом эфире
  - Чистое сердце Александра Гусева
  - Годы с юниорами
  - Марк Эпштейн: Мой отец — тренер Эпштейн
  - Морозов, ставший символом «Химика»
  - Три успеха «Химика»
  - Действительно ли исчезают «звезды»?
  - Наш Семёныч
  - Память сердца
  - О том как Эпштейн Энштейна защитил
  - Эпилог. Уход Эпштейна

Николай Эпштейн, Николай Вуколов Хоккейные истории и откровения Семёныча

Нас сблизила одна страсть — хоккей. Настолько, что в какой–то момент родилась идея написать о нем книгу. Тем более, что одному из нас было о чем рассказать, вспоминая свой долгий и блистательный путь хоккеиста, тренера. Да и другой тоже мог поделиться увиденным и прочитанным в Швеции о тамошнем хоккее, рассказать о встречах и беседах со шведскими мастерами шайбы.

Для одного из нас хоккей стал делом всей жизни, побудил всерьез заняться спортом и в результате привел к созданию одной из интереснейших команд в истории отечественного хоккея — Воскресенского «Химика». Для другого все началось в 1963 году, когда в Стокгольме проходил чемпионат мира и когда впервые репортажи о матчах показывались по советскому телевидению. Тогда родилась великая и легендарная советская сборная, девять лет подряд выигрывавшая чемпионаты мира и Белые Олимпиады и ставшая на долгие годы любимицей нации.

Один из нас запросто общался с великими первопроходцами советского хоккея и называл их просто Борька, Славка, Сашка, Венька, Витька, Володька, которых он гонял по льду на тренировках до седьмого пота, обучая хоккейным премудростям. Среди них блистал лучший футболист и хоккеист России на все времена, гениальный Всеволод Бобров. Другой имел счастье лицезреть этого великого форварда на экранах телевизоров только в роли тренера (кадры кинохроники прежних лет, запечатлевшие прорывы «Бобра», все–таки скуповаты) и читать о нем хвалебные, восторженные статьи в прессе.

Для одного из нас «Тумба» Юханссон, Ульф Стернер, Арне Стремберг, Леннарт Сведберг приходились коллегами — и соратниками, и соперниками, которых он в ходе очных поединков одолевал, когда ведомая им команда приезжала на игры в Швецию. Для другого они были героями его заметок, репортажей, интервью.

Эта книга вместила в себя рассказы о первых шагах отечественного хоккея, о последовавших за годами хоккейного детства и отрочества долгих периодах триумфа советской хоккейной школы во всем мире. В ней также собраны некоторые заметки о шведском хоккее, пользующемся в России неизменным

уважением.

Николай ЭПШТЕЙН, заслуженный тренер СССР
Николай ВУКОЛОВ, заслуженный работник культуры РФ

Многие из нас помнят, как в детстве гоняли на залитом во дворе ледяном пятачке с простенькой клюшкой. Многие из нас с завистью смотрят на современных мальчишек, которые, как и мы, многие годы назад, сегодня с огромным удовольствием носятся по спортивной площадке в свете вечерних прожекторов. Кто из них пойдет в большой спорт, а кто останется любителем, — сложно определить. В любом случае, хоккей — это часть жизни каждого из нас, часть нашей души.

В советские времена развитием спорта занималось государство, и недаром советская сборная по хоккею находилась на вершинах спортивного Олимпа. Пережив времена забвения, хоккею в России, как спорту массовому, приходится с большими усилиями возрождать свои традиции, но усилия эти не напрасны.

Сегодня хоккей популярен во всем мире. Приятно осознавать, что уже многие наши хоккеисты — воспитанники отечественных спортивных школ — добились высоких результатов на мировой спортивной арене. На мой взгляд, хоккей — это спорт, способствующий воспитанию физически крепких и мужественных людей. Именно хоккей возрождает патриотизм среди молодежи, формирует чувство коллективизма и братской взаимопомощи.

Компания «ПИК–Регион» уже давно помогает отечественному хоккею не только словом. Мы поддерживали подмосковную команду «Химик» вплоть до ее отъезда из г. Воскресенска и продолжаем поддерживать ее в г. Мытищи, где построен суперсовременный ледовый дворец, каких мало в Европе. Наша поддержка этой команды — это, поверьте, не дань моде, а зов сердца.

Вы держите в руках книгу, каждая страница которой дышит любовью к хоккею. В ней — история хоккея нашей страны через историю знаменитой Воскресенской команды «Химик». В ней история жизни замечательного хоккейного тренера и основателя «Химика» Николая

Семеновича Эпштейна, к огромному сожалению, ушедшего от нас. В ней — трудности и радости развития хоккейной команды. В ней — жизнь, жизнь тренеров, спортсменов, авторов. В ней — переплетенные быль и мечта о мировой славе российского хоккея.

Сергей КАНАЕВ, генеральный директор компании «ПИК–Регион»

Ковальчук — хоккейный внук Семёныча

Во второй половине апреля 2003 года, где–то за неделю до начала мирового хоккейного первенства в Финляндии, я позвонил Николаю Семёновичу с предложением поехать в Одинцово, на тренировку сборной России.

Расчет мой был прост. Знал я, что легок на подъем старый тренер, не любит сидеть дома в холостяцкой своей квартире на Мосфильмовской, а тут еще и последняя прикидка сборной страны перед двумя матчами с чехами. Предполагал, что поворчит для порядку Эпштейн, а потом согласится.

Так оно и вышло.

— А что там смотреть–то? — хмыкнул Семёныч. — Тоже мне, мастера.

— Да ладно вам, Николай Семёнович, — парировал я бодрым тоном. — Вон, погода налаживается, съездим, поглядим, поговорим с кем–нибудь. Плохо, что ли?

Долго упрашивать не пришлось. Сговорились встретиться под главной башней Киевского вокзала, построенного по проекту И. Рерберга.

Ожидая тренера, я вспомнил, как Эпштейн однажды сказал: «Здание–то какое! Красотища. Талантливый архитектор».

Я не удивился этой характеристике. Завидным даром обладает Эпштейн — угадывать в человеке искру одаренности. И влюбляться в такого человека. Всей душой. Сколько больших мастеров усмотрел он метким, прозорливым взглядом хоккейного мэтра, скольких благословил в большую жизнь. И не только хоккейную. Есть среди его питомцев и величайшие хоккейные суперзвезды. Один Александр Рагулин чего стоит! Да и в Александре Мальцеве первым распознал будущего великого игрока именно Семёныч, как ласково величают до сих пор великого тренера его бывшие подопечные, многие из которых сами уже ветераны с присыпанными пудрой времени висками, приходящие на стадионы с внуками…

И вот покатили мы в сторону Одинцова. В детстве я совершенно искренне полагал, что это просто одна из подмосковных деревень. Так оно, собственно говоря, и было, хотя и считалось Одинцово районным центром. То, что предстало взору, и удивило, и озадачило. Нависали дома–монстры. Как будто в одном из районов Москвы оказались мы с Эпштейном, а не в старом подмосковном городке, на окраинах которого еще каких–нибудь тридцать–сорок лет назад москвичи снимали на

лето дачи.

«Да, дела, — молвил Эпштейн, когда мы сошли на центральном Одинцовском «круге», от которого в разные стороны серыми лентами разбегались улицы. — Был городок, уютный, чистый. Загляденье. А это что ж теперь–то, столпотворение, а? — Идем, идем, — заметил он, поймав мой вопрошающий взгляд, — я тут знаю все, не промахнемся». Минут через десять мы оказались на огромной площади, одну сторону которой замыкал спортивный дворец. Мы зашли под его своды, где сборная России проводила последнюю на московском льду тренировку накануне мирового первенства. Хороший дворец спорта в Одинцове, чистый, ухоженный. И атмосфера свойская. Семёныча там все сразу же стали узнавать. Незнакомые мне люди подходили, жали руку, справлялись о самочувствии. А уж как к раздевалке сборной приблизились, то и тем более. Вот Владимир Меринов, — когда–то эпштейновский воспитанник, долгие годы отвечающий в сборной России за экипировку игроков, поприветствовал тепло Семёныча, вот Анатолий Бакатин — летописец сборной и ее вычислительно–мозговой «аппарат», поздоровался с почтением. Да и молодежь хоккейная, проходя мимо — на лед, бросала уважительные взгляды на старого тренера.

А когда шедший вдоль борта на лед второй тренер сборной Александр Якушев увидел Эпштейна, то обычно хмуроватое и сосредоточенное лицо прославленного нападающего озарила широченная, прямо–таки мальчишеская улыбка: «Николай Семёныч, дорогой ты мой, — возрадовался Якушев, заключив низкого и щуплого Эпштейна в свои широкие объятия. — Как самочувствие, какими судьбами здесь?». Ни разу до этого момента не видел я Якушева таким открытым и растроганным. И Владимир Толстиков, отвечавший в сборной за подготовку вратарей, просветлел лицом при виде Семёныча. Так у бортика и перешучивались они втроем перед началом тренировки.

— Саш, — оживился вдруг Эпштейн. — Я тут старые фотографии перебирал, помнишь, из поездки в Америку. А на одной из них ты стоишь, и куда–то шею тянешь, что–то на льду высмотрел. А шейка у тебя топкая такая, а? Пацан еще ведь совсем.

— Так ведь лет–то мне сколько было, Николай Семёныч, — рассмеялся Якушев. — Наверное, семнадцать. Для меня то был вообще первый визит в Америку. Вот уж больше сорока лет прошло, а я ту поездку помню хорошо.

Умудренный наставник хоккеистов, в начале шестидесятых годов возглавлявший вторую сборную страны, сохранил трепетное, нежное отношение к замечательному спартаковскому

форварду. «Талантище, игрочина был. Бывало, скорость наберет, ручищи длинные, сам здоровенный, высоченный, клюшка еще метра полтора, корпусом шайбу прикроет, как его тут остановишь?! И красавец какой, — говорил мне Семёныч, делая ударение в этом слове на последнем слоге. — Все девки на него засматривались. Это точно. А он вот однолюб, свою Татьяну обожает. Ты погляди, погляди, как он сейчас–то по льду катит», — толкнул меня локтем в бок Эпштейн.

Катил Якушев действительно легко, непринужденно, бросая короткие фразы выходившим на лед игрокам. Кое–кого я знал по прежним годам в Швеции. Вот, например, защитник из «Ак Барса» Дмитрий Ерофеев, самый возрастной хоккеист сборной, главным тренером которой был назначен в тот момент Владимир Плющев, смело взявший курс на омоложение команды. Всего семерых хоккеистов оставил в сборной из состава, выигравшего под руководством Бориса Михайлова серебряные медали на мировом первенстве 2002 года в Швеции. Решительный шаг, что и говорить.

И хотелось, очень хотелось, чтобы у Плющева все получилось. Все–таки он демонстрировал твердую решимость победить, не скрывал того, что пришел в сборную с большим желанием работать. В Плющеве чувствовался кураж, уверенность в своих силах (что, впрочем, некоторые мои коллеги по перу называли самоуверенностью). А какой тренер без характера? Поставил Плющев (в свои 48 лет тоже называвшийся в газетах почему–то молодым) два условия, настоял на своем: сам определю состав, сам подберу себе помощников. Руководство Федерации хоккея ему ни в чем не препятствовало. А еще вызывало симпатии то обстоятельство, что был Плющев из новой тренерской поросли, не из старой «обоймы» уже знакомых по многим годам имен и фамилий, носители которых проходили, сменяя друг друга, испытания сборной страны. А новое имя всегда возбуждает и новые надежды.

Вот они на льду, ребята, с которыми строил честолюбивые планы Владимир Анатольевич: Суглобов, Прошкин, Антипов, Вышедкевич, Семин, Соин, Зиновьев, Гуськов, Архипов, Григоренко. А тут еще и подкрепление прибыло из Национальной хоккейной лиги США (НХЛ), такое с виду солидное: Фролов, Калинин, Дацюк, Сапрыкин, Новосельцев. И Ковальчук, уже ставший в свои 20 лет подлинной звездой в североамериканской НХЛ. Теперь можно сознаться: поехал я в Одинцово и увлек с собой Николая Семёновича больше из желания поглядеть вблизи на этот суперталант. Еще в Швеции доходили до меня слухи о том, что появился в московском «Спартаке» мальчишка,

обладающий уникальными качествами. В 16 лет дебютировал в играх за взрослую команду московского «Спартака», стал чемпионом мира среди юношей в возрасте не старше 17 лет. Клюшку этого паренька, — впервые в истории ставшего чемпионом в таком юном возрасте — забрали тогда аж в знаменитый Музей хоккейной славы в Торонто! Сам Эпштейн мне говаривал в минуту откровений: «Хороший парень, слов нет, я и на хоккей иной раз хожу, чтобы на него посмотреть». А такая оценка хоккейного академика многого стоит. Уж теперь–то я точно знаю, что любящий, даже обожающий выдающихся хоккеистов Эпштейн раньше срока никогда похвал не раздавал. А раз хвалил — значит, игрок действительно незаурядный.

Тренировка шла как тренировка. Разминка вратарей, затем отработка стандартных положений: выходы два на одного, игра в численном большинстве, двусторонка, буллиты. А я все наблюдал за Ковальчуком. Он исполнял хоккейные пенальти, не мудрствуя лукаво. Крюком клюшки небрежно толкал шайбу на пару метров вперед, стремительно настигал ее, делал несколько шагов и низом мощно и точно бросал в левый от Максима Соколова угол. И всякий раз — в цель. С методичностью и меткостью электронного робота. Вратарь, пожалуй, знал, куда, в какой угол Ковальчук бросит, но шайба направлялась с такой точностью и летела с такой силой, что отбить ее не представлялось возможным. «Молодец, — прокомментировал Эпштейн, — экономно работает, ни одного лишнего движения». И только один раз Илья «киксанул», когда решил пойти в обводку, и Соколов ту шайбу накрыл. И этот эпизод от внимательного эпштейновского взгляда не ускользнул: «Вот видишь, начал водить и сразу же смазал». А я в этот момент вспомнил ответ Вячеслава Старшинова на вопрос, в чем секрет его высокой результативности исполнения буллитов и реализации положений при выходе один на один с вратарем: «Если один выходишь к воротам, то сильный и точный бросок в угол метров с трех вратарь практически не способен отразить».

И он доказал это своей блестящей игрой, наколотив в ворота соперников великое множество шайб. Подтверждение верности этого хоккейного «наставления» мы увидели и в действиях молодого Ковальчука.

Мне импонировало, что вел себя на льду Илья спокойно, раскованно, по–свойски, перешучивался с товарищами по команде, отдавал пасы, бросал, совершал ускорения, когда но свисткам тренеров игроки всей командой катились по кругу. Словом, чувствовал себя, как дома, никакого намека на «звездность», от работы не отлынивал и в целом вызывал

симпатии. А под конец тренировки, когда хоккеисты покидали лед, я окликнул Илью и, кивнув на Эпштейна, спросил: «Знаешь этого человека?». — «Еще бы», — широко улыбнулся в ответ Ковальчук. И тогда я сфотографировал их вместе — 83–летнего Николая Семёновича Эпштейна, одного из творцов, созидателей отечественного хоккея, и одного из ярких представителей отечественной хоккейной школы конца прошлого — начала нынешнего века Илью Ковальчука, появившегося на свет немногим более 20 лет назад. И подумал, что вот, мол, какой прекрасный снимок, запечатлевший славное прошлое нашего хоккея и его настоящее, а быть может, и будущее. Хотя, конечно, кольнула и мысль, что будущее это — североамериканское, коль блещет звезда Ковальчука в матчах НХЛ.

Во внуки Ковальчук годится Эпштейну. И отнюдь не только по возрасту, но и по хоккейным «метрикам». Навел меня на эту мысль сын тренера, Марк Николаевич, которого все с детства и по сей день зовут Марик. Как–то обменивались мы мыслями об итогах мирового первенства в Финляндии, зашел среди прочего разговор и о Ковальчуке.

— А ты знаешь, — спросил Эпштейн–младший, — что Ковальчука воспитал Юрий Борисов?

— Это какой же Борисов, тот, что играл у отца в «Химике», а потом в «Спартаке»?

— Ну, конечно, тот самый, — отвечал Марик. — Он в «Химике» проходил под прозвищем «Волна», и отец его любил и ценил.

Не откладывая дела в долгий ящик, я позвонил известному в шестидесятые годы спартаковскому форварду, центральному нападающему второго спартаковского звена в составе В. Фоменков — Ю. Борисов — А. Мартынюк. И Борисов, ныне заслуженный тренер России, охотно, даже с удовольствием откликнулся на мою просьбу кое–что вспомнить из прошлого.

— Николай Семёнович был для нас всех в команде как отец родной, — начал разговор Юрий Викторович. — А мы все ему были, как сыновья.

— Послушайте, — перебил я сразу же Борисова, работающего с 1973 года тренером в спартаковской школе и воспитавшего немало известных мастеров шайбы. — Выходит, что если вам Семёныч как отец, то Ковальчук для него внук, коль скоро Илья ваш воспитанник?

— Получается, что так, — улыбнувшись, согласно кивнул седой головой спартаковский ветеран. — Но начинал играть Илья все же в Твери, а потом год играл в московском «Динамо». Там его приметили многие тренеры. У Ковальчука есть все, что

необходимо хорошему хоккеисту: воля, характер, физическая сила, катание, бросок, техника. Что–то в нем и от Бога, но много вложили в него с малых лет и родители. Отец Валерий Николаевич был в Твери директором комплексной спортшколы. И Илья занимался там плаванием, греблей, лет с пяти встал на коньки. Мне Илюша сам рассказывал, что в соревнованиях по гребле обгонял ребят на два–три года старше его. Словом, данные у парня отменные. К этому следует добавить, что Илья незаносчив, открыт, хороший товарищ, что тоже весьма важно в спорте, особенно в игровых его видах, где велика роль коллектива. Очень не любил мальчишкой проигрывать, иной раз до слез дело доходило. И я в общем–то как тренер только помог лучше раскрыться всем заложенным в нем качествам, — заметил Борисов.

А в «Спартак» попал Ковальчук так.

— Я хотел иметь у себя такого отличного паренька, — откровенно поведал Борисов. — Но мне отец Ильи как–то сказал: «Слушай, Юрий Викторович, я сам сызмальства болею за «Спартак», хотел бы, конечно, чтобы Илюша у вас играл. Но пойми ты, только–только начал он играть в «Динамо», где его приняли прекрасно. Можно ли в такой ситуации обидеть динамовское руководство, тренеров?». А тут «Спартак» — команда из мальчишек 1983 года рождения — уезжал в поездку по Америке. Я предложил Ковальчуку–старшему, чтобы Илья съездил с нами, сыграл, посмотрел на тамошних ребят. А вернется и продолжит в «Динамо».

Дальше вышло так, что юному Ковальчуку пришлись по душе спартаковские сверстники, атмосфера в команде. И по возвращении на Родину он категорически заявил, что играть будет только в «Спартаке».

— Переубедить его было невозможно, уже тогда, в мальчишеском возрасте, он обладал крепким характером! — усмехнулся Борисов.

С приходом Ковальчука спартаковские мальчишки стали грозой для соперников. Шесть лет брали они первенство Москвы, дважды становились чемпионами России.

— Я бы не стал сводить все те успехи к личности одного Ильи, — педагогично сказал Борисов. — Да, безусловно, он выделялся. Бывало, за игру забивал по девять шайб, как в том самом турне по Америке. В Японии один раз в игре забил 12. Нутам, правда, команды были слабоватые. Да, бомбардирские качества в Илье были с детства заложены…

А самого Борисова в хоккей высшего уровня выпустил Семёныч. Правда, начинал Юрий свой хоккейный путь в

московских «Крыльях Советов». Родился в Москве в 1938 году неподалеку от Соколиной Горы. Отец работал на заводе «Салют», мать трудилась швеей. Рядом с домом располагался стадион «Крылья Советов», там и начал будущий спартаковский центр гонять шайбу. И небезуспешно. В 1958 году уже играл за молодежную команду «Крылышек», тех самых, в «основе» которых доигрывали такие звезды, как Алексей Гурышев, Николай Хлыстов, Михаил Бычков, Юрий Цицинов, Евгений Грошев, Виктор Пряжников, Владимир Гребенников.

— После одной из игр подошел ко мне Николай Семёнович, — вспоминает Борисов. — Поговорили. И он сказал, что еще посмотрит за мной. На следующей игре я решил показать себя во всем блеске и устроил «театр одного актера». Шайбу никому не отдавал, водил ее только сам, и как мне казалось, действовал здорово. Ну, думаю, продемонстрировал все, на что способен.

Велико же было удивление хоккеиста, когда возле раздевалки после матча Эпштейна не оказалось.

— Повертел я головой в разные стороны, нет Николая Семёновича. А я знал, знал, что на игре он точно был. Подождал, подождал, удивился, а потом озадаченный забросил сумку за плечо и пошел на выход. И вдруг вижу, идет впереди меня Эпштейн. Я, конечно, ходу прибавил и впритирку, так чтобы он меня заметил, начал его обгонять. А Семёныч такой сердитый идет, насупленный, бросил на меня взгляд и говорит: «Что это ты сегодня устроил–то, а? Не пасуешь никому. Нет, так играть нельзя!». Смутился я: «Да ведь, Николай Семёнович, никто нас особо премудростям хоккейным не учил». — «Ну, ладно, — смягчился Эпштейн. — Приходи завтра «на землю»«. Тогда «Химик» сезон уже закончил, но игроки продолжали тренировки, играли в футбол, и Семёныч, как понимаю, хотел на меня еще посмотреть. Потом, после тренировки, подзывает меня и спрашивает: «Ты сколько на заводе имеешь–то?». А я на «Салюте» работал слесарем. «Да рублей 500 выходит в месяц». — «Ну, а у меня поначалу будешь иметь 300–400. Как, согласен?». — «Да я с моим со всем удовольствием», — отвечаю.

Вот так оказался в «Химике» Юрий Борисов. И до сих пор считает, что повезло ему тогда необыкновенно. С одним из лучших тренеров страны и замечательным человеком свела его судьба. И вывела в большую жизнь. Хотя первый матч в составе «Химика» он пропустил. А во второй игре «Химик» проиграл родным для Борисова «Крылышкам» — 1:10. Крупное, разгромное поражение.

— Но для меня та игра по–особому памятна, — улыбнулся,

вспоминая, Борисов. — Потому что именно мне и удалось забить тогда единственный гол в ворота Жени Ёркина, отличного вратаря. Он потом в составе сборной СССР поехал в 1960-м году на Олимпиаду в Скво — Вэлли вторым голкипером вместе с Николаем Пучковым. Тот гол для меня особо памятный. А еще дороги мне три гола, забитые в следующей игре с московским «Спартаком». Спартаковцы тогда силу набирали, у них уже играли братья Майоровы со Старшиновым. Мы поначалу, после первого периода, проигрывали 0:3. И тут я две шайбы подряд забросил, а потом еще одну. А еще два гола Юрка Громов забил и мы выиграли — 5:3. И вот с того самого матча я уже стал постоянно выступать за основу «Химика». Играл я тогда в тройке с Владимиром Васильевым и Валерием Никитиным, а в защите с нами выходили Владимир Данилов и Александр Рагулин. Неплохо, а? Васильев потом тренером стал, привел «Химик» к серебряным медалям первенства Союза в 1989 году, а в 1984 и 1990 годах команда при нем «бронзу» брала. В 1996 году попробовал он себя и в роли главного тренера сборной России. Валера Никитин, или «дед», как мы его называли, дважды становился чемпионом мира, универсал был, отличный хоккеист и товарищ, а про Рагулина и говорить нечего, сама фамилия за себя все говорит. Потом появилась тройка Морозов — Борисов — Никитин.

«Химик» мужал, обрастал хоккейными «мышцами», набирался опыта. Вчерашние юниоры, имена которых мало кому были известны, становились потихоньку мастерами, хотя в общем–то оставались еще совсем молодыми парнями. Но их неуклонное движение вверх по ступенькам спортивного мастерства определялось тем, что направлял их уверенной рукой Эпштейн.

— Николай Семёнович собрал тогда команду молодую, всем нам было по 20–22 года, страха мы не ведали, авторитетов не боялись, сил было невпроворот. Я не помню, — продолжал Борисов, — чтобы Эпштейн в те годы исповедовал какую–то особую тактику игры от обороны. Отнюдь нет. Мы были амбициозны, любили атаковать и делали это вполне успешно. Разумеется, в матчах с ЦСКА, «Динамо», «Крылья ми» нам приходилось часто обороняться, ведь команды–то были какие! Но даже с этими хоккейными грандами нам удавалось соперничать. Помню, например, что в одном сезоне «Химик» сыграл с ЦСКА на первенство Союза и Кубок СССР шесть матчей и их итог был равный 3:3. В армейской команде тогда играли еще Пучков, Сологубов, Трегубов, Сидоренков, Александров, Локтев, Альметов, Деконский, Сенюшкин. Сам Тарасов в сердцах выговаривал своим нападающим: «Куда вы лезете напропалую на

этих «столбов»?» Так Анатолий Владимирович называл наших защитников — Долягина, Ватутина и Рагулина, физически очень крепких ребят.

Словом, был в «Химике» коллектив с мудрым наставником.

— Все успевал Семёныч, — говорил с теплотой в голосе Борисов. — И на учебу полкоманды устроил в Московский областной пединститут, все про всех нас знал, все наши болячки. Бывало, подойдет: «Ну, как дела–то, что дома, чего нос повесил?». Спросит, запомнит, и непременно поможет. А то вдруг скажет: «Слушай, Юрка. Вот еще пару месяцев на тебя я посмотрю, а потом выгоню». — «Нет проблем, — отвечал я в тон этой тренерской сентенции. — Как скажете, Николай Семёныч». И никаких обид. Умел Эпштейн найти нужную тональность в общении, как со всей командой, так и с каждым игроком. Талант у него был на это. И мы все чувствовали себя за ним, как за каменной стеной. Это вовсе не означает, что Семёныч был мягким. Ничуть. Он мог так отбрить, что мало не покажется. Но даже в такие моменты зла на него никто не держал. Потому что зря он никому не выговаривал. И все это понимали.

Николай Семёнович человек очень азартный. В «Химике» мы все здорово играли в преферанс. Игра на смекалку, выдержку надо иметь, разгадывать замыслы соперника. Семёныч терпеть не мог проигрывать, горячился, спорил. В эти часы царила атмосфера азарта, и все мы в тот момент находились в одинаковом положении — не было тренера и игроков, были только заядлые картежники.

Эпштейн очень хорошо понимал настроение игроков и мог, что называется, отпустить вожжи. Как–то играл «Химик» матч с ленинградской командой Института инженеров железнодорожного транспорта. Команда бала добротная, в классе «А» выступала. Игра вышла непростая, лед был вязкий, никак не раскатишься. Вымотались мы, но выиграли 2:1. А потом подходим к тренеру и говорим: «Николай Семёнович, устали, сил нет. Если не выпьем грамм по 100, точно кто–то заболеет». Оторопел Семёныч от такой наглости: «Ишь, чего захотели, да вы что, сдурели совсем?!». А потом за обедом заказал всем по сто граммов. Так из–за этих 100 граммов кое–кого под руки из столовой выводили. На следующий день, утром Эпштейн подходит к Громову: «Гром, ты что ж это, бес, а? Да тебе, чтоб так упиться, ведро ведь надо!». Семёныч, когда волновался, картавил чуть больше обычного. «Сам не пойму, в чем дело, Николай Семёнович, — ответствовал Громов, глядя на тренера невинным взглядом. — Как так вышло? Видно, здорово все же устал вчера в игре».

Уроки Семёныча были своеобразны.

— На сборах, например, заставлял нас прыгать в воду с пятиметровой вышки. Смелость воспитывал. Бывало, залезешь, посмотришь вниз, страшновато. Но ничего, нырял я вниз головой даже, — смеется Борисов. — Хотя это было необязательно. Главное условие было — прыгнуть, а уж как — личное дело каждого. Он даже сына своего Марина заставлял сигать, конфеты ему «Мишка» покупал, чтобы задобрить. Вот не помню только, прыгнул Марик или нет. Все же он еще тогда пацан был.

А однажды был такой случай, — сам получая видимое удовольствие от обращения к былому, продолжал Борисов. — Закончили мы сезон. В Москве дело было. И Николай Семёнович пригласил нас в кафе «Арарат» на Неглинной: меня, администратора «Химика» Костю Будылкина и Громова. Пришли, сели, все красиво, шикарно даже. Заказал нам Семёныч цыплят на вертеле. А потом спрашивает: «Ну что, выпить небось, архаровцы, хотите?». Мы что ж, носами крутим, от ответа увиливаем. «Знаю, знаю вас, хотите ведь». И заказал бутылку водки. Выпили. Закусили. «Ну что, еще одну? Ведь хотите, по глазам вижу». И еще одну заказал. И сам нам помог немного. Расплачивался, конечно, сам. Ну что тут скажешь? А с другой стороны, такой вот случай. Пригласил как–то Эпштейн в команду одного игрока, хорошего, надежды подававшего. И за обедом этот парень спрашивает Семёныча, нельзя ли, мол, вместо супа сто граммов выпить? Ответ последовал тотчас же и предельно ясный: «Вон отсюда…». Игрок этот из «Химика» исчез.

В команде у нас был защитник Володя Данилов, хороший игрок. Сам родом из Челябинска. Эпштейн вообще обладал даром выискивать хоккеистов для «Химика» в разных городах страны. Нюх на таланты у него был потрясающий. Данилов из дому уехал, а с воинского учета не снялся. То ли забыл, то ли не успел. А армия есть армия, к тому же, когда речь идет о классном хоккеисте. Кто же его просто так отпустит? Эпштейн бывало всеми правдами и неправдами талантливых ребят от армии, как теперь говорят, «отмазывал». И вот приходит из Челябинска телеграмма в «Химик» с таким текстом: «Срочно направить Владимира Данилова в распоряжение челябинского горвоенкомата». И подпись — полковник такой–то… В ответ в Челябинск из Воскресенска пошла телеграмма: «Такого игрока у нас не было и нет. Генерал Эпштейн». Смех, да и только. И что вы думаете, отбил ведь Данилова Семёныч!

Когда молодежная сборная СССР поехала в начале шестидесятых на турне в Северную Америку, вторым тренером у Эпштейна был Дмитрий Богинов. Богинов был тоже личностью

выдающейся, именно личностью. Яркий человек, оригинальный, красавец–мужчина, фронтовик. Вся грудь в орденах. Из семьи старых ленинградских интеллигентов происходил, на французском умел изъясняться, а сам со шпаной связался перед самой войной, чуть в тюрьму не угодил. «Торпедо» горьковское при нем взлетело на такую высоту — второе место в Союзе в 1960-м году взяло. Считаю, потому так произошло, что Богинов нашел ключи к горьковским ребятам, верные подходы, психолог он был выдающийся. А горьковские ребята — это не ангелы, кто в те годы играл там в хоккей? Да шпана, отчаянные головы.

В той сборной, — вспоминает Борисов, и наша тройка играла — Морозов — Борисов — Никитин с защитниками Рагулиным и Даниловым. Отличная была тогда команда: Володя Юрзинов, Иванов Эдик, Виталька Давыдов, Анатолий Фирсов, Виктор Коноваленко. Через пару лет эти ребята составили костяк знаменитой сборной Союза, которая в 1963 году, в Стокгольме, выиграла первенство мира и начала знаменитую девятилетнюю беспроигрышную серию побед на мировых чемпионатах и зимних Олимпиадах. Считаю, что кое–чему важному Эпштейн нас тогда научил.

Но, конечно, Эпштейн — это прежде всего «Химик». Команда и тренер, как одно целое.

— Был один эпизод, — на секунду задумывается Борисов, — в 1959-м или 1960-м году. Точно не помню, да и не в том суть дела. Пришла в Спорткомитет СССР телеграмма из Праги с просьбой прислать к ним команду для двух спарринг–матчей накануне мирового чемпионата. По каким–то причинам ЦСКА и «Динамо» поехать в Чехословакию не могли и послали туда наш «Химик». Мы первую игру в Праге выиграли у чешской сборной 2:1. Нечто вроде сенсации сотворили. Во второй встрече чехи полсостава обновили и победили 6:1. Но наши газеты тог да написали, что «Химик» не ударил в грязь лицом, с самими чехами, с их первой сборной потягался на равных. Сейчас никто из болельщиков со стажем не вспомнит, пожалуй, тот эпизод, а он для «Химика» был важен, поскольку поднял престиж команды, и нам, игрокам, на строение улучшил, уверенности в своих силах прибавил.

И еще один эпизод, характеризующий отношение Эпштейна к людям, к себе, к своему слову. Юрий Борисов, играя в «Химике», оставался все же человеком, по его собственному признанию, московским. «Химик» любил всем сердцем, тренера боготворил. Но корни в Москве были.

— Как–то, — говорит Борисов, — подошел к тренеру: «Николай Семёныч, квартиру бы мне в Москве, а?». Эпштейн, всегда отличавшийся особой внимательностью к такого рода

просьбам, к бытовым проблемам игроков, отвечал: «Вот что, Юра, если я тебе в течение года квартиру не сделаю, то можешь смело уходить из команды». Я знал, что это не бравада тренерская, что если сказал Семёныч, то слово свое сдержит. А тут, немного погодя со «Спартаком» перспективы открылись, берут меня в спартаковскую команду. Я к Эпштейну: «Так мол и так, Николай Семёнович…». Он в ответ: «Что ж, слова я своего не сдержал, квартиру не сделал, как обещал, иди». Дело, конечно, было не в квартире, я об этом и не думал, когда пришел к Эпштейну, да и срок–то еще им самим же обозначенный не вышел. Просто хотелось себя в «Спартаке» попробовать. И Семёныч, полагаю, не о квартире в тот раз думал. Он, как никто другой, остро чувствовал, когда тому или иному игроку пришел момент попробовать себя в более сильном клубе. Когда у хоккеиста есть все для роста. И не перечил, отпускал, хотя тем самым ослаблял свой возлюбленный раз и навсегда «Химик». И переживал, всей душой переживал, когда команду беспардонно, без его ведома, растаскивали. Но факт остается фактом: в «Спартак» я попал с благословения Эпштейна.

Второе спартаковское звено в шестидесятые годы, стучалось, что называется, в двери сборной Союза. «Спартак», ведомый Всеволодом Бобровым, был прекрасно сбалансированным коллективом с подбором отличных мастеров, среди которых выделялись и хоккеисты экстра–класса.

Стоит, пожалуй, привести целиком состав команды в сезоне 1966–1967 годов, когда «Спартак» был сильнее самого ЦСКА и заслуженно выиграл звание чемпиона страны во второй раз в своей истории: в воротах первым номером стоял Зингер, первая пятерка: Блинов — Макаров, братья Майоровы, Старшинов; вторая пятерка: Китаев — Кузьмин, Фоменков — Борисов — Мартынюк; третья пятерка: Мигунько — Лапин, Зимин — Шадрин — Якушев. В атаке в третьей пятерке играл и Виктор Ярославцев, хоккеист по своим задаткам, по потенциалу выдающийся. В сборной он выступал вместе с Борисом Майоровым и Старшиновым, чемпионом мира стал, а мог бы достичь куда большего.

— Шутка сказать, — ностальгически улыбается Борисов, — мы в том сезоне забросили 303 шайбы, пропустили меньше всех — 97 шайб и потеряли в 44 турах всего–навсего девять очков. В том сезоне я установил личный рекорд результативности — 20 голов. Зимину было 19 лет, Якушеву — 20, а они по 34 гола забили, Витька Блинов в 22 года уже был выдающимся защитником, его бросок силы был невероятной, 17 голов он наколотил тогда.

Борисов убежден, что тогдашний «Спартак» был командой без слабых мест. Но самое главное — играли в том сезоне красно–белые вдохновенно, раскованно, импровизируя на ходу. И главная заслуга в этом Всеволода Боброва.

— В него мы все были влюблены, — не скрывает давнего обожания Борисов. — Это был человек огромного обаяния, с большим достоинством, знавший себе цену, в то же время необыкновенно доступный и простой в общении. Авторитет его был в команде непререкаем. Он мог и в свои 50 лет кудесничать на площадке. Когда мы ездили на игры за рубеж — в Швейцарию, или в Италию, Всеволод Михайлович любил иной раз сыграть и сам. И все больше — в нашем звене. Без голов не уходил, и, бывало, выговаривал нам: «Ну, что, чемпончики, что, растяпы, забивать–то когда начнете, а?! Играть ни хрена не умеете. Я что ли за вас шайбы должен забрасывать?». И забрасывал, радуясь, как пацан. Гол для него был моментом высочайшего счастья, превыше всего.

На предсезонные сборы выезжал хоккейный «Спартак» по традиции в Алушту. Тренировки носили разносторонний характер. Играли спартаковцы и в футбол.

— И даже устраивали мы показательные игры в окрестных городах — Евпатории, Кудепсте, Ялте. А надо сказать, что в футболе мы тоже кое–что умели. Борис Майоров даже пару матчей за основу московского «Спартака» в первенстве Союза сыграл, Шадрин прилично играл, да и многие из нас с футбола мальчишками начинали. Играли мы не за деньги, а за фрукты. С нами местное начальство, приглашавшее на игры, расплачивалось яблоками, мандаринами, у нас в меню всегда свежие фрукты были. Так и говорили: «Завтра за фрукты играем». Афиши по городам расклеивались, народ на игры валил валом. И где–то минут за 20 до окончания игры публика начинала скандировать: «Бобров, Бобров». Долго уговаривать Всеволода Михайловича нужды не было. Он появлялся на поле неизменно в полосатой майке ВВС. Думаю, — замечает Борисов, — что годы в ВВС были для Боброва самыми счастливыми в его карьере. Такое вот у меня ощущение осталось. Он выходил на поле, вскидывал призывно руку и провозглашал: «Ну, чемпончики, так вашу да разэтак, играй сюда, на ВВС».

Ворота на поле устанавливались легкоатлетические, для стипль–чеза. Но Боброву это обстоятельство помехой не было. Бегать он, конечно, уже не мог, как раньше, да и как бегать? На колени его было страшно смотреть, все в шрамах, какие–то вывернутые. Но бил неподражаемо: и с ходу, и с лету, и с места. Прицельно, смачно, хлестко. И забивал голы. Публика

неистовствовала. Мы балдели от счастья, от радостного чувства общения с гениальным игроком, от того, что мы вот так запросто гоняем мяч с необыкновенным самородком, державшимся с нами по–свойски, по–товарищески, и преподносившим нам уроки спортивного мастерства.

Встреча с Бобровым, как и ранее с Эпштейном, это еще один — в этом твердо убежден Юрий Борисов — подарок судьбы. Две выдающиеся личности, от которых, как от печи в русской избе, исходит и животворное тепло, и свет. Молодым ребятам под их водительством было чему поучиться в жизни. Злые языки, каковых при любом строе и при любой погоде хватает, на все лады смакуют ныне истории о том, каким был «Бобёр» в загуле безудержным, как был он обласкан, окружен, вязким, как патока, женским вниманием, как мог разъяриться в гневе и влепить какому–нибудь слишком бесцеремонно–назойливому высокопоставленному почитателю оплеуху.

«Да разве это было определяющим в фигуре великого спортсмена?! Всеволод Михайлович покорял широтой своей натуры, готовностью пожертвовать ради друга всем, — говорил Эпштейн, свято убежденный, что Бобров был номером один в нашем и футболе, и хоккее. — Мастер он был неподражаемый, второго такого быть не может. И жил он так же, как играл — размашисто, непредсказуемо, ярко, открыто, всей душой, всем сердцем. Подлости не терпел, гадостей никому не делал. Выигрывал всегда в честной, бескомпромиссной борьбе. Любил людей. Поэтому–то и стал всенародным любимцем. Он душу народа на поле выражал. Тут сочетание величия игрока и личности. Не так–то часто это в жизни случается. А Севка и игрок был гениальный, и тренер выдающийся. Вот какие дела. А мне тут гундят всякие разные: «Бобров, мол, по пьянке не успел на самолет, а потому и остался жить, когда команда ВВС под Свердловском разбилась». Ну и что дальше, спрашиваю я таких «правдолюбов», дальше–то что? А ничего, хлопают обормоты глазами и никаких других аргументов.

Севка и пил–то как личность. Сидят, бывало, компанией в ресторане, «гудят» прилично. А расплачивается Бобров и помогать никому не дает. То же самое — Коля Сологубов и Иван Трегубов. Лучше этой пары защитников не ведал наш хоккей. Это же было чистое золото, божественные игроки, — сложив пальцы щепоткой около губ, с восторгом причмокивал Эпштейн. — Ты, знаешь, я бывало, смотрю на них и диву даюсь: откуда они взялись, такие гиганты. Ничего лишнего, ни грамма жира, накачанные, резкие, скоростные, техника блестящая, бросок мощнейший. Конечно, и Алик Кучевский был парень что надо,

Виноградов Саша, Генрих Сидоренков, Димка Уколов. Позже появились замечательные игроки Рагулин и Иванов. Этих–то я сам растил. Очень близко к Трегубову и Сологубову стояли Валерий Васильев и Саша Гусев, очень близко. Но все же те чуточку, а лучше были. И тоже керосинили прилично. Если «брали на грудь», так уж… Никто не говорит, что это хорошо. Плохо, конечно, для организма, да для всего плохо. И ушли оба из жизни раньше срока, думаю, не без помощи водяры. Только что теперь–то болтать. Было как было. Не диссертацию же писать на тему: что, как и почему. А только с ними кое–кто из молодых тоже в застольях участвовал. На равных. А утром — тренировка, а эти молодые не тянут. И вот Трегубов с Сологубовым им говорят: «Вот те на, пить с нами наравне, а бегать мы за вас что ли будем? Нет, ребятки, так дело не пойдет. А ну–ка, вперед…»«.

Вот личности. Они себе на тренировках поблажек не давали после выпивок. Работали честно, на износ.

«Я Ивана, — с затаенной грустинкой в голосе рассказывал Эпштейн, — взял к себе в «Химик» играть. Он уже к тому моменту был не тот, от «керосина» даже лечился. А я взял. Не из жалости, а из уважения к великому мастеру. Жалости он бы не потерпел. Да и знал я, что Трегубов будет выкладываться на все сто, коли к нему со всей душой, с доверием. Стараться будет. Кое–что он мог моим пацанам в команде еще показать.

А только однажды вхожу после тренировки в раздевалку, а Иван сидит, голову на руки опустил, меня не видит. И на выдохе с такой безысходностью: «Не м о г у…». Сколько живу, помню это «не могу». С такой болью Ваня это слово из себя буквально выдавил, вымучил. По–мужски, сам с собой наедине вынес себе приговор: «Не могу». Немногие, ох немногие способны в жизни на такую самооценку. Мужество тут нужно немалое».

Эпштейн не просто почитал Боброва, он его боготворил. И Бобров был влюблен в Семёныча, были они по жизни большими товарищами, тянуло их друг к другу и просматривалось в этом взаимное уважение и к спортивному таланту, и к нелегкому таланту идти по жизненной тропе с поднятой головой. Эпштейн преклонялся перед спортивным гением «Бобра», тот ценил человеческие и тренерские достоинства Эпштейна, позволившие Семёнычу на ровном месте в короткие сроки слепить одну из лучших и самобытнейших команд Советского Союза.

— Однажды, — рассказывает Борисов, — играл «Спартак» с «Химиком» в Воскресенске. И выиграли мы 10:1. А у нас тогда автобус сломался, и возвращались мы в Москву на электричке. Случилось так, что Эпштейн ехал с нами. Помню, он меня просто замучил вопросами: что с вами делает Бобров, что у вас такая

команда классная, за счет чего, как тренировки строятся. Замотал меня Семёныч, я ему всю дорогу до Москвы рассказывал, что да как. А он слушал, самым внимательным образом слушал, я бы даже сказал так — на ус мотал.

С 1973 года работает Борисов в спартаковской школе. Нашел в этой работе свое второе призвание. Разменял седьмой десяток. А совсем недавно перенес операцию, да какую — замена тазобедренного сустава. Сказались годы, проведенные в большом хоккее. Операцию делал ему в 13-й московской больнице профессор Николай Васильевич Загородний.

— Блестяще сделал он свое дело, — с благодарностью говорит Бори сов. — Хотя и потерпеть пришлось мне сполна. В больнице я пролежал 21 день, потом три месяца на костылях ходил, потом — с палочкой ковылял, а вот теперь выхожу снова на лед, не форсирую, конечно. Но на коньки встаю.

Разговор об этом периоде в жизни тренера зашел не случайно. Заметил я, что подволакивает Борисов ногу, поинтересовался, отчего ж так? И услышал в ответ, что сустав износился, и что другого выхода, кроме операции, не было. И обошлось ему это в кругленькую сумму — три тысячи долларов. А клуб родной, спартаковский, не помог ему деньгой. Логика была такая: а с какой стати, почему, мол, клуб должен деньги выкладывать, твое личное это дело…

Дело, конечно, личное. В рынок ведь мы влетели, как хоккеисты в зону противника, на огромной скорости. Но уж если следовать хоккейной терминологии, то успешной атаки с ходу у нас в стране не получилось. Пришлось начинать, образно говоря, позиционную игру, а она не всегда приносит успех. Сказавши «А», почему–то забыли мы сказать и «Б». Такое у нас, русских, случается часто, особенно когда напортачим в чем–нибудь и с трудом в этом сами себе признаемся. Рынок.

Рынок–то рынком. Но вот странность. Очень быстро у нас научились взимать в условиях этого рынка с жителей деньги за те или иные услуги. Не подумав о том, чем же россияне могут оплачивать их? Ведь размеры зарплаты у людей должны позволять им и себя кормить, и услуги оплачивать, в том числе за лечение.

Конечно, когда прихватит, то все, что есть в доме, продашь, лишь бы отпустила болезнь. Борисов смог достать требуемые для операции три тысячи долларов. А сколько людей не смогли и не смогут наскрести денег на лечение, а? Я грешным делом, толкуя с тренером, подумал даже, что операцию сделали Борисову «тайком». То есть дал он профессору «на лапу», а формально все выглядело бесплатно. Ведь так у нас продолжают твердить

высокие чиновники от медицины: лечение у нас, в России, бесплатное.

— Да нет, — развеял мои подозрения бывший спартаковский форвард. — Я же деньги не Загородному в руки отдал. Квитанцию мне выписали в бухгалтерии больничной, все как положено.

Кем положено, откуда, когда это появилось? Нет ответа на эти вопросы. Говорят сторонники рыночных преобразований в их нынешнем российском виде: «да во всем мире за лечение люди сами платят!» Отвечу на это: «нет, не во всем». В Швеции, например, стране со смешанной (читай — рыночной) экономикой, Борисову, будь он шведским гражданином, такую операцию сделали бы бесплатно. Потому что медицинское обслуживание населения в этой скандинавской стране, хоккейная сборная которой выступает постоянной нашей соперницей на всех международных турнирах, практически бесплатное. И все больные получают бесплатно палочки, костыли и другого рода приспособления, помогающие легче преодолевать недуг или его последствия.

Вот вам и цивилизованный рынок: платишь налог и знаешь, в каком виде эта денежная повинность может вернуться к тебе в самый нужный, самый сложный момент жизни.

Почему такое возможно в Швеции? В не меньшей степени потому, что на государственном уровне превалирует понимание: благополучие страны напрямую зависит от здоровья ее жителей. Шведский подход к охране здоровья населения базируется на осознании простой истины: «здоровые люди — благополучное общество».

Наш разговор с Борисовым случился в конце мая 2003 года. А 19 апреля мы с Эпштейном на выходе из ледового дворца еще раз столкнулись с Ковальчуком. И, еще раз полюбовавшись на его мощную фигуру («Надо ж, какой здоровый парень–то», — удивленно вскинул густые седые брови Семёныч), пожелали молодому дарованию успехов на финском льду:

— Будь здоров, Илюха, ни пера тебе там, ни пуха!

— Буду, — засмеялся в ответ Ковальчук.

Но в Финляндии на первенстве мира 2003 года сборная России ничего не выиграла. Последовали традиционные «оргвыводы»: Плющева отстранили от работы и в качестве «пожарника» руководство Федерации хоккея России призвало в команду знаменитого Виктора Тихонова, полагаясь, видимо, на магию имени и авторитет. Помогал мэтру Владимир Юрзинов–старший. Вновь два многоопытных тренера сошлись вместе, как в былые годы. Но в отличие от тех прошлых лет команду к успеху не удалось привести и им, познавшим в иные времена вкус самых

громких и многочисленных побед.

И профессионалы из НХЛ, в их числе Ковальчук, не выручили. Кстати, когда в сезоне 2004/2005 годов в НХЛ случился локаут и сезон там по этой причине не был сыгран, в Россию приехали многие звезды НХЛ. Особенно прилично собралось их в казанском «Ак Барсе». И Ковальчук среди них. И что же? Не очень получился, если говорить откровенно, сезон у Ильи. Не было былого блеска, мощи, обводки. Говорили мне об этом многие хоккейные люди. Но они же, правда, тут же добавляли, что такое случается с игроками. По разным причинам. Главное в этот момент — не пасть духом, продолжать работать и сохранить уверенность в своих силах. И игра наладится… Так оно и вышло. Вернувшись в клуб «Атланта», Илья набрал по состоянию на 15 января 2006 года в сезоне 2005/2006 годов 66 очков: забил 34 гола и отдал 32 результативных паса. Хорошо бы, если «прицел» клюшки Ковальчука не сбился и в олимпийском Турине.

А тогда, в Одинцово, мы с Эпштейном пошли в сторону от Дворца спорта.

«Идем, я тебе покажу, где жил до войны», — сказал мне Семёныч. Заинтригованный, я только тут и понял, что Эпштейн поехал со мной и на сборную поглядеть, и на свой старый дом взгляд бросить. Совместить два дела. Тем более что дом этот находился по адресу: Можайское шоссе, 63.

Дом, в котором начинал жизнь Эпштейн и который собирались сносить, стоял впритирку к шоссе. Деревянный, темно–бурого окраса, с наличниками, застекленной верандой. Сколько их таких в России? Сотни тысяч… Ветви деревьев над крышами, палисадники, кусты смородины, сарай. Пока шли, Эпштейн угадывал снесенные уже дома, в которых жили когда–то добрые соседи. Остались от тех жилищ лишь кустарники, да яблони. Да кое–где покосившийся штакетник. «Яблонь у нас здесь вокруг было много, — молвил Эпштейн, открывая дверь в дом. — Вот тут мы и жили».

Предстала моему взору очень скромная обитель из двух комнат, куда вел коридор, своего рода прихожая, замкнутая с одной стороны стенкой печки. В большой комнате какие–то доски, кровать с ветхим матрасом, шкаф с помутневшими стеклами, на которых сквозь осевшую пыль просматривался фигурный рисунок. Внутри я обнаружил журнал с выкройками и альбом с лекалами. «Это Любашины, она ж у меня портняжничала, — пояснил Эпштейн, увидев у меня в руках бумаги покойной жены. — Замечательная была женщина».

Часы на стенке с потемневшим от долгих лет золотистым

циферблатом давно уж времени не отсчитывают: некому гирьки подтягивать, пустота в комнатах, как в обезматочевшем улье. А в углу стояла швейная машинка фирмы «Зингер», точнее то, что осталось от машинки некогда знаменитой фирмы. «Отец ведь агентом по продаже зингеровских швейных машин работал. А сюда, в Одинцово, мы перебрались в начале 30-х годов и отец уже стал директором магазина», — раскручивал Семёныч тихим голосом летопись жизни своего семейства.

Вдаваться в подробности у Эпштейна настроения не было, чувствовалось, что удручает его запущенность, царящая в комнатушках. И былое вставало незримо рядом, теребило душу. Здесь, в Одинцово, корни эпштейновские, здесь жил он с отцом и матерью, скончавшейся во время войны, старшим братом, сестрой. Сюда привел молодую жену, которая подарила ему сына. Здесь ушел из жизни и отец, а сам он отсюда, из Одинцово, выпорхнул мальчишкой в сутолоку московской жизни.

«Ладно, пошли, что ли», — буркнул Николай Семёнович минут через десять, не желая более томить сердце не радующими глаз видениями. И мы вновь ступили на влажную черную почву дворика, где когда–то, «каких–нибудь» 70 лет назад делал подросток Коля Эпштейн зарядку, колол дрова, расчищал дорожки от снега и задумывался о грядущей прекрасной жизни.

Там, не влезая особо в душу тренера с расспросами, сделал я фото Эпштейна на фоне его одинцовского домика. Мне и раньше Николай Семёнович кое–что о своем прошлом рассказывал. А в тот апрельский день дополнились те рассказы созерцанием прежнего быта, прежнего его житья–бытья. И лучше, чем сам Николай Семёнович, о том времени никто не расскажет.

Река моей памяти

Странная штука — память. У меня уж девятый десяток за середину перевалил, жизнь за кормой большая, сколько событий, лиц, встреч. Конечно, всего не упомнить. Но хранит память события и лица избирательно, а не все подряд. В этом–то за долгие свои годы я убедился сполна. И это, думается, справедливо. Человек не машина. Но перед любым, самым современным компьютером у него есть великое преимущество. У человека есть душа. Переживающая, радующаяся, сострадающая, ликующая. Она–то и откладывает в памяти то, что ей показалось в какой–то момент бытия самым значимым. Задумайся каждый, брось мысленный взгляд назад, к истокам. Получится, что все самое главное в жизни память все–таки сохранила. Особенно из молодости. Когда и сил много, и мозг еще не износился. Компьютер–то, и тот выходит порой из строя.

Из детства своего, кстати, не многое я запомнил. Сейчас вот соображаю, почему так? Думаю, потому, что время было крутое, особых радостей не доставляло. Не было впечатлений, которые могли бы поразить мальчишеское воображение раз и навсегда.

Помню вот как в баню с отцом ходил. Помню речку в нашем Витебске, где я на свет появился. Мой отец Семен Маркович, тоже витебский, мама оттуда же родом. И вот на берегу Западной Двины я сижу. И река передо мной. Вся под солнцем, как чешуя рыбья переливается, лодки плывут, катера, народу много вокруг, пригревает. Словом, жизнь.

Витебск. Какой он был в начале прошлого века? Ну, центр города — еще куда ни шло. А по окраинам домишки одноэтажные, избы. Однако трамвай в городе уже ходил. Запомнились звонки трамвайные. Переливчатые такие. Витебский трамвай, как я уж потом где–то вычитал, был первый в Белоруссии трамвай на электрической тяге и один из первых в России. Родители уехали из Витебска, думается, когда мне было года два с половиной, три. Много позже, когда я уж «Химик» тренировать перестал, зазвучало отовсюду: Витебск, Витебск. Это когда мой родной город стал столицей музыкальных фестивалей.

Ну, казалось, что мне от этого? Я ж в Витебске целую вечность не был. А в душе все же что–то шевельнулось, когда Витебск музыкальным центром стал. Песню я всю жизнь люблю. Хорошую, трогающую за сердце. Вот тебе и родина. Она в человеке живет всю его жизнь, а потом вдруг самым неожиданным образом дает о себе знать. Точнее, ты сам

осознаешь в какой–то момент, что в тебе есть и откуда.

Отец, как уже было сказано, работал агентом по рекламе и распространению швейных машинок «Зингер». Не знаю уж, почему, а только вело наше семейство кочевой образ жизни. Может оттого, что требовалось ездить и рекламировать машинки, способствовать сбыту. А может, из–за того нас по свету мотало, что жизнь была нелегкая, надо было искать лучшей доли. Евреи в этом смысле легче на подъем, чем другие нации. Исторически, думаю, так сложилось.

Мотнуло нас в Тамбов. А что такое Тамбов и тамбовщина в середине 20-х годов? Кто историю читал и проходил, тот сам может себе представить. Только–только крестьянское восстание подавлено было, «антоновщина» то есть. Сказать, что лихо всем тогда приходилось, так это мало сказать.

Следующим этапом наших семейных странствий стала Башкирия. Помню мед тамошний, прекрасный и душистый башкирский мед. Невероятное по тем временам лакомство. Меня отправили в Давлеканово, это километров восемьдесят от Уфы. Понятно, я и подумать не мог тогда, что Башкирия подарит стране много отличных хоккеистов. И хотя в хоккей канадский тогда на Руси еще не играли, но будущие чемпионы уже родились и росли. Сейчас вот «Салават Юлаев» в суперлиге выступает.

Велика все–таки страна Россия. И талантлива безмерно. Какой город, даже село ни возьми — везде таланты и гении рождались. Одна Смоленщина чего стоит — адмирал Павел Степанович Нахимов, космонавт Юрий Гагарин, скульптор Лев Кербель, Александр Трифонович Твардовский, Михаил Васильевич Исаковский — все они уроженцы Смоленщины. И в хоккее то же самое. Куда меня только в жизни не заносило, везде находил я талантливых пацанов, которые потом мастерами отличными становились! Это в хоккее. А скольких людей, одаренных талантом в других областях, встречал я во время своих поездок по Советскому Союзу. Со многими подружился, поддерживал товарищеские отношения. Жизнь моя как с детства пошла вся в дорогах, так и продолжалась. В футбольные и хоккейные свои годы поездил я немало по свету, а когда «Химик» тренировал, то и по другим странам поколесил изрядно.

Из Башкирии привела нашу семью дорога в подмосковную Коломну. Приятнейшие воспоминания связаны у меня с этим рабочим городом. Я видел, что в рабочих семьях росли хорошие дети. Порядок был налажен в труде и быту. Утром гудок заводской пропел, глава семейства позавтракал вместе с сыном и вместе же из дому. Отец — на завод, младший — в школу. Подросток видел, как старшие трудятся, как дорожат своим

ремеслом. И исподволь, с малолетства проникался уважением к родителям, сам начинал соображать, что жизнь без работы, без профессии невозможна. Мои дружки многие из рабочих семей происходили. Крепкие были пацаны. В драке, например, бились только на кулачках, по–честному. Если кто–то ноги в ход пускал, того всем миром осаживали. Лежачего не трогали. Это сейчас пошла мода ногами лупить куда попало. Восточные единоборства! Нет слов, по нынешним временам куда лучше, если молодые ребята занимаются такими единоборствами, нежели водку пьют и наркотиками балуются. А только я так себе мыслю: русские без всяких этих единоборств брали верх и над японцами, и над другими нациями. Духом брали и статью. В каждом виде спорта отражается ведь и характер народа, его нравственность. Хоккей, к примеру, канадское изобретение, но как прижился он на русских просторах! А почему? Да потому, что пришелся по душе русским людям темп игры, скорость, умение терпеть и принимать противника корпусом в открытом бою. Удаль можно было свою показать молодецкую, пофорсить, а это всегда у нас любили. Но сначала–то был в России футбол. Без него, без футбола, и без хоккея с мячом не было бы у нас на Руси, заявляю это с полной ответственностью, нашего хоккея. Того хоккея, который был сильнейшим в мире, и который во всем мире признавали, как эталон.

В Коломне мы тоже играли в футбол. Бывало, не только мяч, а друг друга–то не различаем в сумерках, а все бегаем, бегаем. Удовольствия от игры — бездна. С мячами, конечно, были проблемы. Как–то залезли мы в кладовку при местном стадионе и украли пару мячей. Понимали, конечно, что плохо поступаем. Накрой нас тогда взрослые, дело могло кончиться для нас худо. Особого труда не стоило в небольшой Коломне найти воров. Мячи тогда были достаточно ценной вещью. Но, может быть, так рассудили взрослые: пускай гоняют пацаны мячи, лучше что ли будет, если их в колонию посадить за воровство? Жизнь порой распоряжается так, что вернулась та история ко мне самому бумерангом.

Вспоминаю, как познакомился с братьями Рагулиными. «Химик» базировался тогда в Москве, на стадионе «Красное знамя», при заводе «Каучук». Как–то мы застукали братьев на краже клюшек из нашей подсобки. Привели их ко мне. Спрашиваю:

— Зачем вам клюшки–то?

— Как зачем? — отвечают. — Во дворе в хоккей играть.

— Так, может, лучше играть у нас в команде, на хорошем льду? Вот так и оказались братья в «Химике». Ну а что, если бы я

их в

милицию повел, всю эту бодягу развел? Не думаю, что пользы от этого вышло бы больше. Да и что–то было во всех трех привлекательное. Открытость какая–то. Вот и взял их в команду.

Хоккей, к слову сказать, многих ребят от тюрьмы спас. Играть–то в хоккей мы начали после войны. Сколько отцов с фронтов домой не вернулось? Цифру представить себе страшно. А что пацаны? Ребятам из простых семей деваться было некуда. Двор, улица. Телевизоров не было, радио только в виде репродукторов. Матери на работе пластались, чтобы семьи прокормить. А ребятам улица оставалась. Мне как–то Цыплаков Витька — был такой в «Локомотиве» московском в шестидесятые годы замечательный нападающий, за сборную Союза играл, прямо так и брякнул: «Да что, Николай Семёныч, говорить. Что бы с нами было, если бы не хоккей? Сели бы все, тут уж без сомнений».

Да, послевоенный спорт сыграл исключительную роль в судьбах страны. Социальную роль. Особенно футбол. Он тогда наилучшим образом олицетворял мирное время.

Наконец, семейство наше поселилось в подмосковном Одинцово, я ездил учиться в Москву, в школу, что стояла на 2-й Брестской улице, неподалеку от Белорусского вокзала. А рядом — стадион Юных пионеров. Знаменитая на всю Москву на этом стадионе футбольная секция была. И я там начал поигрывать. Секцией руководил тогда большой энтузиаст спорта Николай Николаевич Никитин. Он впоследствии стал заслуженным тренером СССР.

Тогда в Москву сборная Басконии из Испании приехала. Футболу нашему тот приезд придал мощный импульс. Баски пас в матчах с «Локомотивом» и «Динамо» изрядно потрепали. А вот в игре с московским «Спартаком», в составе которого играли братья Старостины, баски проиграли. То был впечатляющий результат, вся Москва, помнится, ликовала. И даже не столько результат радовал, сколько уровень футбола, благодаря которому этот результат был достигнут. Баски тогда считались европейскими футбольными грандами.

В 1938 году я уже играл в первой молодежной команде «Спартака» и очень гордился данным мне прозвищем «Леута» по фамилии замечательного спартаковского форварда Станислава Леуты. Сильная тогда у «Спартака» молодежь была. Я играл вместе с Тимаковым, Деминым, позже — прекрасным нападающим знаменитой послевоенной команды ЦДКА.

Но футбол — футболом, эта игра главной, всепоглощающей страстью была. С приходом же зимы становились мы все на

коньки и начинался хоккей. Эта игра тоже была очень популярна, увлечение ею было, можно сказать, повсеместное. Так и шла жизнь: летом — футбол, зимой — хоккей, наш русский. И не случайно лучшие футболисты были и ярчайшими хоккейными звездами. Хоккей ведь имел глубокие традиции. На московском заводе «Серп и молот» приличные мастера были. Там, к примеру, Александр Игумнов начинал, будущий отличный спартаковский хоккейный тренер, разглядевший Анатолия Фирсова, братьев Майоровых, Старшинова Славку, братьев Ярославцевых, Дмитрия Китаева. Хоккейный «Спартак» своим взлетом в начале шестидесятых годов во многом обязан Александру Ивановичу Игумнову, нашедшему свое истинное призвание в работе с мальчишками.

С «Серпа» же вышел в футбол замечательный тренер и прекрасный человек Борис Андреевич Аркадьев, высочайшей культуры и обаяния личность. Умница. До сих пор лучше его книги «Тактика футбольной игры» у нас ничего на футбольную тематику не написано. В «Спартаке» прилично гоняли хоккейный мяч братья Старостины, Владимир Горохов, Петр Исаков, Владимир Степанов. В составе динамовцев блистал Михаил Иосифович Якушин по прозвищу «Михей», лучший, пожалуй, довоенный форвард нашего русского хоккея. Игумнов с «Михеем» в сборной Москвы вместе играли блестяще, понимали друг друга с полуслова, неудержимый был дуэт. Говорили, что «Михей» изобрел в русском хоккее великий удар по мячу, так называемый удар «хлюп». На самом–то деле этот сложнейший по техническому исполнению прием первым применил прекрасный ленинградский хоккеист Петр Филиппов.

А какой красавец был Вася Трофимов! Словами его игру описать невозможно. Коренастый, взрывной, увертливый, с отличным ударом и стремительной скоростью, он был кумиром болельщиков. Пожалуй, в нашем футболе он лучшим правым краем был. В русский хоккей тоже играл виртуозно. Сборную СССР много лет тренировал. А когда пришел к нам канадский хоккей, то Трофимов в составе его родного «Динамо» стал первым чемпионом страны 1947 года.

Сам я, боготворя футбол, любил и хоккей. Как прекрасно было в морозный денек выскочить на лед Патриарших прудов и скрестить клюшки со сверстниками из «Динамо». Я играл за «Пищевик». На Патриарших в предвоенные годы проводились матчи первенства Москвы среди мальчишек и юниоров. Вот фотография, как раз на льду Патриарших сделана. Смотрю и думаю: мать честная, это сколько ж лет минуло?! Вот стоит в белых валенках, кожей подбитых, начальник нашей команды и

тренер, знаменитый вратарь Филиппов. Для кого–то название Патриаршие пруды ассоциируется прежде всего с «Мастером и Маргаритой». А для меня этот уголок Москвы — память о годах юности, о моих друзьях, веселых и озорных московских мальчишках, с которыми можно было идти в огонь и в воду. Нет уж, к сожалению, никого в живых.

Я тоже Булгакова люблю и роман его знаменитый иной раз местами перечитываю. Мудро поступил Михаил Афанасьевич, начав повествование со встречи Берлиоза и Бездомного с Воландом на Патриарших. Уж очень это исконно московское неповторимое место. Аромат особый, запев своеобразный и точный, благодаря такому началу, приобрел роман.

Патриаршие — они ведь не только булгаковское сердце трогали. Вот еще замечательно сказано: «Туманны Патриаршие пруды, мир их теней загадочен и ломок…». Прекрасно Евгений Евтушенко передал этим стихотворением мироощущение москвича, для которого Патриаршие — это больше, чем просто уютное место в центре столицы. Это ведь и жизненная философия, и размышления о жизни, своем в ней предназначении, о любви, печали увядания. Да обо всем. Верную тональность избрал поэт. Люблю Евтушенко. Он, кстати, спортивный поэт и начинал печататься с первыми стихами в «Советском спорте». Его «Прорыв Боброва» — стопроцентное проникновение в образ героя. Лучше просто нельзя. Так может написать только человек, обожающий спорт, и в футбол игравший. Пусть в юношестве, пусть не на мастерском уровне, но гонявший мяч самозабвенно, отдававший игре и сердце, и душу.

Перед самой войной пришел мой черед в армию идти. Попал я сначала в полк связи, к концу войны был переведен в железнодорожные войска. Служил я, будучи связистом, в одной роте с Валентином Николаевым, выдающимся нападающим послевоенной армейской футбольной команды.

Спорт многих от гибели на фронте уберег. А почему? Да потому, что была установка такая сверху: талантливых спортсменов на передовую не посылать! Примечательная, между прочим, установка. Говорит она о том, что, несмотря на все тяжести военных лет, особенно первого, самого губительного периода войны, руководство страны не теряло веру в победу и берегло лучшие спортивные кадры для послевоенного времени. (Послушав Николая Семёновича, я решил позвонить Валентину Александровичу Николаеву. Не из сомнений, а для интереса: что помнит о том времени прославленный армейский ветеран. «Да точно, — отвечал на мой вопрос Николаев. — Я в 1939–1940-м годах служил в полку связи красноармейцем. И Коля Эпштейн

там же службу нес. Во время войны — с августа 1941 года по апрель 1942 года — я служил в службе охраны Генштаба Министерства обороны. Вместе со мной служили Анатолий Тарасов, Евгений Бабич, Демин, всего 15 человек. Мы писали заявления с просьбой отправить нас на фронт. А нас берегли, сохраняли для послевоенного времени. У меня даже есть удостоверение участника Великой Отечественной войны. Конечно, — убежденно сказал Николаев, — нас сохраняли на будущее». — *Прим. Н. Вуколова.*).

Спортсмены отплатили за это сполна. Характерной приметой времени в послевоенной стране стало знаменитое футбольное противостояние двух великих команд — «Динамо» и ЦДКА. Народ до отказа заполнял трибуны стадиона «Динамо», энтузиазм был невероятный, болели самозабвенно, истово. Люди радовались тому, что войне конец, очень радовались. И успехи армейской футбольной команды олицетворяли собой доблесть армии, разгромившей немца.

Листки Эпштейна

Каждый из нас во время хоккейного матча наблюдал за действиями хоккейного тренера: вот он что–то втолковывает по ходу игры, наклонясь к хоккеистам, вот что–то записывает в блокнотик, делает какие–то пометочки, а вот что–то указывает из–за бортика игрокам на площадке, бурно жестикулируя. Мне всегда очень хотелось и по сию пору хочется знать содержание этих действий тренера, заглянуть за кулисы хоккейного действа.

Сами же тренеры неохотно говорят на эту тему, считая, что в вопросах профессиональной подготовки мало кто понимает. Тем больше наше желание проникнуть в святая–святых — в хоккейную «кухню».

Сколько раз спрашивал я Эпштейна, какие тактические построения он применял в играх «Химика», по каким схемам играла команда под его водительством. Николай Семёнович в ответ на эти мои вопросы только удивленно вскидывал брови и недоуменно пожимал плечами. Вгоняя иной раз меня в краску: дескать, что за несуразицу ты спрашиваешь. Я настаивал, утверждая, что есть какие–то общие принципы игры, есть и нюансы, особенности, есть и тактика. Недаром же в конце концов в шестидесятых годах на страницах газет велась оживленная полемика между Эпштейном и Тарасовым по поводу принципов игры «Химика». Нападающей стороной тут был азартный и вспыльчивый наставник ЦСКА, упрекавший старшего тренера «Химика» в отступничестве от принципов наступательного советского стиля игры. Та полемика втянула в свой водоворот многих видных специалистов и, берусь утверждать, была весьма полезна нашему отечественному хоккею.

— Ну, Николай Семёнович, — иной раз канючил я, как самый обыкновенный пацан, — ну расскажите же. Что вы, в самом деле…

— Да что, что тебе рассказать–то, что?! — взрывался Эпштейн.

— Ну, как вы игру ставили, какие схемы использовали, какие давали установки на игру?

— Ха, схемы, — язвительно подсмеивался Николай Семёнович, — схееемы!!! Я тебе так скажу: когда мы с ЦСКА играли, то я ребятам никаких и слов–то не говорил. Для них самих ЦСКА таким был раздражителем, что их ни в чем убеждать не надо было. Сами, бывало, обо всем договорятся и понукать никого не надо. За счет этого и удавалось играть на равных с

ЦСКА…

— …Однажды, — вспоминал с улыбкой Семёныч, — подходит ко мне перед игрой Тарасов, обнимает за плечо и ласково так говорит: «Колюня, а у тебя защита–то слабая. Надо тебе в атаку пускать людей, чаще нападать». Ну, думаю, гусь ты, Анатолий Владимирович. Хитер–монтер. Я в атаку брошусь, а ты меня со своими орлами разнесешь в пух и прах. Кто же устоит перед такими армейскими нападающими, у пего ж там вся сборная, по сути, играет? Нет, — соображаю про себя, — я в атаку–то пойду, но только когда в тылах будет порядок. И не иначе.

Сейчас, в начале нового века, та полемика воспринимается по меньшей мере странно. Слыхивал я от многих хоккейных спецов, от самих бывших хоккеистов, что игра «Химика» начала — середины 60-х годов была во благо отечественному хоккею, ибо именно на неуступчивой подмосковной команде могли наши лучшие клубы того времени — ЦСКА, «Спартак», «Динамо» — учиться взламывать оборонительные редуты, воздвигавшиеся у своих ворот шведами и чехами. Говорили мне умудренные хоккейные личности, что Эпштейн со своим «Химиком» опередил в тактическом плане и шведов, и чехов, а уж игроков–то хороших в Воскресенске, где каждый мальчишка спал и видел себя в форме «Химика», можно было найти под его тактические «задумки». Да и то сказать, ведь обыгрывал «Химик» на выезде, участвуя в различных предновогодних европейских турнирах, лучшие шведские и чешские клубы, и кубки брал. Полярный кубок, Кубок Ахерна.

Стало быть, думал, крепко думал Николай Семёнович, работая с командой, следил за развитием хоккея, наблюдал, читал специальную литературу, оценивал, сопоставлял, делал выводы. И «лепил» свой «Химик» таким, каким он ему виделся.

И все же никак не мог я расположить тренера на откровенный разговор по поводу премудростей хоккейной «кухни». Но попался мне как–то в руки среди тренерских старых бумаг, к коим был я допущен любезно самим Эпштейном, один неказистого вида темно–зеленый блокнотик с пометками и записями, сделанными тренерской рукой на отдельных листочках. Кое–что мне эти заметки приоткрыли в тренерской работе. Тем более, что носили они не характер размышлений па отвлеченные темы, а делались по итогам игр «Химика» с другими командами и являли собой некие мини–отчеты. И даже содержали сентенции, достойные того, чтобы стать своего рода хоккейными «заповедями».

Ну, например, вот такая мысль: «Нельзя делать ставку на людей равнодушных или слабых духом. Только целеустремленные и по–хорошему честолюбивые спортсмены

нужны нашей команде, потому что для них никакой труд не в тягость, потому что они не считают, что приносят непосильные жертвы, усердно тренируясь и соблюдая режим».

Разве хоть один тренер, да что там тренер — хоть один здравомыслящий человек — не подпишется под этими святыми словами?! Записал их Семёныч на листочке 7 мая 1972 года в Ташкенте, где в то время на сборах находилась подмосковная команда.

С удовольствием читал я эти эпштейновские листки–памятки, на которых не гнушался тренер фиксировать мысли и других выдающихся спортивных личностей. Мысли, которые совпадали с его собственным мироощущением и пониманием сути дела.

«Ничто не заменит тяжелой работы. Играйте и тренируйтесь, играйте и работайте. Тренируйтесь в любую свободную минуту».

Как, читатель, имел право на такую сентенцию Гордон Бенкс, знаменитый голкипер знаменитой сборной Англии 60–70-х годов? Безусловно имел, ибо поражал Бенкс всех любителей футбола своей внешне неброской, но чрезвычайно надежной игрой в воротах. И отыграл за национальную сборную Англии множество матчей, что явилось наглядным свидетельством спортивного долголетия знаменитого англичанина. Теперь–то, после знакомства с этой цитатой, понятно, на чем оно зиждилось!

«Через постоянные усилия я обострил свою реакцию, ускорил свои рефлексы. Никакие беседы самого великого тренера не помогут вам стать вратарем, а только постоянные изнуряющие тренировки» — это тоже Бенкс. И чем не подходит такая формула для хоккейного вратаря? Не говоря уж о следующей:

«Не 90 минут физических усилий выматывают вратаря, а колоссальная трата нервной энергии, иначе вратари не знали бы усталости».

И наконец, фраза, в которой выражена вся спортивная, а быть может, и жизненная философия великого английского голкипера:

«Главное — безопасность и надежность.».

Вот с помощью каких мудрых мыслей поднимал боевой дух своих воспитанников Семёныч. И ведь действовало, судя по результатам, доходило. Ну а как может не дойти до сердца такая фраза знаменитого венгра Ласло Паппа, трехкратного олимпийского чемпиона по боксу:

«Победе надо отдавать все силы и на тренировке, и на ринге. Отдавать неделями, месяцами. Перед каждым турниром». Или:

«Нужно быть предельно сосредоточенным, чтобы выбрать

удобный момент для атаки. Нужно настойчиво искать этот момент и стараться найти его прежде, чем найдет его противник».

Ну, прямо руководящее хоккейное наставление о переходе от обороны к нападению. Хотя исходит оно от боксера. Ничего удивительного в этом, однако, нет. В спорте общий принцип, генеральная линия поведения любого атлета выражены кратко и емко:

«Хочешь стать чемпионом — работай до седьмого пота и борись».

Эта формула подходит, впрочем, и в целом для любого вида жизнедеятельности. И любой работы. При ее неукоснительном соблюдении люди даже со средними способностями могут достичь многого. В спорте и на этот случай существует отличное определение: «порядок бьет класс». И, напротив, несть числа примеров, когда, к сожалению, люди, одаренные немалым талантом, так и не могут его реализовать по причине лености духа и тела. И происходит это и в спорте, и в науке, и в искусстве. Да где угодно.

Парням, которые начинали играть в «Химике» в период его становления и возмужания, повезло: с ними рядом был человек увлеченный, неравнодушный, великий энтузиаст, жизнелюб, работяга, умеющий слушать других, учиться, набираться по ходу жизни ума–разума. Николай Семёнович Эпштейн — фигура в нашем хоккее уникальная. Или, как нынче говорят, знаковая. Ибо он благодаря своему таланту и страсти смог создать в заштатном городке команду высокого класса, одну из лучших в Советском Союзе, где, как известно, в хоккее толк знали. Не он один, разумеется, создавал. Без поддержки директора Воскресенского химкомбината Николая Ивановича Докторова едва ли что вышло бы у Семёныча. Но его заслуга в том, что он сумел убедить и директора, и многих других влиятельных людей, от которых зависела судьба команды, в том, что он предлагает верный выбор. Убедил, впрягся в дело и как добрый тяжеловоз потянул весь воз вверх. Неспешно, но неуклонно.

Думаю, многие хоккеисты это отлично понимали или угадывали интуитивно. Со многими бывшими «химиками» беседовал я и ото всех слышал: «Семёныч, это наш отец родной, о нем никто плохого никогда не скажет». Вот такой человек. Строгий, но справедливый, резкий, но отходчивый, душевный. Надо — прикроет грудью, надо — не даст спуску, душу вынет, измотает. Действовал Эпштейн, когда того требовала обстановка, круто. Но никто зла на Семёныча не таил. Хотя при другом тренере быть может и затаил бы.

Но вернемся к «листочкам». Вот запись собрания команды от 12 сентября 1971 года. Короткие пометки, но если вдуматься, за ними стоит многое.

«1. Машины. — Беседа в Горкоме.».

Понимать надо так, что через горкомовское начальство выбил Николай Семёнович игрокам легковые автомобили — предмет тогдашнего особого вожделения многих.

2. Дисциплина. Что делать, если тренер принимает решение? а) важность игр и сборов (режим, питание и т. д.); б) отсутствие на сборах (Жучок, Сырцов). Что ж, живите дома, питайтесь дома, но на собрания и установки приходите вовремя…

3. Принудительные тренировки: а) футбол (Жучок и Голиков стояли). Вывод: Жучка переведу на 130 и живи дома, у тебя есть квартира. Голикову — подумай, если будешь трудиться, то оставайся, или же можешь уходить.

4. Разговоры о том, что кто–то уйдет… Да уходите, хоть сейчас, именно сейчас… С учебой помогать никому не буду».

Давайте попробуем расшифровать суть этих отрывочных назывных предложений. Ну, про важность сборов и тренировок расшифровывать особо нечего. А вот про отсутствие на сборах — это важно, ибо всегда и во всех командах находились хоккеисты, которые выступали против существовавшей в советском хоккее системы долговременных сборов в течение всего сезона. Многие тяготились этим «казарменным» положением, просились домой. Вот и решил сказать Семёныч: ах, домой, ну что ж, пожалуйста, но уж изволь на тренировки и предматчевые установки являться вовремя, а коль жить хочешь дома, то и питайся дома за свои собственные, которые тебе клуб платит…

«Переведу Жучка на 130…». Уверен, имел в виду Семёныч, что скостит нападающему зарплату до 130 рублей за то, что «стоит» он на месте, не отрабатывает на тренировках. А с Голиковым все предельно ясно: будешь стараться — останешься в «Химике», нет — можешь идти на все четыре стороны…

Вот такая педагогика по Эпштейну. Замечу, что мысли эти об игроках ведущих, составлявших костяк команды. Игроках, которыми не разбрасываются, на которых опираются и на которых рассчитывают в любую и особенно в трудную минуту. Мог бы Эпштейн предпринять к ним такие суровые меры? Думаю, да.

Узнав Николая Семёновича поближе, я понял, что внутри этого мягкого на вид человека вбит стальной стержень, благодаря которому Семёныч и стал выдающимся тренером, готовым на компромисс с игроками, способным не замечать какие–то отклонения хоккеистов от режима, более того, могущим выпить

вместе со своими подопечными (лицемерия натура Эпштейна, жаждущая во всем и везде справедливости, не переносила), но не терпящим расхлябанности, пренебрежения избранным делом, безволия, пустословия, эгоизма.

Семёныч не гнался за дутым авторитетом, не лебезил перед хоккеистами, а уж тем более не был с ними запанибрата. А игроки его и любили, и побаивались, и восхищались им, и готовы были в огонь и воду пойти за своим тренером. Наверное, даже великий Тарасов не обладал такого рода авторитетом, построенным не на страхе наказания и знаменитых тарасовских выволочках, а исключительно на обаянии натуры. Хотя, без всякого сомнения, и Анатолий Владимирович был натурой артистичной и мог обаять при желании кого угодно.

Следующая запись «на листках». Разбор игры «Трактор» (Челябинск) — «Химик». 4-й круг. 1972 год. 22 февраля.

Установка на игру. Термин — «наложение». Сам по себе мало понятен. Но становится яснее, когда смотришь противостояние, задуманное Эпштейном.

Шорин — Картаев — Белоусов

Ляпкин — Кунгурцев — Сапелкин

То есть на сильнейших челябинских хоккеистов Эпштейн «накладывал мастерство» двух своих ведущих защитников и центрального нападающего Кунгурцева, который мог нейтрализовать любого, самого сильного игрока атаки.

Природин — Бец — Егоркин.

Сырцов Г. — Никитин — Ватутин… Тоже весьма своеобразное «наложение».

Далее — текст, сопровождающий действия подопечных. Текст нелицеприятный. ***«Уступали противнику в скорости, в единоборстве, в организации контратаки (по центру, особо — в открывании). Не сумели сами сыграть на скорости и не смогли поэтому погасить скорость противника. Мы им проигрываем единоборства и с шайбой, и без шайбы»***.

Есть оценка действий и по «пятеркам».

«1. Против их первой пятерки играет пятерка Кунгурцева. Они переигрывали нас в зоне. У себя в зоне следует построить хорошую оборону и остро контратаковать. Два крайних нападающих обязаны подавить своей активностью двух их защитников.

2. Пятерка Ликсютkина. Атакуя, должна не забывать о переключении в оборону. Игра без провалов — это главное для всех. Переключение и борьба за каждый метр.

3. Пятерка Никитина. Проиграла микроматч 0:1. Ваша игра — на ворота при первой же возможности. Использовать

скорость В. Сырцова».

Есть оценки и по отдельным игрокам: ***«Кунгурцев по скорости просто не отвечает современному хоккею; Сырцов и Жучок психологически не верят в свои силы и в свою игру; Савцилло — нет игрового ума, переключения скоростей, ничего в игре не создает (в противоположность играм на тренировках); Ляпкин — очень медленный и сам этого не чувствует; Сырцов В. — ничего не может создать, или кого–то обогнать; Карпов — нет борьбы, спортивной злости; Ликсюткин — вялый бег; Козин — без поддержки»***.

Человеку стороннему может показаться, что тренер разносит в пух и прах каких–то хоккейных неумех, нерадивых новобранцев. А ведь фигурируют на этом листочке имена самых любимых игроков Семёныча, в которых он души не чаял, которых выпестовал, как детей малых, — хоккеистов, уже поигравших и в сборных командах страны, познавших вкус побед на международном уровне.

«Что же делать?», — ставит сам перед собой вопрос тренер. И отвечает сам себе: ***«Упущения в начале сезона очень трудно потом наверстать. Все компоненты хороши тогда, когда они взаимосвязаны и дополняют друг друга». Следующий вопрос логически вытекает из предыдущего: «Над чем работать?». Вот ответ: «1. Сложная обстановка на поле; 2. Атака с ходу с концовкой; 3. Развитие контратаки с хорошим открыванием; 4. Позиционная игра, игра 2 — 3 и 1 — 4; 5. Игра без шайбы»***.

Еще один листок: ***«Установка на игру «Локомотив» (Москва) — «Химик» 5 марта 1972 года. Дворец спорта в Лужниках. Их не связывают очки и они работают для будущего сезона; их слабость — не может быть у них большой скорости; они слабее вас, и их в этом нужно убедить игрой; 60 минут игры с настроением, строгой и по–весеннему радостной, и сразу можно подняться на пятое место»***.

Игра 28 февраля 1972 года с московским «Спартаком». ***«У «Спартака» четыре защитника. Надо заставить их все время двигаться, на протяжении всей игры. Нужно создавать в их игре разрыв, прихватив плотно тройки нападающих, играть в прессинг. Наложение. Против шадринской пятерки — звено Кунгурцева, против старшиновской — Сырцова, против Шалимова — Ликсюткина. Высокий темп, борьба за каждый метр пространства — вот основа игры…»***.

По этим коротким фразам человек, мало–мальски интересующийся хоккеем, легко может представить себе, о чем думает тренер, как строит игру. Вроде особой премудрости и нет. Ну, право, что уж такого сложного в расшифровке определения

игры три в два? Понимать надо так, что три нападающих выходят на двух защитников соперника. Но расшифровать–то легко, а вот сыграть — это уж дело совсем другое. Причем сыграть с пользой для себя и нанесением урона сопернику. Вот эту главную задачу призван решить тренер. Эпштейн мог решать такие задачи. За счет многих составляющих. Сам погонявший шайбу изрядно, хоккей он знал всесторонне. Знал и психологию хоккеистов, провести его на мякине было невозможно.

Вот запись на листке, датированная 15 мая 1972 года. Сделана в Ленинграде. Помечена так: «О положении в коллективе». Понимать надо так, что подводит Эпштейн итоги сезона. Вот, например, видение Эпштейном трех типов хоккеистов, с которыми сводила его на жизненном пути долгая тренерская судьба:

«а) трудный игрок по характеру, но всегда с полной отдачей работает на тренировках и в игре. Такой хоккеист может часто решать судьбу матча;

б) второй тип игрока: я все могу, когда захочу. А выдача игры

у такого игрока очень маленькая, не говоря уж о тренировочной работе;

в) третий вариант — игрок, хранящий нейтралитет (моя хата с краю,

я лучше помолчу…)».

Давайте сами поразмышляем, какой тип игрока из трех перечисленных больше по сердцу Эпштейну. Как видно из содержания этого листка, в команде возник конфликт, ряд игроков захотел покинуть «Химик». Что должен в такой ситуации делать тренер? Мнение Эпштейна однозначно: «Одновременно команду имеют право покинуть без нанесения существенного ущерба коллективу не больше двух игроков».

А в чем же, собственно, суть конфликта, почему он возник? «Люди зажираются, — считал тренер, — и теряют чувство меры. Научить их может только сама жизнь. Да, не все могут быть настоящими спортсменами».

Это суровое суждение. Имел на него право Эпштейн? Думается, имел. Ибо на своем веку он повидал множество игроков — и классных, и среднего уровня. И великих, и даже гениальных. Которых с полным основанием можно было называть и настоящими спортсменами, и настоящими людьми. Вот уж 60 лет минуло, как пришла Победа. Велико было чувство радости, охватившее народ. Я тоже испытывал ощущение душевного подъема. Жизнь распахивалась настежь. А кроме того, тогда и в моей спортивной биографии событие произошло незабываемое.

Но сначала несколько слов о личном: в 1943 году женился я на Любаше. Я ее встретил еще до войны в подмосковной Тарасовке, где она жила с матерью и двумя сестрами. Ну, а Тарасовка — это ж наша, спартаковская вотчина. Там танцы до войны устраивались знаменитые. Долгую жизнь прожил я со своей Любовью Николаевной, замечательная была женщина. Многим я ей в жизни обязан.

Она ведь во всем была мне поддержкой, и в спорте — тоже. Все помнила, многие матчи, кто голы забивал. И на том памятном была. С ЦДКА, 19 мая 1945 года. Я в «Локомотиве» выступал. В том матче дебютировал в составе армейцев паренек, ставший чудом советского футбола и хоккея. И в мае 2005 года ровно шестьдесят лет с момента того дебюта исполнилось. Дата, если подумать, тоже знаменательная для всех нас, кто любит отечественный спорт.

И вот игра с ЦДКА. Армейская команда замечательная. Гриша Федотов, красавец. Выдающийся форвард. А с ним рядом — Гринин. Демин, Николаев. Я хавбека (полузащитника) играл и держал Петю Щербатенко. Хороший был игрок, парень замечательный, красивый. И тренером он стал впоследствии отличным. И вот где–то минут за 20 до конца матча Аркадьев заменяет Петра. Выходит на замену парень, фамилию называют — Бобров. Ну, парень, как парень, ничего такого особенного в нем нет. Курносый, вихрастый. Мне стало быть, его надо было держать.

И вот этот парень за двадцать минут «привез» нам три гола! Что–то непривычное вытворял он тогда на поле. Потом появились статьи: в одних пишут, что Бобров забил «Локомотиву» три мяча, в других — что два. Да разве в этом все дело?! Два, три. Это можно в подшивках газет уточнить. Меня журналисты уже позже, через много лет, когда Бобров гением общепризнанным был и играть–то, по–моему, уже перестал, вопросами одолевали: «Николай Семёнович, скажите, что вы чувствовали, когда «Бобёр» стал голы забивать?». И вроде я отвечал, что, мол, после первого гола я подумал: «Ну что ж, бывает». После второго насторожился, ну а после третьего понял, что в составе ЦДКА появился незаурядный игрочина. Не помню, честно говоря, что уж я отвечал. Может, чего и добавили в мои ответы «кудесники пера». Зато точно помню, что после игры меня коллеги по «Локомотиву» упрекнули: «Что ж ты, Коля, не смог прикрыть–то этого молодого». И абсолютно точно я друзьям своим ответствовал: «Прикрыть? Да вы что, охренели? Его ж всей командой не удержать».

Вот такое ощущение осталось у меня от того первого

знакомства с Всеволодом Михайловичем. Ощущение это так на всю жизнь мою навсегда и сохранилось. Прикрыть Боброва. Вот задачка, бином Ньютона. Да у него ж скоростища какая была, что как рванет — только его и видели. Сию минуту вот рядом был, а уже — у чужих ворот. При этом дриблинг замечательный, обводка потрясающая. И удар хлесткий. Как его прикроешь? Когда с ним рядом тоже ведь играли не дурачки какие–нибудь. Григорий Иванович Федотов — игрочище выдающийся, Валя Николаев поле бороздит взад–вперед, по краям Гринин с Деминым снуют. Кого держать, кого прикрывать? И как? Голова кругом идет.

В тот день родился в нашем футболе, я так считаю, гений игры. Лучший футболист в истории отечественного футбола. И хоккея тоже. (По данным известного футбольного обозревателя России Александра Аркадьевича Горбунова, в том матче армейцы выиграли со счетом 7:1. Бобров вступил в игру за 15 минут до ее окончания и забил два гола. Но давайте забудем о цифрах, давайте задумаемся: какое же впечатление произвел он на своего опытного опекуна, если в памяти Эпштейна остались три забитых мяча, но того более — возникло ощущение, что в советском футболе появился великий мастер, какого еще не видала страна! — *Прим. Н. Вуколова.*).

Толкуют много о личности в спорте. Пожалуйста, пример такой личности. Гриша Федотов — знаменитый нападающий, кумир болельщиков, имя его у всех на устах. Самолюбивый, познавший сполна вкус заслуженной славы. А увидел Боброва в игре и молвил: «Да, этот парень–то, пожалуй, посильнее меня будет». Легко ли было Федотову такое признание сделать? И не про себя, а вслух. Ведь услышали эти слова все армейцы. И другим рассказали. Вот подлинное величие игрока и личности — признать и оценить величие другого, с тобой рядом играющего и, чтобы там ни говорили, немалую толику твоей славы себе забирающего.

Зато уж и играли оба — загляденье. Борис Андреевич Аркадьев сумел двух таких великих в одно целое превратить. Но тут непременно следует выделить один важный, с моей точки зрения, момент. Игра армейцев во всем их блеске процветала, благодаря тому, что им противостояла великолепная динамовская команда. Там тоже братва собралась на загляденье: Бесков, Соловьев, Карцев, Трофимов. Ну, прямо, одни звезды. И вот сходились друг против друга ЦДКА и «Динамо», и в их соперничестве обогащался, набирал мастерства весь наш футбол. Ведь чем больше сильных клубов, тем сильнее весь футбол в целом. И к хоккею это в равной мере относится. Искусственное усиление одних команд за счет «рекрутирования» в них наиболее

талантливых игроков других клубов не идет на пользу ни самому футболу (хоккею), ни зрителю. Я-то в «Химике» с этим «опытом» столкнулся сполна. Не случайно ведь в Национальной хоккейной лиге (НХЛ) правом первого выбора сильнейших новобранцев пользуются слабейшие клубы лиги.

Но вернемся к послевоенным ЦДКА и «Динамо». Эти клубы эталонами служили, по ним свою игру другие команды сверяли. У динамовцев тоже ведь тренер был что надо — Михаил Иосифович Якушин.

У меня особое чувство восхищения вызывал Борис Андреевич Аркадьев. Вот был тренер Божьей милостью. Голоса не повышал на игроков, настоящий русский интеллигент. Наверное, из этой интеллигентности у него и склонность к анализу происходила. Он футбол ведь творил, он созидателем игры был. Идея сдвоенного центра им, Аркадьевым, выпестована задолго до того, как ее в мире внедрять стали. У нас в стране только в конце 1950-х годов еще одна такая пара появилась: московские торпедовцы Иванов — Стрельцов.

Но это я так, к слову. А Аркадьев остается для меня эталоном тренера. Так же, как Бобров — эталоном игрока. И личности. Я Боброва вполне вижу в любом составе сборной Бразилии. Нет, не испортил бы он там погоды. Говорят, что он «гастролер» был, мол, только в атаке играл, к своим воротам не оттягивался. А я вот не так давно посмотрел кадры кинохроники о послевоенном турне динамовцев по Англии. И вдруг вижу: Бобров из свой штрафной площади рывок делает в штрафную англичан. Через все поле, как торпеда. Вот тебе и «гастролер». Мирового класса игрок был. Нападение его стихией было, главным делом. Он нападающий был от Бога. Лучше него никто забивать не умел. Пеле ведь тоже мог бы сыграть в защите. Но все же он славен прежде всего атакой. В ней, в атаке, он наилучшим образом свой футбольный гений раскрыл…

И человек Всеволод был удивительный, с открытой душой. Отказать порой никому не мог. Но и не стелился ни перед кем. Вот однажды был такой случай. Подарил Василий Сталин всей команде ВВС кожаные пальто. Шикарные. Бобров шел поздно вечером, и шпана с него пальто сняла. Что делать, он идет дальше. Вдруг слышит сзади топот и голос: «Эй, ты что, правда что ли Бобёр?». «Не Бобёр, а Всеволод Михайлович Бобров». Вернули ему пальто те ребята. Вот такая была популярность.

Как–то были мы вместе в заграничной поездке. И вот, помню, утром встал Севка перед зеркалом, смотрит на себя. А лицо красное, накануне «посидел» прилично. Смотрел он, смотрел, тер щеки, а потом задумчиво так: «Не пойму, и чего меня только бабы

так любят?». Тут главное, что сказано–то было без всякого самолюбования, удивление такое было, я бы сказал, сверхискреннее. Он так многому умел удивляться, непосредственно, по–ребячьи…

То поколение вообще было своеобразное. В чем–то, быть может, и израненное не только физически, но и душевно. Война через их молодость проскрежетала. Но она же их души и закалила. Вот Григорий Иванович Федотов. Глыба в футболе, да какая. А образования было маловато. Уговорили его поступать в школу тренеров. Изложение писал по чеховской «Каштанке». Провалился. Ребята смеялись: «Затрахала прямо «Каштанка» нашего Григория Ивановича!». Но он самолюбивый был, стал учебники читать, подучил язык–то. Самолюбие, гордость.

После «Локомотива» играл я за «Пищевик». В хоккей с мячом тоже. В 1946 году уступили мы ВВС в стыковочном матче за право играть среди двенадцати сильнейших футбольных клубов, а на следующий год команда распалась. Стал я, как нынче говорят, свободным агентом. Пригласили меня тогда поиграть за челябинский клуб «Дзержинец». Деньги предложили по тем временам хорошие — поехал я на Урал. Там впервые встретился с директором ЧТЗ Исааком Моисеевичем Зальцманом. Вышло вот как. Приехал я, начал играть. Но только чувствую, что–то не так. Впечатление такое, будто «сплавляют» меня, будто я «не ко двору». А ведь я не сам туда поехал, пригласили же. А только стала потихоньку молва идти, что будто бы никто меня на Урал и не направлял, что я сам взял да и дал туда деру, в обход профсоюзов.

На тренировку как–то приехал Исаак Моисеевич. Ну, еврей еврея, понятное дело, всегда разглядит. Спросил меня директор, как дела. Я разъяснил. «Ну, ничего, — успокоил меня Зальцман — Разберемся». И разобрался.

Зальцман — человек масштабный был. Голова. До войны возглавлял знаменитый Кировский завод в Ленинграде. Через месяц после начала войны его завод каждый день десять боевых машин фронту давал. Экипажи на месте из рабочих–кировцев формировались. Танки от заводской проходной шли прямо на фронт, который, к сожалению, был совсем рядом с городом. А немцы об этом знали, цеха обстреливали. Но завод работал, и танки фронту давал. И ведь когда в июле 1941 года на заседании Государственного комитета обороны было предложено эвакуировать завод на Урал, Зальцман сам попросил временно отложить переброску завода, пообещав резко увеличить выпуск танков КВ. И слово сдержал.

Немцы за годы войны смогли выпустить 53 тысячи танков, а

отечественная промышленность послала на фронт более 100 тысяч боевых машин. И Зальцман имел к этому самое прямое отношение. В возрасте всего 36 лет стал Зальцман наркомом танковой промышленности!

В «Дзержинце» тогда подобралась приличная компания игроков: спартаковский защитник Виктор Соколов, Александр Загрецкий, Серега Кузин, Андрей Протасов, тоже бывший спартаковец. Играл в той команде и Виктор Шувалов, выдающаяся впоследствии хоккейная личность. Зальцман за положением дел в команде присматривал, понимал, что работягам нужна радость, требуется в той непростой жизни отдушина. Веселья–то тогда особого у народа не присутствовало, надо было вкалывать до седьмого пота, страну после войны поднимать. Спорт в те годы жизнь и олицетворял. Это точно. И Зальцман как человек государственного мышления этому аспекту жизни много внимания уделял, постоянно спорт под присмотром держал.

Как–то в 1949 году мне предложили сыграть за «Дзержинец» в хоккей. Против подмосковного «Динамо», которое тогда на Урал приехало. Я к тому моменту и клюшки–то хоккейной ни разу не держал в руках. Мне говорят: «Да брось ты, Коль. Ты в мяч на льду гонял?». «Было дело», — отвечаю. «Ну, вот и ладненько, все будет в порядке». И поставили меня левым нападающим, в тройку вместе с Виктором Шуваловым и Петром Черненко. В защите Васильев и Захватов, будущий тренер «Трактора». Все, между прочим, приличные футболисты, мастера. Выиграли мы у «Динамо», и мне говорят: «Видишь, все нормально. Ты в составе, теперь поедем на игры».

Ехать было надо в Вологду, Архангельск, Куйбышев. И сейчас–то концы приличные, а тогда просто «дистанции огромного размера». Помню, прибыли в Вологду. Нас в вагоне разместили и всю ночь по путям возили. Зачем — непонятно, но не поспишь. А в восемь утра — игра, начинали рано из–за оттепели. Обе встречи мы выиграли. Далее — Архангельск. У соперников в команде уже две пятерки было, а у нас — одна. Да пара запасных игроков. Как мы шутили — барон Штырков да бродяга Пешков. Потруднее вышло, чем в Вологде. Но обыграли и архангельских ребят.

Вернулись в Челябинск, а тут новость: надо ехать в Пермь на финальную «пульку» за выход в высшую лигу. Заняли там первое место. В класс «А» вышли, подумать только! А дело было так, что судьба наша зависела от результата игры между свердловским «Динамо» с московским «Буревестником». Выигрывает «Динамо» со счетом 4:0 или больше, то первое место за ними. У москвичей

команда была ничего, но им после двух поражений и не светило ничего. Для них результат встречи никакого значения уже не имел. А для свердловчан имел, ох, как имел! Я, как ни крути, а москвич, многих ребят из «Буревестника» знал. Меня и отрядили: «Давай, Коль, иди, уговори землячков, чтобы нас «не сплавляли»«. Пошел, что ж делать. В «Буревестнике» знакомый парень играл. Стал я его уговаривать. «Что ж, дело возможное. Гоните монету и будет порядок». Собрали мы пять с половиной тысяч — я, Шувалов и Васильев. Немалые по тем временам деньги. Игра началась, и «Буревестник» проигрывает 0:3, потом 0:4. Как раз тот самый счет, который динамовцам и нужен. В перерыве я в раздевалку «Буревестника» бегу:

— Что ж вы, мужики? Мы ж так не договаривались!

— Деньги принес? — вместо ответа спрашивают.

— Да, принес.

— Давай и не мандражируй. Сказано, все будет, как надо, значит, будет.

И верно, совсем другая игра пошла. Сравняли москвичи счет, потом повели даже — 5:4, но в итоге проиграли — 7:8. Нас такой итог вполне устраивал. Вот так мы в классе «А» оказались.

По возращении рассказали Зальцман об этой истории. Он засмеялся, а деньги нам вернул. Всю сумму. Как мы ни отнекивались. Ну, если порассуждать, что это было? По нынешним понятиям — договорная игра, скандал. А по тогдашней сути своей — нет. Нет, и все тут. Не о себе ведь мы тогда думали, не о собственной корысти, а о городе, о заводе. Вот что нами руководило. Да и ребята из «Буревестника» скорее созорничали, чем разжились. От таких денег особо не разбогатеешь.

Так или иначе, но после нашего выхода в группу сильнейших хоккей в Челябинске просто воспарил под небеса. Зальцман настоящий меценат был, хозяин. Стадион хоккейный в городе появился с трибунами, за какие–то две недели его возвели. Потом на месте этого катка Дворец спорта отстроили. Так что челябинский (а стало быть, и отечественный в целом) хоккей многим Зальцману обязан. И я, грешный, к его становлению пусть и не самое великое, а имел отношение. Чем и горжусь по сию пору. Вот там, на Урале, я с хоккеем с шайбой повстречался. Раз и навсегда.

А время то было своеобразное. В Москву приезжала чешская команда «ЛТЦ», тогда в Европе чехи были, пожалуй, сильнейшими. Так считалось. Не люблю штампов. Но чехов как только ни называли: учителя, мол, приехали, экзаменаторы. Но и игроки, и тренеры, и руководство «ЛТЦ» были ошарашены

уровнем игры советских хоккеистов. И это при том, что в Чехословакии в хоккей играли еще с довоенных времен, а в СССР — только два года. Да, правда, играла в тех матчах против чехов сборная Москвы, фактически — сборная СССР. Собрали тогда под столичные знамена все лучшее, чем располагали. И их клубная команда играла на равных со сборной. Это и понятно. Цель была тогда у нас одна: посмотреть, на каком уровне сами играем, тем ли путем идем? Посмотрели, команда выглядела неплохо. Именно тогда ясно стало: в СССР играть в хоккей могут и исходить следует из того, что советские хоккеисты в самое ближайшее время составят серьезную конкуренцию на международной арене лучшим сборным мирового хоккея. А чехи действительно были хороши. В тактике же они были сильнее, да и игроки у них, если в целом всю команду брать, выглядели получше. Но мы их напором, скоростью взяли…

«Звезда с сибирским блеском»

Какое–то особое чувство испытываешь, листая старые газеты. Вот короткие — не сразу и разглядишь на газетном листе — сообщения февраля–марта 1948 года. А за ними стоят события эпохального масштаба. По хоккейным, конечно, меркам. Речь в них идет о первых матчах советских хоккеистов с асами из Чехословакии. Впрочем, кто нынче возразит, что хоккей — это целая эпоха в жизни человечества? С Владимиром Забродским — ярчайшей хоккейной «звездой» мирового послевоенного хоккея я встретился в Королевском теннисном зале шведской столицы в 2001 году. В свои 78 лет он регулярно выходил на корт для поддержания жизненного тонуса.

— Теннис был в Чехословакии весьма популярен, было много теннисных секций и клубов. И поэтому есть большая логика в том, что на их базе стал развиваться и хоккей, — пояснил мой собеседник, мило улыбаясь. — «ЛТЦ» был сильнейшим клубом не только Чехии, но и Европы, его игроки составляли основу сборной страны, и в том, что Чехословакия дважды (в 1947 и 1949 годах) выигрывала первенство мира, а в 1948 году стала и вице–чемпионом Олимпиады в Санкт — Морице — огромная заслуга нашего клуба.

После этой откровенной и многозначительной ремарки В. Забродский, проживающий с 1965 года в Швеции, куда он, называя вещи своими именами, сбежал во время отдыха, достал из папочки снимок сборной Чехословакии перед игрой в Стокгольме, которую чехи выиграли 3:1, образца 1946 года: Забродский, Троусилек, Жечка, Конопасек, Штибор, Немец, Чтовик, Трояк, Бокна и Модры. Пожалуй, лишь болельщикам с большим стажем что–то говорят эти имена. А между тем голкипер «ЛТЦ» и сборной Чехословакии Богумил Модры был лучшим в свое время вратарем Европы.

Забродский же на олимпийском турнире в Санкт — Морице забросил 27 шайб! В турнире с участием девяти команд. Стало быть, в восьми встречах почти по три с половиной гола за игру. Вот это результативность! Правда, сам Забродский такой цифры не помнит, говорит, что забил где–то 22–23 гола. Пусть даже и так, но и такой результат был бы, несомненно, из разряда выдающихся. К счастью, есть статистические сборники, которые свидетельствуют — 27!

Чехословацкая сборная набрала тогда 15 очков, столько же, сколько и команда Канады. Равным было количество побед — 7,

при одной ничьей в очном поединке — 0:0. Все решила разница шайб. У Канады — 69:5 (+64), у чехов — 80:18 (+62). Однако, по мнению многих обозревателей, чешская сборная ничем не уступала канадцам, а в атаке превосходила родоначальников хоккея. И вот практически сразу после олимпийского турнира в Москву приехали для проведения товарищеских матчей хоккеисты «ЛТЦ» — базовой команды сборной Чехословакии.

Да, что и говорить, было кого опасаться хоккеистам сборной Москвы, под чьим флагом были собраны лучшие советские игроки того времени, фактически — сборная СССР. А результат матча, сыгранного 26 февраля 1948 года около Восточной трибуны стадиона «Динамо», принес сенсацию — 6:3 в пользу москвичей. Конечно, тогда никто в хоккейном мире не следил пристально за этим визитом чехословаков в Москву: канадский хоккей только–только начал культивироваться на российской почве, даже Федерация хоккея СССР еще не входила в Международную федерацию хоккея на льду (ЛИХГ). Ну кто мог опасаться этих хоккейных новичков?

Внимание от хоккея было отвлечено и тем, что как раз тогда в Чехословакии развернулись февральские события 1948 года и мировая, в том числе шведская пресса, усиленно муссировала, если не сказать, раздувала, именно это тему. Где уж тут о хоккее думать.

И тем более примечательно на этом фоне, что шведская газета «Дагенснюхетер» в номере за 27 февраля 1948 года все же поместила короткую, не заметку даже, а заметочку под заголовком: «Команда Москвы побила ЛТЦ — 6:3!». В конце заголовка той заметочки, что достойно быть отмеченным, стоял восклицательный знак, как свидетельство озадаченности и восхищения ее автора по поводу столь неожиданного результата. «Клуб ЛТЦ из Праги, говорилось в той информации, сыграл в четверг хоккейный матч с командой ЦДКА и проиграл со счетом 3:6 (1:2,2:4,0:0). В российской команде было много футболистов, которые играли в Праге прошлой осенью. У чехов все три гола забил Забродский». В заметочке есть неточность. Все же играла против чехов сборная Москвы, а не команда ЦДКА, а это было отнюдь не одно и то же, если учесть, что в те первые послевоенные годы становления хоккея в СССР московские динамовцы были не слабее армейцев. И первыми чемпионами СССР стали все же бело–голубые, в составе которых выступал Аркадий Чернышев, игравший и против «ЛТЦ». В остальном все верно.

— Да, так оно и было, — кивнул поседевшей головой собеседник. — Но хочу только напомнить, что перед этой игрой

мы встретились дважды с московскими командами и легко победили. Правда, точного счета я не помню, но помню, что выиграли без особых проблем. (Эти игры, в которых с советской стороны выступали хоккеисты запасного состава, закончились победами гостей 11:7 и 10:1. — *Прим. Н. Вуколова.*).

— Да, но в тех–то играх, — не преминул напомнить я собеседнику, — тренеры выставили не самые сильные составы против вас?

— Возможно, — согласился Забродский. — Я думаю, что мы поэтому недооценили соперников в первой «настоящей» встрече, а посему и проиграли. Но надо тем не менее признать, что уступили мы великолепным мастерам. Конечно, такая зрелая игра русских хоккеистов была для нас немножечко сюрпризом. Мы были в курсе того, что все они являются блестящими мастерами хоккея с мячом. Но то, что они могут играть так здорово и с шайбой — этого трудно было ожидать…

Владимир Забродский. Его имя сопоставимо с именем Свена «Тумбы» Юханссона в Швеции и Всеволода Боброва — в СССР. По данным хоккейной энциклопедии, Забродский становился чемпионом Чехословакии в 1946–1949 годах, 1953–1954 годах. Сыграл в национальных первенствах около 230 игр, в которых забросил 306 шайб. После «ЛТЦ» играл в клубе «Спартак — Соколово» (Прага), позже переименованный в «Спарту», а потом в сезонах 1963–1965 годов выступал за клуб первого дивизиона «Богемианс ЧКД» (Прага), где вместе с ним доигрывал свой хоккейный век известный нападающий Иржи Кохта. Именно их усилиями вышел клуб победителем дивизиона.

Владимир Забродский — участник чемпионатов мира и Европы 1947–1949 годов, 1954–1956 годов, Олимпийских игр 1948 и 1956 годов. Является чемпионом мира 1947 и 1949 годов, второй призер 1948 года, третий призер 1955 года. Чемпион Европы 1947–1949 годов, второй призер 1955 года, третий призер 1954 и 1956 годов. Второй призер Олимпиады 1948 года. Всего сыграл в сборной 44 официальных матча, в которых забил 79 голов.

А вот данные из книги о Забродском «Его называли шефом», выпущенной в 2000 году в Чехии. В чехословацкой высшей лиге он сыграл 224 встречи и забил 331 гол. Первый официальный матч сыграл в составе «ЛТЦ» 21 декабря 1940 года. В сборной страны провел 94 матча и забил 151 гол.

— Видимо, — спросил я Забродского, — имеются в виду и официальные, и неофициальные товарищеские игры?

— Да, видимо, так. Я, говоря честно, сам–то не помню, сколько забил голов, их была масса. Важнейший гол ведь тот,

который решает исход встречи. Были такие голы и у меня. А вот мой рекорд помню — это 12 голов за сборную в матче с командой Бельгии, сыгранном в 1947 году в Праге. Было такое дело, — вновь улыбнулся Забродский и протянул мне еще одно фото: высокий шатен рядом с улыбающимся обаятельной улыбкой русоволосым человеком в очках. Оба — в теннисной форме с ракетками в руках. — Это я вместе с Ярославом Дробны — чемпионом Уимблдонского турнира 1954 года. Вместе с Черникой он выступал в Москве как раз тогда, когда «ЛТЦ» проводил свои матчи против сбор ной Москвы. Так было задумано. Я помню хорошо, что приходил в зал смотреть их тренировки, когда был свободен. Сам я один раз становился чемпионом страны в одиночном разряде и семь раз — в парном. Так что летом играл в теннис, зимой — в хоккей, а посему был постоянно в хорошей спортивной форме.

Конечно, теннис — это прекрасно, но все же настоящую, подлинно всенародную славу и популярность принес Забродскому хоккей. Чего он сам, впрочем, не отрицает. Более того, именно эта всенародная любовь помогла хоккеисту в сложные для него времена.

— Я играл в сборной до 1949 года, а потом, когда коммунисты пришли к власти, то они меня от сборной отлучили. Почему? А потому, что я считался буржуазным типом.

«Буржуазный тип». Ярлык, и весьма опасный. Особенно после февральских 1948 года событий в стране, пик которых пришелся как раз на время турне «ЛТЦ» в Москву.

— Мой брат Олег, с которым мы начинали играть в хоккей вместе, в 1949 году остался на Западе и начал работать на радиостанции «Свободная Европа». Это для меня было не слишком–то хорошо. Я продолжал играть в пражской «Спартак — Соколово», но в сборную путь мне был закрыт. Так что лучшие мои хоккейные годы — с 1949 по 1954-я за сборную не выступал. Однако народ требовал моего возврата, и в конце концов, можно сказать, под давлением народных масс в 1954 году меня вновь пригласили в сборную страны.

Рассказывал об этих перипетиях В. Забродский спокойным будничным тоном, не нагнетая страстей, а уж какие страсти (а может быть, и страхи?) теснились в его груди в те времена, можно только догадываться.

— Самыми лучшими моими партнерами были слева очень техничный Станислав Конопасек и справа — быстрый, неутомимый Ладислав Трояк. Мы были сверстниками, я родился в марте 1923 года в центре Праги, в районе Штавнице, и сыграны мы были, почти как Бобров с Бабичем и Шуваловым.

Всеволод Бобров — лучший, по твердому убеждению Забродского, игрок мирового хоккея.

— Впрочем, — вспоминал бывший лидер чешских атак, — все русские игроки просто изумительно катались на коньках. Быть может, им чуть не доставало типично канадской техники, но в остальном… В остальном они были куда как хороши. В первом матче мы их, пожалуй, недооцени ли, но во втором играли уже всерьез, победив русских.

Кстати, вот мнение о тех играх их участника, нашего прославленного тренера Анатолия Кострюкова: «Катались мы, конечно, быстрее чехов. И это было для них своеобразным сюрпризом. Но зато клюшкой они владели лучше, все они могли отрывать при бросках шайбу ото льда, в то время, как не все наши игроки владели тогда этим приемом. В воротах у чехов стоял отличный голкипер Модры. Поэтому для нас значение тех матчей с чехами трудно переоценить. И еще мне запомнилась исключительно теплая товарищеская атмосфера тех игр».

Вот второе сообщение в шведской прессе о том турне сильнейшего чехословацкого клуба в Москву: «ЛТЦ взял реванш в Москве со счетом 5:3, извещала читателей «Дагенс нюхетер». ЛТЦ сыграл в воскресенье с клубом ЦДКА и выиграл. В чешской команде голы забивали Забродский, Конопасек, Розинак, Трояк и Штибор. У русских два гола забил Бобров и один — Трофимов».

— Да, во второй игре мы выиграли. Но вновь отмечу, что русские были весьма искусны, а кроме того, они были истинные спортсмены. Все до единого. Все здорово играли в футбол и бэнди. В хоккее с мячом они умели все. При этом русские не играли в типичный для того времени прямолинейный хоккей. Двигаясь на больших скоростях, они постоянно перемещались, маневрировали, были юркими и пронырливыми. Этому было непросто противостоять, хотя мы тоже умели играть в такой манере.

— Ну, а чем все–таки брал Бобров?

— У него была просто непостижимая техника, выдающийся дриблинг, умение держать шайбу и управлять ею, причем все это — на высочайшей скорости! Тогда русские не овладели, пожалуй, полностью искусством сильного броска и щелчка, но это с лихвой компенсировалось скоростью и техникой владения шайбой. Бобров вообще был спортивный уникум, такие рождаются раз в 100 лет. Просто явление природы, феномен. Одно из моих самых ярких воспоминаний — матч по футболу в Праге между московским «Динамо» и пражской «Спартой». Было это сразу после войны, в составе динамовцев играл Бобров, который забил оба мяча. «Динамо» выиграло 2:0, вся московская команда была

великолепна, но Бобров… Это было нечто!

— Бытует мнение, — продолжал я свои расспросы, — что ваш клуб выступил в роли хоккейных учителей советских хоккеистов. С другой же стороны, ученики сыграли на равных с учителями, а по разнице шайб в трех играх даже превзошли их. Как же так, кто кого учил?

— В принципе мы были более опытны в хоккее, его нюансах, но в чисто спортивном плане русские были очень сильны. Что, кстати сказать, они и доказали в 1954 году в Стокгольме на мировом чемпионате, который они, будучи дебютантами, выиграли в отличном стиле, — за метил Забродский.

Вообще, становление отечественного хоккея — это путь сплошных сюрпризов. Для соперников. Новички, едва освоившие этот вид спорта, сыграли на равных с лучшим клубом Европы. Новобранцы мировых первенств «с листа» выиграли мировое первенство 1954 года, сборная СССР в сентябре 1972 года в первом историческом матче против сборной Канады, составленной из сильнейших профессионалов НХЛ, нанесла заносчивым профи нокаутирующий удар — 7:3! Да где? В монреальском «Форуме», этой хоккейной Мекке всей Канады! Сенсация первостепенной величины.

— Да, пожалуй, так, — согласился Забродский. — Русские умели пре подносить сюрпризы, удивляя весь хоккейный мир.

Последний, третий, матч московского турне «ЛТЦ» завершился вничью — 2:2 (1:1, 1:0, 0:1). Оба гола у чехов забил Забродский. Число зрителей «на Востоке» составило 18 тысяч человек. Кто отличился в том матче в сборной Москвы «Дагенс нюхетер» не сообщила. Зато писала, что «ЛТЦ в Москве был оказан сердечный прием. Московские игроки быстро усвоили чешские уроки и в ближайшее время следует считаться с тем, что СССР будет играть ведущую роль в мировом хоккее», — приводила газета мнение руководителя чешской спортивной делегации.

— Им был мой отец, его звали Олдржил, или, по–русски, Олег, — сказал, улыбнувшись, Забродский. — А мать моя — коренная сибирячка Антонина Алексеевна Никитина из города Мариинск Томской губернии. Отец служил в Первую мировую войну в австро–венгерской армии и был взят в плен. Так он попал в Сибирь, где оказался в чешском корпусе, который, — не преминул напомнить Забродский, — воевал против большевиков. В Сибири и встретил отец мою мать, там же в 1918 году они поженились. Отец тогда уже был офицером, и ему удалось быстрее, чем солдатам, вернуться в Европу, отплыв пароходом из Владивостока. Родители прожили вместе долгую и счастливую

жизнь.

Когда в Праге к нам приходили русские друзья, то мать непременно раздувала самовар, и устраивались русские чаепития. Моя бабка прожила до 103 лет, а мама ездила навещать ее в Сибирь.

В 1965–1968 годах тренировал Забродский «Лександ» и в этот период клуб выиграл Кубок Ахерна, а в первенствах Швеции занимал постоянно места не ниже пятого, хотя в призерах не ходил. В те годы в «Лександе» доигрывал знаменитый нападающий, правый край Нильс Нильссон, один из сильнейших форвардов Европы конца 50-х — начала 60-х годов.

Затем работал Забродский тренером в клубе «Регле», а с 1970 по 1973 год был главным тренером знаменитого стокгольмского «Юргордена», а начальником команды в тот момент являлся легендарный защитник этого клуба, не так давно ушедший из жизни Роланд Стольц.

— В те годы на шведском хоккейном троне безраздельно властвовал «Брюнес» из города Евле, это был действительно местный «суперклуб», но «Юргорден» есть «Юргорден», и в команде было немало классных игроков. Ну а потом я стал тренером в Королевском теннисном зале. И даже организовал с двумя сыновьями теннисную школу.

Попросил я Забродского назвать лучших, по его мнению, хоккеистов по игровому амплуа за все времена европейского хоккея. Ну, хотя бы послевоенного. Задумался бывший суперфорвард:

— Трудно, очень трудно. К тому же, я не могу уже столь внимательно смотреть за ходом последних чемпионатов. Вратарь, пожалуй, Модры. И не потому, что я сам играл вместе с ним. Богумил был первым европейским голкипером, который стал играть в манере канадских вратарей, то есть был первопроходцем. Пара советских защитников Трегубов — Сологубов. Среди нападающих вне конкуренции Бобров, еще швед «Тумба» и, наверное, Фирсов.

— А сборная Чехословакии всех времен?

— Все тот же Модры, в свое время очень сильным защитником был Карел Гут, впоследствии — председатель Федерации хоккея ЧССР, защитник Франтишек Поспишил. Из нападающих выделю Иозефа Голонку, Станислава Конопасека и Владимира Мартинеца.

А лучшим хоккейным тренером Забродский считает шведа Арпе Стремберга, с которым он был в дружеских отношениях.

— Арне был огромным энтузиастом хоккея и жил только хоккеем. Мы могли начать разговор с ним о хоккее в пять вечера

и закончить в три ночи. А когда он просыпался, все опять начиналось с хоккея. Он знал всех игроков и тренеров по именам, и не только в Швеции, читал всю хоккейную литературу, наладил выпуск специализированных хоккейных книг в Швеции, словом, создал национальную хоккейную школу и заложил хоккейные традиции в этой стране. Это был подлинный первооткрыватель, такое подвластно немногим. Вот почему в Швеции живет, и, убежден, будет жить вечно имя Стрёмберга.

— А Анатолий Тарасов, он ведь тоже был огромным энтузиастом хоккея?

— Да, это так. Но Тарасов был жестким человеком, как раз таким, каким и должен был быть в условиях того режима. С его методами ему было бы очень трудно работать, в той же, скажем, Швеции. Тарасову нужна была жесткая дисциплина и беспрекословное подчинение, иначе ничего бы не вышло. Но, без всякого сомнения, Анатолий Тарасов, которого я знал лично, был великим тренером. И Аркадий Чернышев, мой добрый знакомый. Он был выдающимся тренером и прекрасным, интеллигентным человеком. И, кстати, — напомнил Забродский, — это ведь Чернышев был старшим тренером сборной СССР, которая выиграла самый свой первый чемпионат мира в 1954 году, здесь, в Стокгольме.

Я спросил Владимира, что он думает о нынешнем российском хоккее, может ли он достичь тех же высот, что и советский?

— В основе успехов советского хоккея, — отвечал Забродский, — лежало несколько факторов. Существовала жесткая дисциплина, что облегчало тренерам работу с хоккеистами. Это делало возможным проведение отлично организованных и весьма интенсивных тренировок. И была отлажена селекционная работа по всей огромной стране. Советским тренерам удалось за сравнительно короткий период, в 15–20 лет, отыскать и воспитать фантастические хоккейные индивидуальности, не индивидуалистов, а именно индивидуальности. Много, много ярких игроков, один лучше другого. На мой взгляд, в СССР было хуже с вратарями до тех пор, пока не появился Владислав Третьяк. Коноваленко, правда, тоже был хорош.

— Но всё же, — настаивал я, — что нужно, чтобы сборная России стала побеждать? Вот говорят, что этому мешает отъезд лучших российских игроков в Канаду и США. Но ведь и чехи едут за океан, а тем не менее сборная Чехии — олимпийский чемпион–98, и три раза подряд выигрывала мировые первенства?

— Мне кажется, что мои соотечественники побеждают благодаря более гибкой тактике, они похитрее соперников. При

равных в целом силах эти факторы приобретают решающее значение. При том, что школа, заложенная много десятилетий назад, сохранилась.

Да, школа… А кто стоял у ее истоков? С горечью в голосе напомнил мне Забродский о хоккейных личностях Чехословакии, закладывавших основы той школы. Тех, кто трагически погиб в авиакатастрофе над Ла — Маншем.

— Авторитарной системе, — вздохнул Забродский, — особенно свойственна высокая степень бюрократизации. Сборная наша летела на матчи в Лондон через Париж, где сыграла игру со столичным «Рэсингом» — в те годы французы уже играли, и прилично, в хоккей. И вот у группы наших хоккеистов возникли проблемы с английскими визами, что–то недоглядели в Праге чиновники, те, кому надлежало заниматься этими вопросами. В результате сборная улетела, а шестеро игроков остались дожидаться виз, а потом были вынуждены лететь в британскую столицу чартером. И этот самолет упал в Ла — Манш. Погибли мой постоянный партнер нападающий Трояк, защитник Чтовик, нападающий Штибор, защитник Шварц, второй вратарь Ярковский и защитник Покорны. Случилась эта трагедия накануне мирового первенства 1949 года, и несмотря на такую потерю — ведь погибла треть — команды, сильнейшие игроки — мы выиграли мировой чемпионат 1949 года. В том числе победив со счетом 3:2 канадцев, с которыми сыграли вничью в Санкт — Морице. Вот какой сильный был хоккей, с большим потенциалом.

Между прочим, — заметил Забродский, — что касается игры на Олимпиаде в Санкт — Морице против канадцев, то мы должны были выиграть ее, но нас подвела тактика. А точнее — тренер Бокна. Он по рождению был словаком, потом жил в Канаде. И установку на игру дал такую — уделять главное внимание обороне. Я же считал, что это неверная тактика, и по ходу игры, а уж тем более по ее окончании, так прямо и сказал Бокне. Потом мое мнение в заметках о том матче поддержали журналисты, и Бокна ушел с поста старшего тренера сборной. Вот такова правда.

А я в этот момент, глядя на убеленного сединами, но по–прежнему стройного и подтянутого ветерана, подумал о том, что существуют в жизни какие–то роковые, не поддающиеся никакой логике совпадения. Ведь и советский хоккей в период становления понес тяжелейшую потерю, когда 5 января 1950 года в авиакатастрофе под Свердловском разбилась команда ВВС, в которой играли выдающиеся мастера, зачинатели советского хоккея с шайбой. Случай уберег от гибели Боброва. И подобно чехословацкому советский хоккей тоже «не споткнулся» из–за этой трагедии, не затормозил в своем развитии, а уверенно

двигался вперед, к победе 1954 года в Стокгольме.

— А вы или Бобров смогли бы в те годы сыграть в НХЛ?

— Да, думаю, что смогли бы. Вспомним первую серию матчей СССР–Канада в 1972 году. Советские хоккеисты были лучше канадцев в катании, в технике игры. Это ведь их огромная заслуга в том, что НХЛ шире открыла двери для европейцев, за океаном после той серии поняли, что без Европы их хоккей будет пресноват и не сможет развиваться.

— Но ведь говорят, что прежде хоккейный мир был биполярен — существовали НХЛ и Европа со своим стилем, лучшим выразителем которого была сильнейшая сборная СССР. И в конкуренции, соперничестве этих двух школ совершенствовался сам хоккей. Теперь же хоккейный мир однополярен…

— Не думаю, что это так, — качнул головой Забродский. — По–прежнему в Европе имеется своя школа, более того, в России, Чехии, Швеции, Финляндии исповедуются разные игровые манеры, а хоккеисты из этих стран играют главные роли в клубах НХЛ. Вот уже и европейские тренеры стали потихоньку пробиваться на тренерские посты в Лиге. Например, чех Иван Глинка. Думаю, этот процесс будет продолжаться, хоккейный мир все более интернационализируется.

— Вернемся, однако, к истокам нашей беседы. Что вам запомнилось прежде всего в играх в Москве в феврале 1948 года?

— Гостеприимство, высокий класс хозяев льда и их спортивный дух. Они, конечно, хотели побеждать, но только за счет честного соперничества, — уверенно констатировал Забродский. — И так было всегда. Позже, после тех февральских матчей, в одной из игр Трегубов так применил против меня силовой прием, что я до сих пор ощущаю его последствия, — потер Забродский левый бок. — Ребро. Но хоть это было сыграно и крайне жестко, однако в пределах правил. А поэтому — без обид.

С Урала в Воскресенск

В 1949 году после отъезда Зальцмана из Челябинска в Ленинград команда футбольная стала сдавать.

Мне же семью кормить надо было. Да и вообще футболом сердце жило. И приехал я назад, в столицу. Опять в «Локомотиве» мяч укрощал, два сезона. Потом оказался в Электростали. Там тоже играл в футбол, но и к хоккею стал приобщаться.

И тут Владимир Александрович Стопани, он меня знал — предложил мне поехать в Воскресенск. А дело все в том, что Стопани был председателем областного совета ДСО «Химик». Воскресенск своим химкомбинатом славен был. Других предложений на тот момент не имелось и выбора, как говорится, не было тоже. Да и возраст уже был у меня по тем временам критический.

Никогда не забуду, как на станции Воскресенской сошел. Деревня, домишки покосившиеся, грязища непролазная. Только трубы комбината чадят. Уныние какое–то. Никакого оптимизма пейзаж в сердце не привносил. Со мной вместе поехал Костиков, вратарь московского «Спартака». Он в тот же день укатил обратно в Москву. А я остался. Что–то меня в той, беспросветной, казалось бы, атмосфере, зацепило. Что–то душу тронуло. И директор комбината мне по душе пришелся. Николай Иванович Докторов. Высокой нравственности и государственного ума человек был. Я к нему, скажу честно, в кабинет свободно входил и не помню, чтобы он хоть раз голос повысил. Он мне говорил так, напирая на «о»: «Микола, человек после себя должен что–то оставлять». Он–то после себя много чего оставил в Воскресенске. «Микола, — откровенничал он со мной. — Я здесь на выговорах весь город построил». — «Как так, Николай Иванович?!» — «Да вот так, понимаешь. Я строю дом, мне выговор выносят, ведь решения на этот счет не было. Дом выстроил, работяги живут, довольны. Выговор сняли. Вот так и идет жизнь».

Стал я играть в тамошней команде в футбол правого полузащитника. И был посильнее классом своих товарищей по клубу. Выступали мы за первенство Московской области, и футбол областной приличного уровня был. Добротный. В Калуге, Перове, Электростали, Орехово — Зуеве. Команда из Орехово — Зуева даже в финал Кубка СССР однажды пробилась, проиграла донецкому «Шахтеру». Эдуард Стрельцов родом из Перова, Эдуард Малофеев — из Коломны. Народ на стадионы ходил, трибуны битком забиты были.

В Воскресенске футбольная команда тоже хорошая была. Пригласил я из Москвы К. Будылкина, Н. Родина, В. Квасникова, А. Афанасьева, свои местные неплохо играли — А. Маскаев, А. Гребнев, В. Колосов, В. Князев, В. Соловьев, С. Наумов, Ю. Журавлев, Н. Карпов, Г. Андерс.

Но вот выходило так: народу битком, а стадион старенький, трибуны ветхие. Барак неподалеку, мы там переодевались. Директор комбината на футбол с женой ходил, большой был любитель. Народ–то в большинстве норовил бесплатно просочиться, чего уж там греха таить. Какой там такой забор. А с другой–то стороны, на билетах деньги надо было зарабатывать. Как–то, помню, шел Докторов на футбол, а вокруг — целая ватага болельщиков. Идут, дискутируют. И вот Докторов подходит к кассе и покупает билеты. Его «собеседникам» тоже волей–неволей пришлось билеты купить. Я ему говорю: «Надо что–то делать, Николай Иванович, борьбу с безбилетниками вести. У вас на комбинате ведь собаки в охране есть?» — «Ну, есть, конечно. Только куда это ты клонишь?» — «Так давайте перед играми собак что ли вдоль забора с охранниками пускать». Докторов в ответ: «Давай, Никола, только знаешь, нас с тобой после этого посодют ведь, а?!» И смеется.

Я с большим чувством благодарности вспоминаю Докторова. Масштаб личности определяется ведь не только по тому креслу, которое занимает человек. Докторов был прост, прям, доступен. К нему можно было приходить в любое время, не просиживая в «предбаннике» штаны, директор быстро усваивал суть проблемы и, что очень важно, мог быстро ее решить. Без излишней волокиты. Настоящий был шеф, а не просто спонсор. То есть он, конечно, был и спонсор, деньги в конце концов шли на команду из заводского бюджета. Правда, этот бюджет тоже был не собственностью Николая Ивановича, а принадлежал государству. Это очень важно, но и не только в этом дело. В отличие от нынешних спонсоров, которые думают только о материальной стороне вопроса, Докторов всегда думал о нравственной стороне дела, спрашивал меня о том, как живут игроки, чем можно помочь. И помогал. Квартирами, премиальными. Команда на юг ездила на сборы. Да мало ли что в жизни случается. Я знал, что к Докторову можно обращаться за помощью смело. Другой вопрос, что в этом деле нельзя перебарщивать, должно быть чувство меры. Но это уже от собственного ума и воспитанности зависит.

Вот так однажды директор мое предложение о создании хоккейной команды поддержал. Он мне тоже доверял. Председатель завкома Квартальное Александр Сергеевич тоже участвовал в наших свершениях хоккейных. В Воскресенске

фамилия Кварталыновы популярная, хоккейная. Еще и сейчас Квартальновы играют в суперлиге.

Играли на коробке деревянной, сами построили, сколотили трибуны деревянные. Начал я ребят подбирать. Поначалу из Москвы пригласил дружков.

И вот в декабре 1953 года первая наша серьезная проба сил состоялась. Турнир прошел в честь открытия зимнего спортивного сезона в Подмосковье. Тогда в Московской области много сильных команд было, мальчишки хоккей быстро осваивали. Десять лучших подмосковных команд участвовали в том турнире. Открытие турнира прошло 20 декабря 1953 года в Электростали. И выиграл «Химик» у команды из Павловского посада — 9:0. Стали мы победителями того турнира. Я сам в той команде играющим тренером выступал. Перечислю имена других хоккеистов–основоположников «Химика», справедливость того требует: Александр Кашаев, Владимир Ефимов, Владимир Федечкин, Ревальд Леонов, Александр Афанасьев, Владимир Мискин, Николай Родин, Игорь Кутаков, Валентин Соловьев, Андрей Маскаев, Алексей Полухин, Вячеслав Квасников. Та победа имела исключительно важное значение, поскольку, получив первый приз турнира, мы еще получили и право участвовать в чемпионате РСФСР по Московской области, а это уже было фактом признания команды, фактом ее рождения. А в Воскресенске мы впервые сыграли в розыгрыше первенства области у себя на стадионе 27 декабря 1953 года, встретившись в календарном матче своей зоны с «Торпедо» из Перова. И выиграли — 5:2. Вот откуда все пошло–поехало.

Второй этап чемпионата области проходил в городе Серове. Соперники были уже покруче, победители своих зон. Пять команд. И «Химик» вновь стал первым, став в марте 1954 года чемпионом РСФСР, и получив право в следующем сезоне играть в классе «Б». Затем команда включилась в матчи на Кубок России. За этот приз боролось 36 команд. И вот финал играли мы со свердловчанами и в основное время сыграли вничью, а в дополнительное время Володя Мискин победную шайбу забросил. И Кубок России мы выиграли. Все это было весомо, открывало перспективы, рассматривалось, как серьезная заявка па будущее.

Потом молодежь подросла. Братья Рагулины. А в основном ведь как было — я по дворам ходил, пацанов подбирал. Эдика Иванова я взял из московской секции стадиона Юных пионеров. Он играл правого края, левого — Монахов, а центра там играл Юрка Громов по кличке «Штормяга». Хороший парень был, отчаянный. Жил он у деда с бабкой. А дед — без двух рук. Жили они бедно, а парень был замечательный, в хоккей играл с

азартом. Монахов был еще и музыкален — всё арии распевал после тренировок. А я Эдика Иванова переставил в защиту. Почему? Не отвечу. Показалось мне, что лучше дело у него пойдет в защите, и все тут. Иной раз ведь не все и объяснишь, какая–то интуиция должна быть. Чутье. Вот так с Ивановым и вышло. Потом Эдика у меня в «Крылья» загребли, а уж позже он в ЦСКА оказался и стал тем самым Эдуардом Ивановым, которого знает весь мир.

На заводы, в заводские секции ходил и высматривал талантливых ребят. Из других команд многих приглашал. Вот Виктор Кунгурцев из «Трактора» — это был центр большого масштаба, игрок для первой сборной страны. А его туда не брали, потому что не переходил в ЦСКА. Братья Сырцовы — это наши, Воскресенские. Валька Козин из «Локомотива» у нас здорово играл. Сашка и Вовка Голиковы пришли из пензенского «Дизелиста» и выросли до игроков сборной Союза. Правда, уже из «Динамо» туда попали, но прошли хорошую школу все же в «Химике». Сапелкин Сашка, ну прекрасный защитник был, а ведь поначалу и на коньках–то плохо стоял, Юра Ляпкин, его напарник, ох хорош был парень, умел место выбрать, бросить точно. (Теперь он почетный житель подмосковной Балашихи.) Смагина я в Нижнем Тагиле углядел. Никитин и Морозов — об этих двух и говорить нечего, в любой команде не потерялись бы. Но они только «Химику» верны остались. А ведь зазывали их и в ЦСКА, и в другие команды. Лаврентьев приличный был нападающий, он теперь в Швеции живет. Савцилло, Жучок, Жулин Петя, Фролов, Олег Карев, Ватутин Толя, всех их с теплотой вспоминаю.

А Каштанов какой красавец был, талантище! Помню, Женька Егоров играл еще у меня. Маленький такой. Но бывало, обыгрывает какого–нибудь великана, а я про себя думаю: «Как же это он так обыграл?». Уникальные все ребята были, друг на друга непохожие, и не кормились только одним финтом. Я в команду подбирал игроков мыслящих, играющих. Вот тройка была Егоров — Никитин — Морозов. Я на них моментами смотрел и не понимал, как они играют. А раскрутят так, что любо–дорого.

В класс «А» вышли — это уже серьезно, хоккей все время занимает. Надо ребятам деньги платить, оформлять на работу. Я опять к Докторову. Прикрепили хоккеистов к комбинату, оформили грузчиками и деньги–то платили небольшие. Но и тут журналисты не удержались: «Грузчики на поле» — кто–то статейку тиснул. Нет бы написать, что комбинат, как нынче говорят, градообразующий, думает о своих рабочих, старается занять их детей спортом, чтобы они не по улицам, да по

подворотням слонялись, а нормально развивались, росли. Вот в чем Докторов еще был умен: он не только о производстве, как таковом пекся, о людях он думал, об их жизни, заботах каждодневных. Потому–то команда так и была ему дорога, что людям, с одной стороны, радость дарила своей игрой, а с другой — ребятню с малых лет к серьезному делу приучала, от глупостей отваживала. Думали, конечно, и о деньгах, жить же надо было игрокам. Семьи кормить, родителям помогать. Но не деньги смысл жизни определяли, а что–то более основательное и серьезное. Что людей людьми делает. Я ребятам премии выписывал, но моя и их премии были равные.

А момент расставания с игроком — это всегда переживание. И в другие команды, и по возрасту, разумеется, уходили ребята. Вот, помню, Юрий Трифонов, писатель наш знаменитый, он рассказ о хоккее написал «Победитель шведов». По нему фильм поставили — «Хоккеисты». Главную роль хоккеиста Дуганова сыграл В. Шалевич, роль его коллеги по «тройке» — Г. Юхтин.

В одной из своих статей Ю. Трифонов написал: «Так же психологически проницателен и наделен тренерской интуицией наставник «Химика» Н. Эпштейн: эта команда вообще уникальна в нашем хоккее. Ее судьба напоминает нелегкую и, я бы сказал, жертвенную судьбу футбольной команды «Крылья Советов» из Куйбышева. Обе команды из года в год отдают лучших игроков в более сильные клубы и тем не менее находят в себе силы восстанавливаться для новой жизни, для новой борьбы и для… новых потерь. Об этой гнусной традиции обескровливания одних и тех же клубов (по–видимому, слабо умеющих защищаться или не обладающих какими–то заманчивыми для спортсменов привилегиями) справедливо писал Н. Эпштейн. Но увещевания, дружеские укоризны, призывы к человеколюбию и спортивной совести тут вряд ли помогут. Нужны действия. Нужно сделать так, чтобы все команды находились в равном положении, в абсолютно равном, чтобы одинаково могли защищать свои интересы и одинаково могли предоставлять игрокам необходимые привилегии. «Крепостного права» в спорте быть, разумеется, не должно, но в условиях равноправия переходы станут редким явлением и происходить будут совсем по другим причинам…».

Сейчас же переходят в наши клубы игроки и из других стран. И если поначалу то были действительно сильные спортсмены, скажем, чехи Патера, Прохазка, то позже тренеры стали довольствоваться и легионерами–середняками. И даже тренеры–иностранцы стали не такой уж диковинкой в России. И это в России, которая с самого начала развития хоккея шла

собственным путем, под руководством собственных самобытных ярких тренеров, которые и сделали наш отечественный хоккей великим во всем мире. Какой шум развели газеты вокруг Вуйтека. У него команда «Локомотив» в Ярославле получилась действительно хорошая. Подобрал он игроков умело. И игру поставил. Но играли–то они в наш старый, добрый хоккей. В том же стиле. Потому и побеждали. А ушел Вуйтек в сезоне 2003/2004 годов из «Локомотива» в «Ак Барс», и что–то с трудом там дело пошло. И «Локомотив» стал кое–где притормаживать. Почему так? Не всегда легко ответить, почему вдруг команда, казалось бы, укомплектованная сильными игроками, блистательно проведшая предыдущий сезон, вдруг начинает «заваливаться». Если бы все так просто было в хоккее объяснить.

«Хоккейный автограф Пеле»

Не приходится сомневаться, что миллионы любителей футбола мечтали заполучить автограф знаменитого короля футбола Пеле. А уж обладателей не просто автографа Пеле, а его подписи на фотографии, где сам стоишь с ним рядом — уверен, во всем мире не так–то уж много. Один из них, Владимир Писаревский, живет в Москве.

Фотографию эту, на которой знаменитый радио — и телекомментатор В. Писаревский изображен в момент интервью с лучшим футболистом планеты, сделал в 1965 году известный фотокорреспондент Юрий Моргулис.

— Ты понимаешь, — своим глуховатым баритоном разъяснял Володя, мастер спорта по хоккею и один из ветеранов Воскресенского «Химика», — я был первым из наших, кто взял интервью у Пеле. — Прямо в Шереметьеве это было. Я и не заметил, когда Юра щелкнул объективом. А на следующий день бразильцы тренировались в «Лужниках» и Моргулис мне протягивает снимок: «Вот, Володя, держи». Я, конечно, не преминул к Пеле еще раз подойти.

Владимир Писаревский — один из той плеяды великих журналистов, которые открывали миллионам соотечественников мир футбола и хоккея. Он и сейчас в свои 70 (70 лет Писаревскому «стукнуло» 13 января 2006 г.) лет встает на коньки в матчах ветеранов. Мастер спорта. Попробуй, заработай это звание! Совсем это не просто. А Писаревский особой заслуги в этом не видит.

— Ну что, ну играл, конечно, — улыбается своей всегда чуточку смущенной улыбкой Володя. — Начинал еще в конце сороковых на «Динамо», все тренировки наших первых шайбистов видел. Аркадий Иванович Чернышев это дело на динамовском стадионе начинал. С непонятной клюшкой. По сути, на моих глазах происходило становление в стране хоккея с шайбой.

Фотография была в «Пионерской правде»: стоим мы, пацаны, динамовские мальчишки и подпись: перворазрядник В. Писаревский, перворазрядник Лева Яшин… (Несмотря на мои отчаянные просьбы, так и не смог отыскать той газеты в своих бумагах комментатор.)

А сам Писаревский стоял у истоков создания… Воскресенского «Химика». Да, да, именно так. И я тоже удивился, когда услышал от него эту историю. Вот как было дело. Воскресенский «Химик», ведомый Семёнычем, сыграл свой

первый официальный матч 20 декабря 1953 года. Этот день и считается официальной датой рождения блестящей подмосковной команды. Писаревский в том матче не играл. Будущий мастер телерепортажа тогда выступал за «молодежку» московского «Динамо».

— Накануне сезона 1954 года, — вспоминал Писаревский, — руководство химкомбината по причинам, помнится, финансового характера, было вынуждено умерить свои «хоккейные амбиции» высшего уровня. Но есть и другая версия, более, мне кажется, правдивая: в Москве тоже захотели иметь свою команду, которая представляла бы профсоюз химической промышленности. Так «Химик» перебрался в столицу, играя при заводе «Каучук». Там–то и формировалась та самая знаменитая команда под руководством Николая Семёновича Эпштейна, ставшая позже одной из самобытнейших в советском хоккее.

Однако хоккей уже пустил мощные корни в Воскресенске, и тамошние власти не хотели оставаться совсем без этого вида спорта, быстро набравшего популярность в городке.

— Однажды подходит ко мне наш динамовский игрок Полухин, он уже за мужскую команду «Динамо» выступал: «Володь, вот какое дело. Хочешь поиграть в Воскресенске по классу «Б»? Команда там создается». Помню, я долго не раздумывал. Пригласили мы еще ребят, в основном, наших, динамовских. Кто–то был еще из других клубов. И начали играть. И ничего, дело пошло. Было это в 1955 году. Выступали мы неплохо, никому практически не проигрывали.

Вот фотография из личного архива Писаревского. Старенький Воскресенский стадион, деревянные трибуны в три ряда, но коробка хоккейная в порядке. А на льду — тогдашние бойцы. Все чин чинарем: шлемы боксерские, свитеры в полоску, клюшки первого образца.

— Вот, второй справа на снимке — Марат Зубко, — «представляет» бывших одноклубников Писаревский. — Да ты ж его знаешь, он сколько лет корреспондентом «Известий» в Стокгольме проработал.

Действительно, Зубко провел немало лет в шведской столице, и много, кстати, писал о шведском хоккее, о «Тре Крунур». Фактически, он был единственным постоянным источником новостей о шведском хоккее в советской прессе 60–70-х годов. Особенно когда родился московский известинский турнир на призы «Известий». И об этом стоит напомнить. Но как–то не увязывал я эти статьи с хоккейным прошлым самого Зубко, полагал, что это просто журналистское увлечение.

— Марат играл в нападении, и прилично играл, —

вспоминает Писаревский. — Голов забивал много. Но он уже учился в МГИМО, и надо было делать выбор: хоккей или учеба. Совмещать не получалось. Капитаном команды был у нас Николай Нарядчиков, на снимке — крайний слева. А восьмой слева — Владимир Черноморский, ныне доктор технических наук, пенсионер. Такие вот дела. Играли мы неплохо, и Николай Семёнович Эпштейн привез даже однажды свою московскую команду «Химик» в Воскресенск. Народу набилось на старый стадион уйма. Ажиотаж был невероятный. И мы, если не изменяет память, сыграли с ними вничью. После этого Эпштейн предложил нескольким игрокам — в их числе был и я — перейти в его команду. Но я тогда уже учился на дневном отделении Института физкультуры — ГЦОЛИФК, думал, что времени на все не хватит, и отказался.

Однако спустя некоторое время переехал защитник Писаревский в Павловский Посад. Стал играть за тамошнюю команду «Труд». Но это уже было другое дело.

— Я там уже играющим тренером был. Нужны были деньги, и себе, да и матери надо было помогать, ютилась она одна в комнатке на Нижней Масловке. Я по этой причине и на заочный факультет перешел. Еще полсезона поиграл в подмосковной «Электростали» и даже в челябинском «Тракторе» пробовал свои силы. Это был 1956 год. Тогда можно было дозаявляться в списках команд в разгар сезона. Но все же не закрепился я в этих командах. Некое раздвоение личности произошло: с одной стороны — спорт, большой хоккей, с другой — учеба. Л учиться хотелось. Но в Павловском Посаде я года три отыграл. Причем команда была тоже не бросовая, по классу «Б» шла. А я в это время уже заканчивал институт и диплом получил. Тренера по хоккею и футболу. К тому времени эпштейновский «Химик» уже в классе «А» выступал, прочно обосновался в Воскресенске, уже портил нервы хоккейным нашим грандам. Мы с Эпштейном встречались, отношения у нас были отличные.

Но пришел 1961 год, и все круто переменилось в жизни молодого игрока и тренера. Оказался Писаревский в Радиокомитете СССР па должности инструктора по физкультуре и спорту. Секции спортивные организовывал, словом, приобщал народ к спорту. В спартакиадах Москвы сборные Радиокомитета участвовали. Создал даже хоккейную команду, которая участвовала в первенстве Москвы среди коллективов физкультуры. Приличная была команда, три раза выигрывала первенство столицы. С этой командой забавная история приключилась.

— В посольстве Канады работал Агги Кукулович, знаменитая

фигура. Он немало сделал для развития контактов между советскими и канадскими хоккеистами. Организовал сборную команду иностранных посольств в Москве. И вот в один прекрасный день, — смеется Писаревский, — на имя тогдашнего председателя Радиокомитета СССР С. Г. Лапина пришло официальное письмо с предложением сыграть товарищеский хоккейный матч со сборной его комитета.

Ну, Лапин, человек из высших сфер, член ЦК КПСС. Он и знать не знал, что у нас есть команда. Получил письмо и осердчал:

— Какой–такой хоккей, что за вздор, ошибка какая–то. Нет у нас никакой команды.

А помощник его и говорит:

— Да есть, Сергей Георгиевич, у нас команда. Писаревский в ней верховодит. Из спортредакции.

— Я уже к тому времени, — уточняет любящий во всем репортерскую четкость и ясность Володя, — туда работать перешел.

— Вот как, — удивился Лапин. — Что ж, пусть встречаются. Но если проиграют, я его первого и уволю. Тотчас. Так ему и передайте.

В шутку сказал или всерьез — поди там разбери. Но вообще–то проигрывать по тем временам не рекомендовалось. Игра прошла в «Сокольниках», все канадское посольство приехало болеть, представители других дипмиссий. Кукулович приличную сборную собрал: помимо канадцев привлек шведов, и американцев. Пятеро из той его сборной чуть ли не в НХЛ в свое время «стучались». Тем не менее мы у них выиграли. Помню, засадил Кукулович нам такой гол с самого центра поля, страшный бросок. Эге, думаю, надо Агги поплотнее держать. И в одном из эпизодов я его прилично в борт впечатал. И попридержал. А он мне, помню, так доверительно вполголоса говорит: «Не надо сильно бить, у меня ведь ухо и сустав искусственные». Я тотчас от Агги отскочил, как ошпаренный, и долго чувствовал некоторую неловкость. Но матч мы выиграли. И кончилось все это грандиозным банкетом, а попросту сказать, крепкой международной поддачей. Лапин был доволен, мое имя прогремело впервые в комитете.

Но это было чуть позже. А начало очередному повороту в судьбе Писаревского положил известный спортивный журналист Мелик — Пашаев, возглавивший вновь созданный в Комитете отдел спорта. Должность инструктора по спорту в отделе кадров к этому отделу приписали.

— И Мелик — Пашаев пригласил меня к себе познакомиться.

Как–никак, а сотрудник–то его отдела.

Было это в конце 1961 года. Пришел я в их отдел, сидит там народ, Наум Дымарский, Гордеев, еще кто–то, и Вадим Святославович Синявский среди прочих. Для меня тогда — человек–легенда, кумир, молено сказать, я его репортажи с восторгом, как и вся страна, по радио слушал. А тут вот он, рядом.

Столов много, места мало. А около дверей диванчик стоит. Метра так полтора от противоположной стенки. Сел я на этот диванчик, и вдруг чувствую, что лечу лбом в стенку напротив. Ножка у диванчика оказалась сломанной, «хромым коньком» оказался диванчик–то. Успел я сгруппироваться и ладонь под лоб подставить. И фразу успел бросить, пока летел: «Оказывается, у вас тут необъезженный мустанг живет!». И тут Синявский от своего стола, как в микрофон, бросает: «О, меткая фраза, этот парень в критической ситуации за словом в карман не лезет. Быть ему комментатором».

Вот так и дал мне путевку в жизнь прославленный ас спортивного репортажа. И стал брать с собой в комментаторскую. Поначалу я, конечно, больше прислушивался. Меткая фраза была у Вадима Святославовича, юмор простой, но доходчивый, смачный, сочный, умел овладеть вниманием аудитории. И однажды он мне говорит: «Ну, хватит учиться, Володя. Надо самому попробовать выйти в эфир». Я попробовал, стал что–то такое эмоционально обрисовывать. Фамилии игроков записал на бумаге, но путал поначалу их, нервничал, исправлялся. Тут Синявский дал мне совет: «Врать в нашей профессии — это естественное дело, случается такое. Но, запомните, Володя, когда врете, то делайте это красиво». Вторая заповедь Синявского была такой: «Не надо кричать в микрофон, Володя. Ну, представьте себе: люди после работы собрались за рюмочкой, обсуждают проблемы, беседа у них идет тихая, спокойная. Отдыхают, словом. И вдруг вы врываетесь с криком, что–то орете, доказываете. Ну, какими фразами они встретят ваше вторжение, подумайте сами!».

Словом, я все понял, стал как–то подстраиваться под его стиль, но все–таки не копировать. Да это было и невозможно. Синявский был слишком самобытен, чтобы его копировать. Постепенно стали мы с ним работать в паре. Смешных и курьезных эпизодов с ним была уйма. Этот человек фонтанировал разными историями, анекдотами, он был большой хохмач, любил розыгрыш. Этих историй на целую книгу хватит. Бестселлером была бы эта книга.

Тем не менее однажды все могло закончиться для Синявского

весьма и весьма плачевно. Не спасла бы и всенародная популярность.

— Только что построили «Лужники», — качает головой, вспоминая ту историю, Писаревский. — Комментаторская кабина располагалась на пятом или шестом этаже. Но вот незадача — туалета рядом не было. А Синявский всегда перед репортажем имел обыкновение наведаться туда. Что делать: а тут какой–то люк небольшой, от вентиляции, похоже. И проблема снята. И вот какой–то международный матч был. С участием сборных команд. Кто–то из правительства, как нам сказали, должен был быть. Синявский свое дело сделал. Минут за десять до начала. Вдруг раздается в дверь кабины ужасный стук. Открываем.

Стоит на пороге высокий плотный человек в сером костюме и буквально громовым голосом обрушивается на нас: «Вы что себе позволяете, что вы тут безобразничаете, а?». Синявский к нему, с его такой характерной скороговорочкой: «Дорогой, что такое, в чем дело?». — «Я полковник госбезопасности, — отвечает пришелец. — Из службы охраны Никиты Сергеевича Хрущева. Все сейчас в правительственной ложе собрались, и вдруг что–то сверху закапало, прямо на Никиту Сергеевича. Оказалось, что моча. Представляете, какое состояние у Никиты Сергеевича! Мы пригласили инженера, ответственного за коммуникации, и этот болван указал, что это из комментаторской кабины через вентиляционную трубу может происходить. Чем вы тут занимаетесь, это провокация…». Говоря честно, я струхнул. Но отнюдь не Синявский. Он вдруг взорвался своим резким фальцетом, на несколько тонов выше привычного: «Вон отсюда, вон, чтоб духа вашего здесь не было!». И мы начали вести репортаж, предварительно закрыв дверь. Л после матча пришел к нам в комментаторскую тот же самый человек, но уже ниже травы, тише воды. «Знаете, — говорит, — какая–то неприятная ситуация вышла. Вы ж сами понимать должны. Но Никита Сергеевич сказал, что вас знает, просил передать привет…». А инженеру влепили строгача и вообще чуть не уволили. Понятное дело, нашли стрелочника. Непонятно только, почему так странно была проложена вентиляция. Ведь, действительно, можно было при желании ту самую трубу вентиляционную в самых худших целях использовать. Хотя в то время никаких–таких диверсий не было, мирно жили. А все же, все же…

Однажды я сфотографировал Вадима Святославовича в группе работников нашего спортивного отдела. Где–то в середине шестидесятых годов. Снимок сделан возле здания Радиокомитета, на Пятницкой. Синявский, как молено судить по снимку, как всегда в ударе, балагурит, падевая на голову покрышку от

футбольной камеры. С технической точки зрения снимок слабый. Но зато натура Синявского в нем передана очень точно: жизнелюб, оптимист, человек, смотревший на жизнь с огромным интересом. И любивший людей.

С тех пор много воды утекло. Ученик Синявского сам стал патриархом. За плечами репортажи с 26 чемпионатов мира по хоккею, четырех зимних Олимпиад. Писаревский вел репортажи матчей знаменитой суперсерии СССР–Канада–72, игр серии СССР–ВХА 1974 года, все турниры на приз газеты «Советский спорт», на призы газеты «Известия». А уж матчей чемпионата СССР и не сосчитать. Вот завидный послужной список, вот жизнь во имя любимой профессии.

Сколько встреч с легендарными спортивными личностями — тренерами, игроками, сколько теле и радиорассказов о популярных командах. В том числе и о «Химике».

— Я считаю, что надо отдать должное именно этому клубу, — убежден Писаревский. — Среди других команд отечественного хоккея «Химик» выделялся своей самобытностью, необычной трактовкой хоккея, яркими личностями, которых в его составе было в изобилии. В этом огромная заслуга главного тренера команды, исповедовавшего свой собственный творческий взгляд на игру, на какие–то уже, казалось бы, устоявшиеся хоккейные истины, заложенные тренерами, чей авторитет представлялся незыблемым.

Эпштейн шел своим путем. Он был волевой, сильный тренер, необыкновенно мудрый, в меру жесткий. В нем сочетались многие качества. Все они ярко выражались в его работе с людьми. Эпштейн умел заставить людей работать. Причем, как никто другой добивался эффекта методами убеждения, а никак не принуждения. Он вообще отличался неординарными подходами к игрокам. Он помогал хоккеистам полнее раскрыться, буквально вытягивал из них все то хорошее, что в них было заложено, но могло так и остаться нереализованным. Это была какая–то особенная эпштейновская проницательность. Он умел подходить буквально к каждому игроку и видел его перспективу.

Свою концепцию в хоккее он отстаивал до конца, и главное состоит в том, что эта концепция была так же правомерна, имела право на жизнь и жизнью же подтверждалась, как и концепции его коллег. И Эпштейн заставил считаться с собой самых маститых тренеров!

В чем суть этой концепции, в чем главная заслуга Эпштейна? — сам заражаясь поднятой в разговоре темой, вопрошал Писаревский. И сам же отвечал. — Намой взгляд, это все–таки психология. Николай Семёнович умел в силу своего

какого–то особого психологического состояния раскрепостить человека, в котором было многое заложено. Бывает, что игроку мешает скованность, одолевает какой–то, как в спорте говорят, мандраж в силу авторитета соперника, неуверенности в собственных возможностях. Всякое бывает. Так вот Эпштейн мог снимать это состояние лучше всех. За счет вовремя сказанного меткого словечка, какого–то отеческого ободрения, дружеской поддержки, а то и взбучки — это тоже необходимо — от более опытного в жизни человека. И люди распрямлялись, верили ему настолько, что сами преображались, находили в себе силы противостоять более сильному спортивному оппоненту. То есть начинали играть так, как еще совсем недавно и представить себе не могли. И все это благодаря умению тренера достучаться до их душ, помочь поверить в самих себя и убедить человека в необходимости работы на пределе своих возможностей.

Вот каким искусством в полной мере обладал Эпштейн. Он ведь в буквальном смысле произвел революцию в отечественном хоккее. Такие авторитеты, как Тарасов, вполне определенно считали, что они самые маститые в хоккее люди. И вдруг — Эпштейн с его независимостью суждений, собственной трактовкой хоккея, которая давала результат. Ведь и ЦСКА проигрывал «Химику». И очень хорошо, что такой человек, как Эпштейн, появился в нашем хоккее. Благодаря ему в том числе, наш хоккей и отличался самобытностью, непохожестью ни на кого, большей разноцветностью, что ли. Хотя играли в эту игру во многих странах. Именно Эпштейн создал некую мозаику в нашем хоккее.

И еще одно великое достоинство Эпштейна. По ходу матча он мог по–разному строить игру своей команды. В зависимости от обстоятельств. И в этом заключено большое тренерское искусство. Поэтому нельзя было сказать, что «Химик» исповедовал лишь оборонительную тактику. Эта команда показывала и остро атакующий хоккей, благодаря которому и становилась призером первенств Союза. Ребята в «Химике» всегда отличались хорошей техникой, скоростью, мыслить умели. Потому что Эпштейн заставлял их думать во время игры. И доверял игрокам. Он давал им возможность в какой–то мере быть на площадке «вольными художниками». Стоит ли говорить, как такое доверие тренера окрыляет хоккеистов. Это было творчество на площадке. Эпштейн всегда стремился отойти от штампов, наработанных методов, сам был всегда в поиске.

И он всегда старался создать команду, которая отличалась бы от других. Игроков в своем «Химике» готовил, соответственно, мыслящих. Я вспоминаю, например, раннего Александра

Рагулина. Первое, что сразу бросалось в глаза, — это его мощь, он мог, что называется, горы свернуть, физически был очень одаренным человеком. Но ведь при всей своей мощи Рагулин отличался очень тонкой игрой, был искушенным, зрелым тактиком, я бы даже сказал, с шахматным мышлением, он просчитывал игру на несколько ходов вперед. Хотя, повторюсь, в физическом плане был просто Шварцнеггером.

Я убежден, что таким уникальным мастером он стал благодаря Эпштейну, который, исходя из собственного видения хоккея, раскрыл в Рагулине то, что в нем было заложено природой. А другой тренер увидел бы в Рагулине только гору мышц, и тогда великий защитник не стал бы тем хоккеистом, каким его знает весь мир. Кстати, в те времена было много крупногабаритных игроков, но без царя в голове. А попасть в те годы в руки Эпштейна было для хоккеиста счастьем, хотя не все это понимали.

Николай Семёнович — человек талантливый, творческий, он отличался умением найти выход из сложных ситуаций по ходу матча, что очень сложно. Я делал с ним массу интервью, Эпштейн охотно шел на контакт, с ним было необыкновенно интересно работать, он был мудр, ум просматривался в каких–то его недомолвках, полунамеках, шутках и его юморе. Он мог видеть в игре больше, чем собеседник. Я убежден:

Эпштейн оставил в истории нашего отечественного хоккея очень и очень глубокий след.

Возьмем, например, игру в так называемый «откат» — тактику с целью отвлечь соперника от оборонительных действий, дать ему возможность поверить в собственные силы, спровоцировать его на мощную атаку с подключениями защитников. В такой игре очень важно умение выбрать позицию и использовать свой шанс в быстрой контратаке с точным пасом. Эпштейн не раз проделывал такого рода фокусы, он умел строить такую игровую тактику. Но — и это я хочу еще раз особо подчеркнуть — все варьировалось в зависимости от происходящего на площадке. Эпштейн, конечно, не располагал такими «звездами», как в ЦСКА, «Динамо», «Спартаке», но и со своими игроками его «Химик» умело противостоял этим клубам, в которых играло немало воспитанников Эпштейна. Тактику «отката», полагаю, Николай Семёнович употреблял раньше шведов и тех же чехов, недаром же его «Химик», выезжая за рубеж, успешно играл со шведскими и чешскими командами.

— А не кажется вам, что Анатолий Владимирович Тарасов как человек, безусловно, талантливый и умный, ценил и уважал Эпштейна?

— Думаю, да, он его, безусловно, уважал и даже где–то побаивался. Тарасов понимал, конечно, что Эпштейн был прекрасный тренер, глубоко и досконально знающий хоккей. Я, лично, убежден, что Эпштейн всесторонне знал человеческую сущность, умел убедить того или иного хоккеиста в том, что поступать надо именно таким образом, а не иначе. Конечно, ему в этом помогал его опыт и футболиста, и хоккеиста.

Казалось бы, ну что такое хоккей? Пять человек на весьма ограниченном пространстве играют против пяти, какие уж тут особые премудрости можно отыскать. На самом же деле за игрой скрываются очень интересные мысли, это как в шахматах, когда каким–то психологическим чутьем, необычным тактическим ходом можно внезапно добиться успеха в безнадежно, казалось бы, проигранном матче.

Достоинство «Химика» состояло в том, что он играл, отступая от привычных в начале 60-х годов, догм и схем. Я бы сказал, что Воскресенский клуб под руководством своего тренера демонстрировал творческий хоккей. И именно на «Химике» наши ведущие клубы проверяли себя, свои возможности.

Такой же творческий метод демонстрировал в нашем хоккее Всеволод Михайлович Бобров. Недаром же, думаю, Эпштейна и Боброва связывала крепкая дружба. Что меня поражало в Боброве — так это его умение сохранить себя в каком–то первозданном виде! Ведь он был легендарной личностью при жизни, буквально обросшей всяческими мифами. Это был великий, гениальный спортсмен, которому одновременно не были чужды обыкновенные человеческие слабости: он мог крепко выпить, приударить за женщиной, кому–то даже дать в сердцах по морде, что ему же самому потом дорого обходилось. И при всем этом оставался по большому счету ребенком, способным радоваться и удивляться всему окружающему, контактировал с людьми, которые, казалось бы, уже и не чета ему — всесоюзно знаменитой личности. Запросто мог ввязаться в спор с простыми работягами, горячился, доказывал, убеждал. А в игре был необычным индивидуалистом, игроки на него обижались, но жажда гола в Бобре жила неуемная и в конце концов ему прощали его эгоизм. Голы–то он забивал постоянно. Думаю, Эпштейн, ценивший таланты, поэтому так и любил Боброва. Но помимо чисто спортивного величия, Николаю Семёновичу импонировали душевные черты Боброва. Вот почему он не переставал восхищаться этим человеком.

Я помню, как Бобров начинал работать тренером в хоккейном московском «Спартаке», и я помчался на первую его тренировку. И вот стоят в линейку спартаковцы: братья Майоровы, Старшинов, другие спартаковские асы середины 60-х годов.

Бобров проехал вдоль строя, принюхался и остановился около Фоменкова:

— По–моему, вы себе сегодня позволили?! Фоменков в ответ:

— Так ведь, Всеволод Михайлович, вы тоже, говорят, не святой были.

— Да, но ведь я же играл! — воскликнул задетый за живое Бобров. — Ну, ладно, — предложил вдруг он, — давайте так. Зингер встает в ворота, и кто ему забьет из десяти бросков хотя бы четыре гола, то пожалуйста, я закрываю глаза, пусть такой игрок делает, что хочет.

Если мне не изменяет память, четыре буллита забил только Старшинов. Остальные — кто два, кто — один. А кто и вовсе ни одного. А потом бросал Бобров и забил Зингеру семь голов. И говорит: «Так, видели? Все видели? Теперь, думаю, всем ясно, кто может пить в нашей команде?». Это урок был лучше любой лекции и десятка нравоучений. И дисциплина в «Спартаке» сразу подтянулась, и контакт с игроками наладился. Вот в этом был весь Всеволод Михайлович. И многое роднило их с Эпштейном. Они были люди одного душевного склада, большой порядочности и чистоты.

Все это верно, но хочется все же сказать еще несколько слов о самом Писаревском. На чемпионате мира 2003 года в Финляндии ему по решению АИПС — Международной ассоциации спортивной прессы — была вручена специальная грамота за вклад в развитие спорта и миниатюрная фигурка хоккеиста с клюшкой в руках, искусно вырезанная из дерева. Очень элегантная фигурка. Дорого стоит такая оценка твоего труда со стороны коллег. Владимир Писаревский — верный труженик спортивного репортажа, и в свои немалые годы не расстающийся с микрофоном, сполна заслужил такую награду.

«Пирамида успеха» Томми Сандлина

Вот какую историю поведал один из самых маститых шведских тренеров Томми Сандлин, которого за преданность хоккею и достижения в нем сами шведы уважительно величают «профессором».

Дело было в семидесятых годах, когда ведомый Сандлином «Брюнес» выигрывал один чемпионский титул за другим и как чемпион страны принимал участие в розыгрышах Кубка европейских чемпионов по хоккею. В те годы такие турниры еще разыгрывались. А стало быть, встречался с командой ЦСКА, которая в те времена, по словам шведского тренера, отождествлялась, и не без оснований, практически со сборной СССР.

— Впервые я познакомился с широко известным русским гостеприимством во время первого визита в Москву, — вспоминал Сандлин. — Сам Анатолий Тарасов приехал встречать команду на аэродром. Он настоял, чтобы я, Хенри Янссон и нападающий Торд Лундстрем, бывший тогда капитаном «Брюнеса», немедленно поехали в штаб–квартиру ЦСКА на прием. Мы были в некотором смятении, поскольку от Тарасова попахивало, как нам казалось, спиртным и он сам при этом вел автомобиль. Но из вежливости и уважения к фигуре знаменитого тренера мы были вынуждены подчиниться. Впрочем, популярность его была невероятна, и это немного успокаивало.

Когда мы приехали, то стол был уже накрыт с чисто русским размахом по тарасовским, как нам потом объяснили, рецептам. Соленые огурчики, грибки собственного посола, всякая рыба, икра, жареное мясо. Баня нагревалась, водка охлаждалась. Я никогда в принципе не пил водки и поэтому встревожился: «Как я справляюсь со всем этим?», — спросил я Торда Лундстрема, но тот только рассмеялся в ответ и посоветовал мне «держать фасон».

О, эта беспощадная баня в исполнении Тарасова, когда он окроплял наши тела большим дубовым веником, а я лежал, уткнувшись лицом в шайку с холодной водой. Еще хуже было с водкой, которую пили из больших стаканов, и мне дали понять, что содержимое должно выпиваться в один прием. Это входило в русскую традицию, иначе человек провозглашался неискренним. Я давился, чувствовал, как все бурлит и горит у меня в пищеводе, но так или иначе все каким–то образом попало в мой желудок. Когда же передо мной возник второй такой стакан и был

наполнен вновь, я не вынес этого и водка пошла горлом назад.

«Юниор», — сострадательным голосом громко провозгласил Тарасов и похлопал меня снисходительно своей широкой ладонью по голове. Находившиеся рядом Торд и Анатолий Фирсов смеялись до хрипоты.

Затем Тарасов исчез, и «Брюнес» поехал на тренировку на каток ЦСКА, — продолжил свой рассказ Сандлин. — К счастью, я на лед не выходил и с совершенно белым лицом сидел перед раздевалкой, имея жесткую установку Торда: «Сидеть спокойно и рта не раскрывать». (Заметим, однако, для себя, что такой вот диалог имел место между тренером и игроком, и это никоим образом не подрывало авторитета первого. Не чудеса ли? Сандлин рано стал тренировать, задолго до тридцати, карьера игрока у него не пошла, но всегда пользовался авторитетом у хоккеистов, хотя и производил впечатление сугубо интеллигентного и мягкого человека, каковым, впрочем, он и является. Значит, выходит, не всегда надо быть хоккейным «держимордой» и гонять своих подопечных до седьмого пота, не принимая с их стороны никаких возражений? — *Прим. Н. Вуколова.*).

Но Хокан Виберг, который всегда все замечал, усмотрел нечто странное в моем облике и поинтересовался, что произошло: «Я упоил Тарасова так, что он завалился под стол», — хвастливо изрек я. Игроки, знавшие о моем неприятии спиртного, смотрели на меня с большим сомнением…

И в этот момент появился Тарасов, одетый в парадную военную форму, с иголочки, благоухающий одеколоном, он как ни в чем ни бывало уселся рядом на скамейку с блокнотом и что–то стал там записывать. Мне же для восстановления потребовалась целая ночь.

Мы встречались с ЦСКА в четырех играх на Кубок европейских чемпионов в течение двух лет и все четыре проиграли. Но это была хорошая школа. Мы сами считали, что с каждым разом приближаемся к физическим кондициям русских. Как тренер я стал все больше делать ставку на атлетические занятия. Разница между нами и русскими состояла прежде всего в физической подготовке. Что же касается техники и тактических идей, то можно было даже зафиксировать некоторый плюс в нашу пользу. К тому же мы полагали, что наш вратарь В. Лефквист был лучше Владислава Третьяка. (Лефквист в семидесятых годах был вполне приличный голкипер и, быть может, играл не хуже Владислава. Тем более шведы не без оснований считали и продолжают быть уверенными, что их вратарская хоккейная школа и сейчас лучше российской. Впрочем, впереди были еще

исторические встречи сборных СССР и Канады, в ходе которых шведы, да и сами мы, русские, убедились, что в лице Третьяка имеем в воротах просто–напросто хоккейного уникума. — *Прим. Н. Вуколова.*).

Те матчи с московским армейским клубом значили для меня как тренера необычайно много. В конце концов у меня сложилось собственное понимание хоккея, его трактовки. И если можно скопировать тренерскую философию другого тренера, то никогда ведь не скопируешь его личность.

И в то же время совершенно необходимы дискуссии и обсуждения между самими тренерами. Никогда нельзя воображать, что ты знаешь все. Необходимо уметь слушать и быть смиренным. Ведь жизнь складывается, по сути, из усилий многих. Слушать надо даже то, что говорят игроки. Слушать и пробовать, пробовать. Золотое зерно можно найти повсюду. Тренер всегда должен обладать такими качествами, как терпение, выносливость и желание дополнять и изменять свои собственные знания. И какую бы жесткую тренировку мои игроки ни провели, я всегда хотел, чтобы они уходили с площадки с улыбками. Преимущество работы с людьми я ставлю превыше всего.

Я предпочитаю, чтобы меня окружали индивидуальности, мои игроки не должны быть копиями друг друга.

Вот из этих мыслей, помноженных на опыт игр, многочисленных и благоприятно складывавшихся для тренера матчей, у Сандлина родилась своего рода «Пирамида успеха». Одна глава из его книги «Игра на всю жизнь» прямо так и называется, и я предлагаю тем любителям хоккея, которые убеждены, что есть какой–то особый секрет тренерского мастерства (в то числе и у Эпштейна), позволяющий из года в год и из десятилетия в десятилетие крушить всех соперников напропалую, прочитать дальнейший текст, тем более, что кое–что уже сказано выше.

«С Анатолием Тарасовым, крестным отцом русского хоккея и человеком, стоявшим за доминированием Советов в мировом хоккее, я получил возможность встречаться, когда «Брюнес» начал бороться за Кубок европейских чемпионов. Он также был тренером ЦСКА и сборной страны вплоть до окончания Олимпиады 1972 года в японском Саппоро. На меня произвела впечатление точка зрения А. Тарасова на роль лидера. Он работал не только ради развития спорта, а считал своей главной задачей воспитание молодых игроков, с тем чтобы они справлялись с жизнью даже и после завершения карьеры. Тарасов мог проиграть матч, хотя весьма редко, поскольку у него была фантастическая команда, но он никогда не мог проиграть как человек, потому что

всегда твердо придерживался своих идеалов. Завораживающая личность и источник вдохновения». (Сказано весьма точно, однако все эти слова в не меньшей, если не в большей степени относятся и к Николаю Семёновичу Эпштейну. Учтем, что книгу писал все же иностранный специалист, посвященный далеко не во все святая святых и прочая отечественного хоккея. И хотя он воздает по заслугам любимому в стране Советов тренеру любимого многими клуба, он просто не способен охватить своим вниманием многих других специалистов, ковавших чистое золото отечественного хоккея. Эпштейн среди этих специалистов — в первом ряду. — *Прим. Н. Вуколова.*).

Сандлин признавался, что тщательно изучал книги легендарного на протяжении трех десятилетий американского баскетбольного тренера Джона Вудена. «В чисто тактическом плане есть много общего между хоккеем и баскетболом, но не это интересовало меня в Вудене, а его способ мыслить. Именно у него я взял «пирамиду успеха», которая приемлема для всех командных видов спорта. Основание пирамиды содержит краеугольные камни, о которых ни тренер, ни игроки не должны забывать ни па один день. К ним относятся энергия и энтузиазм. Ничто не может заменить жесткой работы, и если есть действительное желание достичь успеха в избранном деле, человек должен любить эту работу.

В низу пирамиды — между ее краеугольными камнями — лежат дружба, сотрудничество и верность. Эти качества служат иллюстрацией того, что для достижения результата требуются совместные усилия. Если мы чувствуем единство, то в ходе ежедневных контактов развиваются важные личные качества игроков. Именно это и называется групповой динамикой.

Во втором от основания ряду пирамиды важными элементами являются самообладание и характер. Игрок не может действовать физически или принимать решения, если он не может контролировать свои собственные чувства. И в этом состоит главная причина того, что я попытался углубить мои познания в бусидо и боевой философии самураев. Если разложить бусидо на составляющие, то бу означает искусство борьбы, си — человек, а до — путь.

Философию бусидо, которая является сочетанием буддизма и синтоизма, можно резюмировать в нескольких принципах, и я полагаю, что все они приемлемы и для спортсменов.

Вот эти принципы, вошедшие в нее из синтоизма:

1. Ги: правильное решение, принимаемое при душевном равновесии, а также с помощью искренности и правдивости. Если уж мы должны умереть, то должны сделать это.

2.10: мужество с предрасположенностью к героизму.

3. Цзин: всеохватывающая любовь, сострадание к человечеству.

4. Рей: правильное поведение — весьма существенный пункт.

5. Макото: тотальная искренность.

6. Мелио: честь и достоинство.

В бусидо также вошли пять постулатов буддизма:

а) чувства следует умиротворять;

в) человек должен спокойно осознавать себя в неизбежной ситуации; с) человек должен быть господином над самим собой во всех ситуациях;

д) человек должен быть более привержен мысли о смерти, нежели о жизни;

е) человек не должен страшиться абсолютной бедности.

Все это я серьезно воспринял и руководствовался как важными пунктами в моей работе руководителя (читай — тренера. — *Прим. П. Вуколова.*).

Если игроки чувствуют себя надежно, им нет необходимости защищать себя в каждой ситуации, а наоборот — смотреть критически на те проблемы, которые возникают, и учиться на своих ошибках.

В основе «Пирамиды успеха» лежат физическая подготовка, тактика и техника. Все эти компоненты действуют вместе. При физической подготовке речь идет не только о тренировке, но и о характере, и о самообладании. Успех зависит от того, как ты ведешь себя между тренировками и матчами. Ты никогда не достигнешь и не сохранишь отличных кондиций, если не ведешь разумный образ жизни.

Техника является основой игры, и игрок обращается с коньками, клюшкой и шайбой быстро, реагирует инстинктивно и с хорошей координацией.

Задача тактики состоит в том, чтобы группа игроков взаимодействовала наилучшим образом. Интересы команды должны быть всегда прежде всего. Таким образом, речь идет о взаимодействии друг с другом. При этом вовсе не обязательно, чтобы все твои партнеры правились тебе, но необходимо уважать их и их взгляды. Все интересы должны быть подчинены интересам команды.

Вверху пирамиды находятся инстинкт победителя и уверенность в своих силах.

Уверенность в своих силах растет при наличии душевного баланса, с осознанием того, что ты можешь и хорошо натренирован. Готовь себя к этому. Инстинктом победителя обладает игрок, который никогда не поддается противнику и

никогда не сдается. Это игрок с искрой.

Душевное равновесие стоит на самом верху пирамиды и является главнейшей предпосылкой того, чтобы функционировать в течение всего матча перед публикой. Нервное напряжение воздействует на нас различным образом, но чтобы проявить себя лучше всего, необходимо быть в балансе, т. е. в состоянии гармонии с самим собой. В этом зачастую и состоит разница между хорошим спортсменом и спортсменом среднего класса.

Базовые камни пирамиды взаимозависимы и скреплены амбициями. Когда все они на месте, причем лежат там, где им и положено лежать, команда находится на пути к успеху. Но стоит одному из них исчезнуть, как это ведет к тому, что рушится все здание.

Я рассматриваю тренера как своего рода строителя. Моя задача состоит в том, чтобы соорудить надежную конструкцию. Поэтому требуются знания, материал, терпение…»

Вот такая глава из книги самого знаменитого шведского тренера после Арне Стрёмберга. Ну, хотя бы по количеству выигранных золотых медалей — их у него 7. Причем первую золотую медаль Сандлин выиграл как тренер клуба «Шеллефтео» в 1970 году в возрасте всего–то 33 лет, затем последовали золотые медали 1971, 1972, 1976, 1977, 1979 и 1993 годов уже с «Брюнесом».

Славной вехой на тренерском пути Томми Сандлина стала победа «Тре Крунур» на чемпионате мира 1987 года в Вене. Эта победа была добыта в острой борьбе, и пришла спустя 25 лет после предыдущего успеха в 1962 году в Колорадо — Спрингс. Заметим, однако, что в 1962 году чемпионат был «урезан» — ведь из–за того, что власти США не выдали въездных виз сборной ГДР, в Америку в знак солидарности не поехали сильнейшие команды ЧССР и СССР. И как знать, выиграли бы шведы там медали, будь среди их соперников советские и чехословацкие хоккеисты.

На счету Сандлина «золото» европейского первенства 1990 года, серебряные награды чемпионата мира 1990 года, олимпийская бронза 1980 и 1988 годов, бронзовые медали 1979 года и бронза Кубка Канады 1987 года.

В сезонах 1991–1992 и 1992–1993 годов он был назван в Швеции Тренером года.

И что же вы думаете, читатель, безоблачна и безмятежна жизнь «профессора», который, если верить его собственной «Пирамиде успеха», познал все секреты хоккейных побед? О, нет!

В сезоне 1995 года «Брюнес» залихорадило, в 1996 году Сандлина отправили в отставку. Как когда–то сказал мне в минуту откровенности Владимир Юрзинов, такова

непредсказуемая судьба всех тренеров.

Ставить из–за этого под сомнение квалификацию знаменитого шведского тренера? Да ни в коем разе! Как раз наоборот. Когда «составляющие» его «пирамиды» были укомплектованы в соответствии с его концепцией, когда под рукой у него были мастера экстра–класса, уж во всяком случае сильнейшие в Швеции, то и была в Швеции «эра Брюпеса», и на международной арене неплох был Сандлин и ведомая им сборная.

Но вот игроков действительно высокого класса в Швеции остается все меньше да меньше. Томми Сандлин в 1993 году последнее свое «золото» в «элитной серии» выиграл, а в 1990 году в НХЛ уехал талантливейший 19–летиий игрок «Юргордена» Матс Сундин, в 1995 туда же последовал не менее талантливый Петер Форсберг из МоДо. Ну и так далее. А игроков–то надо не просто воспитывать! Их ведь желательно — пусть даже очень талантливых — обкатать в команде с опытными партнерами, не так ли? Иначе они не обретут той самой уверенности в своих силах, о которой справедливо пишет Сандлин. И коллектива единомышленников не создашь сразу, а особенно сейчас — когда в шведские хоккейные коллективы в последние годы «косяками» прибывают игроки–чужестранцы средней руки! И столь логичная «Пирамида успеха», о которой убедительно и образно пишет Сандлин, начинает «валиться».

Да и вообще, кто возьмет на себя смелость объяснять, почему вдруг начинает лихорадить ту, или иную команду, причем самого высокого класса? Как–то в гостях у Эпштейна я встретился с весьма знаменитым динамовским форвардом начала шестидесятых годов Юрием Волковым по прозвищу «Серый». Среди прочего вспомнили матч 1962 года между ЦСКА и «Динамо», который закончился не просто сенсационно, а с невероятным счетом — 5:14! «Динамо» тех лет был весьма и весьма приличный клуб, укомплектованный отличными спортсменами, по, положа руку на сердце, можно смело сказать, что армейцы были все же сильнее. Во всяком случае по составу. Еще стоял в воротах великий Пучков, играл в защите выдающийся Сологубов, в нападении блистали Альметов, Локтев, Александров, Сенюшкин, Деконский, Л. Волков… И на тебе — 5:14!

«Что тогда случилось с армейцами?» — спросил я Волкова. «Не знаю, — откровенно отвечал тот. — Зато, помню, мне игралось легко и в охотку, я просто порхал по площадке. Мы первый период выиграли 8:0! О чем тут говорить. Николай Пучков из ворот заменился. Саша Стриганов, наш нападающий, в

той игре аж пять шайб забил. Думаю, что вряд ли кто–либо больше забивал армейцам в одной игре. После первого периода игра, как понимаешь, была сделана».

Но почему? Ведь если следовать «пирамиде» Сандлина, то ЦСКА должен был победить. Мастеров высокого класса в его составе было больше. Отсутствовал коллектив единомышленников. Почему? Тренером ЦСКА в той игре выступал Евгений Бабич, а Тарасов был отправлен «на стажировку» в Новосибирск. И армейские хоккеисты, разобидевшись (прошел такой слушок среди болельщиков), стали, что называется, «сплавлять» Бабича, то есть намеренно играть ниже своих возможностей, внешне это ничем не подчеркивая. Такой трюк профессионалы проделывают безупречно, так что комар носа не подточит. Это одна из возможных причин. О других можно только догадываться. Кстати, и смена тренера при определенных обстоятельствах рушит «построенную» Сандлином «пирамиду». И уж тем более, когда команду оставляет такой гигант, как Тарасов.

Да и вообще нет ни в футболе, ни в хоккее великих команд, которые не переживали бы в своей истории периоды спадов. Взять знаменитые футбольные «Баварию», «Милан», «Интер». Или же «Монреаль канадиенс» в НХЛ. В отечественном хоккее даже тарасовский ЦСКА уступал в 60-х годах сильному и вдохновенному спартаковскому коллективу, и первенство Союза в те годы действительно имело интригу.

Стало быть, не так–то просто понять успехи одних команд и катастрофические провалы других. Провалы, для которых вроде бы нет объективных причин. Но, знакомясь с логикой мышления Сандлина, я поймал себя на том, что Эпштейн, пожалуй, во многих эпизодах, и даже в стратегии, действовал примерно одинаково с ним. Николай Семёнович не знал, конечно, о «каком–то» там шведе Сандлине, тем более, что его «Химик» мог возглавляемому Сандлином «Брюнесу» еще и «накостылять». Тут интересно совпадение мышления двух крупных тренеров, принадлежащих к разным поколениям, а также и то, что даже у таких специалистов не всегда все идет, как по маслу. Таков хоккей, это ведь игра, в которую играют люди, и вот с ними–то, с людьми, труднее всего находить общий язык и строить «пирамиды» взаимопонимания. Хоккей — это ведь тоже таинство, это порыв вдохновения, и если этих «компонентов» нет, то никакие «пирамиды» не помогут. Ибо в любом деле нужны прежде всего таланты. Да вот что–то не шибко много ярких талантов появляется в российских пределах в последние годы…

Есть такая известная и хорошая тренерская байка. Старый

тренер уходит из команды и передает дела молодому. И среди прочего вручает ему три конверта. «Первый конверт, — говорит, — откроешь через год». Вот проходит год, команда бьется изо всех сил, игроки стараются, тренер ночей не досыпает, извелся весь, но дела не улучшаются… Открывает он первый конверт, читает. Там одна только фраза: «Вали все на меня».

Ну, молодой тренер перед руководством начинает оправдываться в том плане, что вот, дескать, предшественник недоработал, не ту тактику избрал, игроков надо было бы побольше хороших переманить…

Идет второй сезон. Вроде уж и сыгралась команда, и тактика выбрана верная, и деньжата платят неплохие. Все есть, только игра не идет. Хоть тресни. Открывает молодой тренер второй конверт. Там только одно слово: «Обещай».

Он заводит перед начальством бодягу в том плане, что надо потерпеть еще немного, что вот–вот команда раскроется, что дела пойдут в гору и он как тренер за эти свои слова отвечает.

Начинается третий сезон, а команда все продолжает плестись позади всех, находится в нижней части таблицы, да так там и остается. Удрученный тренер, как последнюю надежду, вскрывает третий конверт и читает: «Пиши письма».

Меня, к счастью, такая судьба миновала. Ни мне писем подобных никто не писал, ни я такого рода посланиями никого не озадачил. А прожил в футболе и хоккее долгую и, считаю, счастливую жизнь. Собственно, другой у меня и не было. Спорт подарил мне радостное наполнение груди состоянием полезности своего существования на Земле, спорт свел меня с прекрасными, выдающимися личностями и в своей стране и за ее пределами, спорт меня самого сделал человеком. А уж потом и тренером.

Въедливый мой соавтор Николай Вуколов ну просто, как нынче говорят, «достал» меня вопросами о том, как я стал тренером. «Вот мы в Коломне в 1934 году в футбол начинали играть, — заводил я свой рассказ… — Ну, Николай Семёнович, ну, вы, даете, — бесцеремонно обрывал меня мой младший товарищ. — Да вы тогда пацаном были, чего вы мне про то время говорите, расскажите, как вы в «Химике» тренером стали, как команду создали, коллектив, как выигрывать начали у сильнейших клубов страны. А вы мне — Коломна, стадион Юных пионеров, «Пищевик», 1938 год. Ближе к делу надо, Николай Семёнович, к делу…»

Задумался я и понял, что невозможно раскрыть каких–то затаенных секретов того, как вот я стал вдруг тренером. Невозможно и все тут. И все это было далеко не вдруг. Я не зря про Коломну начинал рассказывать Николаю. Там, на дворовых

площадках, крепла моя безмерная любовь к футболу. Без нее, без этой любви ни о какой тренерской профессии и думать нечего. Потом стал я посещать секцию стадиона Юных пионеров в Москве и, переходя из одной возрастной команды в другую, в шестнадцать лет играл за первую команду центр–хавбеком — центральным полузащитником. Тогда играли так: вратарь, два бека — защитника, три хавбека — полузащитники и пять форвардов. У меня была кличка «Леута», которой я очень гордился. Ведь она шла от фамилии прекрасного спартаковского футболиста Станислава Леуты.

В первой команде у нас уже появился свой тренер — Николай Николаевич Никитин. Человек был мягкий, обходительный и, что очень нам нравилось, — элегантный. Нас, пацанов, поражали, в частности, его ботинки на толстой каучуковой подошве. Впоследствии он стал заслуженным тренером СССР, воспитал многих известных игроков.

Окончив семилетку (а когда я делал уроки, не могу и вспомнить), поступил я в фабрично–заводское училище (ФЗУ) завода «Авиахим» — позже авиационного завода № 30, там же, около «Динамо». Играл за команду ФЗУ. Однажды с дружком Юрой Петровым пошли зимой на стадион «Метрострой» напротив Парка культуры имени М. Горького. Хотели играть в русский хоккей и были приняты в секцию. В 1938 году я «добрался» до первой молодежной футбольной команды московского «Спартака», там уж играл со знаменитыми футболистами О. Тимаковым, С. Холодковым, В. Деминым, Б. Соколовым, В. Чистохваловым. Тренировал нас замечательный знаток своего дела и прекрасный человек Владимир Иванович Горохов.

В этот момент открыли школу тренеров под руководством М. Товаровского. Футбольного образования нам явно не хватало, это было ясно, и мы записались в эту школу. Вместе с нами, между прочим, там занимался чуть позже и Анатолий Тарасов. Мы были увлечены, но как–то нас вызвал Николай Петрович Старостин и сказал: «Ну какие вы в 18–19 лет тренеры? Вам надо постигать практику игры, а тренерами вы всегда успеете стать». Дал нам по 500 рублей «отступного» — немалые по тем временам деньги, и стали мы снова только играть в футбол…

А начало моего тренерского пути — это 1953 год, Воскресенск. Приехал я играть за местную футбольную команду химкомбината. Некоторое время был играющим тренером у футболистов, позже — у хоккеистов. Началось круто. Я увеличил нагрузки, и тут три–четыре ведущих игрока команды, местные «звезды» (а надо сказать, что популярность и ореол славы «звезд» местного масштаба похлеще, чем у «звезд» всесоюзных), как бы

сказать, «забастовали» и явились к директору химкомбината с требованием «убрать Эпштейна». И кто знает, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, если бы директором не был Николай Иванович Докторов. Его разговор с «забастовщиками» свелся примерно к следующему: «По вопросам непосредственно производственного характера всегда готов выслушать любые предложения. Что же касается футбола, то тут я сам некомпетентен. У вас есть свой «директор» — тренер. К нему и обращайтесь…».

Что ж им, бежать жаловаться ко мне на меня? Но обстановка в команде изменилась в позитивную сторону. Для начала мне пришлось пригласить из Москвы несколько опытных ребят — Мискина, Калаева, Квасникова, Ефимова, Будымита, Родина, их заслуги в деле популяризации хоккея в Воскресенске весьма велики.

Всего через год после смерти генералиссимуса Сталина в Стокгольме разыгрывался чемпионат мира по хоккею. Дебютный для наших хоккеистов. Он закончился сенсационной победой сборной СССР, ведомой неповторимым Всеволодом Бобровым. Я не помню, конечно, всех чувств, охвативших народ после той победы, но одно превалировало точно: хоть хоккей и канадский, а выходит, что и мы, русские, в нем толк знаем. И вообще, жизнь–то продолжается, друзья! Та хоккейная победа вселяла оптимизм, веру в лучшее будущее. Говорю это без всякой натяжки.

А для нас, тех, кто непосредственно был причастен к этому виду спорта, это был еще и знак судьбы: надо продолжать играть, совершенствоваться, повышать мастерство, работать. Мы–то понимали лучше других: да, пришла победа, желанная, радостная, но мы еще не сильней канадцев. Да, пожалуй, и шведов, и чехов.

Ох, команда, команда да как тебя сделать–то, как слепить? А ведь труд тренера во многом зависит от отбора в команду наиболее одаренных хоккеистов. Ибо без таланта, способностей даже при систематической и добросовестной работе классной игры ждать от хоккеиста не приходится. В лучшем случае — середнячок. А результат–то делают классные мастера. Все мои 23 года в «Химике», как закрою глаза, так и стоят один за другим. И лица, лица, лица, дорогие мне лица моих игроков–соратников по хоккейной судьбе. Что такое команда, состав которой чуть больше двадцати человек, но как расставить их, чтобы заработал этот механизм?

У одного силы невпроворот, а катание не очень, другой катится, как будто в коньках родился, но партнеров видит плохо, передачу хорошую редко даст, у третьего скорость невысокая,

хотя голова работает — дай Бог каждому. У одного характер — кремень, никому не уступит. Другой помягче, но душа светлейшая, третий дома жить не может — отец пьет, скандалит, четвертого девчонка бросила, а он из–за этого шайбу ведет кое–как, спотыкается. Проблемы, проблемы, проблемы — большие и малые, и все их надо решать. А то вот еще спрашивают меня иной раз: а что это, мол, хоккеисты да футболисты выпивать так любили? Да, было дело, что скрывать.

Но только с «выводами» да ярлыками у нас на Руси всегда легче дело шло, еще Булат Окуджава, помните, писал: «Давно в обиходе у нас ярлыки, по фунту за грошик за медный…». Он свои песни петь начал как раз, когда наш «Химик» мужал и шел период активного становления команды. И я игрокам иной раз его песни слушать давал. Да чего там давал, они в начале шестидесятых из каждого почти окошка неслись. Раз иду уж затемно, гляжу, да ведь это ж «Каштана» у столба мотает. Нападающий Каштанов был Божьей милостью, любил я его, а тут гляжу… Но ничего я ему на следующий день не сказал, подумал так: «Л быть может иной раз надо и не заметить, а? Ведь не каждый день он «керосинит», мало что у него там случилось?». А вообще–то проблема была: календарь составлен плотно, хоккей игра жесткая, и хоть играют в нее крепкие ребята, а ведь тоже ребра не железные, усталость, стрессы исподволь накапливаются. Вот и снимали «напряжение».

Но мы в «Химике» дурака не валяли, я это не любил. Например, учеба хоккеистов. Игрок команды мастеров — человек занятой. Игры, разъезды, любовь болельщиков, бремя славы. А жизнь идет, годки, как колеса паровозные постукивают, глядь, а уж пора коньки на гвоздь вешать. И куда дальше?

Я лично наладил связи с ректоратом коломенского областного пединститута, не подумайте, что так уж это все просто было, а только стали мои ребята поступать в институт. Конечно, тренироваться, играть и одновременно корпеть над учебниками — дело нелегкое. Но я-то знал, что диплом, «корочка» ох как в дальнейшей жизни пригодится. Да так оно и вышло. Многих я потом встречал «химиков» своих, и все меня за это благодарили. Шутка сказать, высшее образование. Учились Егоров, Морозов, Никитин, Ватутин, Квасников, Катаев, Афанасьев, Каштанов, а позже — братья Сырцовы, Трухачев, Карев, Медведев, Цепелев… Да всех разве упомнишь. К нам в Воскресенск специально преподаватели из Коломны приезжали с хоккеистами заниматься. Вот так было дело поставлено.

А уж сколько пота и крови пролито было на площадках при возне с пацанами? Мы, помню, делали это сознательно, потому

что твердо знали, что трудолюбие, без которого не вырастают классные игроки, легче всего вырабатывается в юношеском возрасте. Особенно трудно с ребятами 14–15–летнего возраста, сто потов прольешь, бывало, прежде, чем перекуешь иного сорванца. Но помнил я всегда пословицу: «Древо гнется, пока молодо». Не поправишь вовремя у молодого хоккеиста какой–нибудь недостаток в технике, и он всю жизнь будет неправильно кататься или выполнять прием. Непростое это дело — отыскать талантливого парня, тут нужно особое чутье, даже, говорят, талант, не один город бывшего Союза я посетил в этих поисках, и кое–кого все же удалось найти и привлечь в «Химик». Горжусь, что стали они потом изрядными мастерами, некоторые в сборную Союза попали.

Или вот пример: однажды один наш известный игрок стал выступать хуже обычного, был взвинчен. Оказалось, что он поссорился со своей женой. Пришлось идти к нему домой — мирить.

В тренерской работе очень важен контакт с семьями хоккеистов. Со многими родителями моих пацанов поддерживал я знакомства, с некоторыми стали мы друзьями, родители приглашались на наши собрания, тренировки, мы, тренеры, бывали у мальчишек дома. И так все 23 года. А как же иначе?

Я уж не говорю о квартирах игроков, о прочих бытовых условиях, Все это мне приходилось утрясать с заводским начальством и требовало немало времени и усилий.

Великое дело — тренерская интуиция, без нее в большом хоккее и делать нечего. Однажды перед матчем со СКА (Ленинград) пришла мне в голову мысль поставить в одну «тройку» Кунгурцева, Ляпкина и Никитина. Сам не знаю, почему. Никогда втроем вместе они не играли, а мысль запала. Наверное, ведь, неспроста: Купгурцев был отличный «центр». Твердый на ногах, плечистый, напористый, Ляпкин всегда играл защитника атакующего плана, ну а Никитин Валерка вообще был известный универсал. Ту встречу «Химик» выиграл 9:2, и 7 шайб забросила эта свежеиспеченная тройка. Ну, что тут в таком случае скажешь? Я мог их потом десять раз так вот ставить, и ничего бы они не сделали, а на 11-й раз опять бы выстрелили. Интуиция.

Когда в 1965 году «Химик» впервые стал бронзовым призером, то я, скажу честно, был на грани нервного срыва: на банкете рюмки водки не мог в себя влить — вот как вымотался! Третье место в тогдашнем всесоюзном первенстве — это очень и очень серьезно. Сильная у нас была лига и разнообразная. Вот сейчас споры разводят: российская суперлига — вторая по силе после НХЛ и сильнее других европейских лиг. Не соглашусь

насчет сегодняшних национальных чемпионатов европейских стран и России (НХЛ — особая статья), но наша советская высшая лига была, бесспорно, сильнейшая в Европе и уж никак не слабее НХЛ. Что там говорить, если наш «Химик» выигрывал сам, без подмоги, у сборных ЧССР и Швеции, правда, в товарищеских матчах.

А тренеры? Чернышев, Тарасов, Егоров, Кострюков, Богинов, Новокрещенов, Карпов, неповторимый Бобров, Кулагин, Пучков, Баулин. К тренерским качествам Виктора Тихонова у меня особое отношение, но тренер он, безусловно, профессионально высокого класса. Потом подросли Юрзинов и Локтев, Цыгуров, Дмитриев, Богданов. Мы всегда ориентировались на свои тренерские кадры. Кадры самобытные. Благодаря которым и хоккей наш стал самым самобытным и признаваемым в мире.

Впрочем, это тема отдельного разговора. А я о другом. Сейчас уже женщины играют в хоккей, чемпионаты мира женские разыгрываются по хоккею. Вот как популярность игры шагнула. Могли я пятьдесят лет назад подумать, что такой размах наберет мой любимый спорт?! Кто–то, как я знаю, против женского хоккея выступает, дескать, не женское это дело. А девчонки играют, да еще как, любо–дорого смотреть. И тренерами работают. Об одной из них — следующий рассказ.

Пиа из Гетеборга и уроки Тарасова

Жила–была в Швеции, в Гётеборге, девчонка по имени Пиа. Девчонка–сорванец. На ее улице жили все больше мальчишки, которые зимней порой гоняли в хоккей. И, желая приобрести друзей, Пиа по фамилии Гренгман, обладавшая сызмальства твердым характером и веселым нравом, была принята в избранный круг гетеборгских, независимых во мнении пацанов.

И вышло так, что девчонка стала ведущим игроком тех ледовых поединков, лихо гоняя на коньках и оставляя за спиной своих физически более крепких сверстников. Ее признали, как равную, она играла в хоккей за команду мальчишек популярного гетеборгского клуба «Вестра Фрелунда» и стала в его составе чемпионом страны в сезоне 1967–1968 годов. Она упивалась хоккеем, мечтая когда–нибудь выступить за «Тре Крунур». На летних тренировочных сборах она была единственной представительницей слабого пола, хотя вскоре поняла, что ее мечта о выступлениях за сборную и клубы высшей лиги шведского первенства едва ли осуществима. Но, тем не менее, проиграла семь сезонов защитником в мужской команде первого дивизиона «Гётеборге ГИК». Одна дама в сугубо мужском хоккейном коллективе.

— Я бредила хоккеем, советским и канадским. Бредила, и всё тут, — рассказывала мне Пиа. — В 1971 году я написала письмо Горди Хоу в Детройт с просьбой пригласить меня на тренировочный сбор клуба «Детройт рэд уингз». И вот пришел ответ, от самого Хоу, подумать только!

Прославленный, легендарный канадец был поражен такой страстью молодой шведки. Но откровенно сообщил, что нигде не встречал женских хоккейных команд.

— Он мне пожелал всяческих успехов на хоккейном поприще и вы разил готовность оказывать мне поддержку в моей дальнейшей хоккейной карьере. И кстати, приписал, что, если у меня есть желание потренироваться на том же лагерном, тренировочном сборе, как и его сыновья, то мне надо написать ему еще одно письмо. Вот, взгляни, — протянула мне Пиа копию письма на английском, отпечатанного на личном фирменном бланке Хоу с изображением самого знаменитого Детройтца. Дата — 27 декабря 1971 года…

Разговаривая с Пиа, я нет–нет, да и ловил себя на мысли, что мир держится на энтузиастах, людях одержимых, преданных своей мечте. И не пасующих перед трудностями судьбы. Какими

только видами спорта ни занималась Пиа — футбол, ручной мяч, подъем тяжестей, борьба, даже перетягивание каната. И везде — первая. Но хоккей остался главной страстью. Хоккей подарил ей радость общения с удивительными личностями, среди них — легендарный Анатолий Тарасов.

— Он увидел меня на льду во время тренировки, когда в Стокгольме в 1969 году проходил чемпионат мира. Дело было в «Юханнесхофе». Я понравилась Тарасову настолько, что он пригласил меня в Москву потренироваться. Было мне тогда всего 15 лет, — смеялась Пиа, — стрижка была короткая, я была и вправду похожа на мальчишку. Но наш известный тренер Вернер Перссон, хорошо знавший русский язык, разъяснил Тарасову, кто я такая есть. (К сожалению, Перссона уже нет в живых, в 1998 году он скоропостижно скончался. — *Прим. Н. Вуколова.*).

Но Тарасов не смутился и сказал, что если я когда–нибудь захочу стать тренером, то могу написать ему письмо в Москву.

Время шло, девчонка играла, тренировалась, а тарасовское приглашение носила в сердце, как нечто заветное, до поры до времени невостребованное, ждавшее своего часа. И вот в 1973 году решение созрело.

— С помощью Вернера я написала письмо Тарасову в Москву о том, что хочу быть его ученицей. Четыре месяца спустя пришел ответ–приглашение из ЦСКА для тренировок. О, я в тот момент была, безусловно, самым счастливым человеком на свете. Заказала билет, сообщила дату прилета. В аэропорту меня встречали несколько человек и среди них — сам Тарасов!

Легко себе представить состояние 20–летней шведки, прилетевшей в страну, которую далеко не все жаловали на ее собственной родине. Страну, где ее встречал один из самых популярных людей в СССР, да и в мире. Хоккейный генерал Тарасов.

— Я провела в Москве полгода, и это были, вне всякого сомнения, самые лучшие месяцы в моей жизни, — убежденно сказала мне Пиа.

Поначалу были, конечно, шероховатости, мешал языковой барьер, но постепенно все упорядочилось. Помогал и приехавший в советскую столицу В. Перссои. Тренировалась отчаянная шведка с юниорами ЦСКА.

— Анатолий был моим дорогим старшим другом, время, проведенное с ним, было содержательным, наполненным смыслом. Огромных масштабов человек, прирожденный вожак, великий тренер, величайший из всех. Он не только учил меня хоккею, он учил меня жизни, выдержке, умению сдерживать свои эмоции. Это были подлинные уроки бытия. Запала в сердце такая

его фраза: «Запомни, девочка, навсегда. Жизнь состоит не только из хоккея. Чтобы быть тренером, надо хорошо разбираться в культуре, знать литературу, многое–многое другое. Надо много читать, быть любознательной, уметь анализировать происходящее вокруг». Наверное, поэтому Тарасов пригласил меня однажды в Большой театр на балет, а потом взял в поездку в Ленинград, где мы побывали в Эрмитаже, других музеях. Незабываемое время. Для меня Советский Союз так и остается до сих пор самой прекрасной страной на свете, да именно так, огромной и прекрасной, — для вящей убедительности повторила Пиа. Следуя заповедям своего знаменитого учителя, Пиа закончила хоккейную школу Арне Стрёмберга, работала семь лет инструктором хоккея, была старшим тренером женской хоккейной сборной ФРГ, которая под ее руководством выиграла бронзовые награды первенства Европы–79. Да что там, женская сборная! В немецкой хоккейной бундеслиге Пиа отвечала за физподготовку в мужской команде «Хедос» из Мюнхена, работала тренером в различных юниорских командах и в Германии, и у себя, в Швеции. И эти команды неизменно ходили в числе фаворитов.

В соответствии «с указаниями» Тарасова Пиа стала учиться в университете города Карлстад, где проживает с семьей, на курсах физики и математики, начала изучать русский язык.

— Вулканического темперамента человеком был Анатолий. Я однажды испытала это на себе. Дело было на тренировке во Дворце спорта ЦСКА. Анатолий стал что–то объяснять игрокам, а мы с Вернером были на льду, чуть в стороне и тихонько друг с другом разговаривали. И вдруг Тарасов прервал свои объяснения, метнул свирепый взгляд в нашу сторону и что–то прокричал гневным голосом. Я оробела, так как этот «залп» был адресован явно мне. «Что, что он сказал?» — спросила я Вернера упавшим голосом, когда мы подъехали к бортику. Но Вернер как–то неохотно откликнулся на мой вопрос. Наверное, Анатолий пустил в оборот что–то из запасов богатого русского языка. Потом мне Вернер интерпретировал ту тарасовскую тираду: «Если она еще раз позволит себе болтать, когда Тарасов ведет занятия, то пускай покупает себе билет в один конец в свою Швецию и никогда, да, никогда больше не приезжает в Москву». Я была немножко напугана, но не обиделась па Тарасова. Нет, я слишком уважала этого человека, а кроме того, уже успела узнать многие стороны его широкой натуры, в которой было место и справедливости, и привязанности. Он мне был, правда, как отец.

Думается, те уроки Тарасова помогли Пиа добиться успехов и в других видах спорта. Энергия этой шведки, о которой с восторгом писали и шведские, и зарубежные газеты, воистину

неиссякаема. Она в составе клуба «Спорт ИК» стала чемпионкой Швеции 1969 года по гандболу среди женских команд, чемпионкой мира в Базеле в 1980 году по перетягиванию каната, шестикратной чемпионкой Швеции среди женщин по подъему тяжестей и чемпионкой мира в этом виде в 1981 году в Гонолулу (Гавайские острова). Ее результаты выглядели так: подъем штанги с позиции стоя — 200 килограммов, подъем из положения присед со штангой на плечах — 190 килограммов, подъем штанги из положения лежа — 110 килограммов…

Однажды, рассказывала Пиа, ей довелось убедиться в огромной популярности Тарасова.

— В Москве я жила у Юрия, друга Анатолия. Он к хоккею отношения не имел, преподавал литературу в МГУ, и меня в его квартиру пристроил кто–то из руководства ЦСКА. Однажды позвонил Тарасов и сказал, что мы едем на футбол. По пути заехали в магазин, купили какую–то снедь. Вдруг на улице нас остановила милиция: Юрий, сидевший за рулем, нарушил правила. Нам предложили выйти из машины, что я и сделала вместе с Юрием. Настал черед вылезать Тарасову, и я подумала, что он может взорваться. Но милиционеры узнали тренера и стали наперебой просить у него автографы, которые Тарасов с ходу и начал раздавать. После чего мы продолжили путь как ни в чем не бывало. Фантастика, — вспоминала об этом эпизоде Пиа.

Действительно, для молодой шведки это и была фантастика, ибо в Швеции никакая популярность или высокий пост не спасут нарушителя правил дорожного движения от штрафа, а то и более строгого наказания, в зависимости от степени серьезности нарушения. Но факт остается фактом — тот эпизод действительно свидетельствовал о том, сколь знаменит был Анатолий Владимирович на своей родине.

— У Анатолия на тренировках никогда не было скучно, он был большой мастер разнообразить занятия, превращать их в своего рода мини–спектакли, увлекать игроков, или, как говорят в России, «заводить» их. Это очень большое искусство, им владеет не так много тренеров, а Анатолий обладал им сполна, был великий выдумщик…

Приходилось общаться Пиа с тренером и в неформальной обстановке.

— Это Анатолий научил меня готовить пельмени, и с тех пор у меня в семье это очень популярное блюдо. Однажды он приехал в гости к Юрию, привез много всякой всячины — маринованные огурчики, соленые грибы, какие–то пряности. И сделал пельмени. Ну, была и водка, Анатолий любил выпить. И что важно отметить, делать это умел. Это не была просто выпивка ради хмеля, у

Тарасова все превращалось в некий священный ритуал, небольшое празднество, пирушку. «Всякий настоящий тренер должен уметь пить водку!», — назидательно заметил он и подвинул мне большую рюмку. Я, конечно, решительно запротестовала, и они с Юрием, рассмеявшись, приняли мой отказ. Я никогда не видела Тарасова пьяным. Мне, например, даже представить его трудно в таком состоянии.

Со своей семьей в дни мировых первенств Пиа отчаянно болеет за сборную России. И огорчается, когда россияне проигрывают.

— У нас с мужем много друзей в России, среди них — Борис Михайлов, он приезжал к нам в гости, в Карлстад. Они с Ульфом дружат с тех лет, когда еще играли друг против друга.

И это так. Ведь мужем Пиа является знаменитый шведский нападающий Ульф Стернер, ярчайшая «звезда» европейского хоккея 60–70-х годов, первый европеец, отправившийся в 1965 году осваивать «хоккейный Клондайк» Североамериканской национальной хоккейной лиги. Так что хоккей подарил Пиа любовь и семейный очаг. В семье Стернеров двое детей. Сын Кристофер выступал за юниоров «Фэрьестада», в котором блистал когда–то отец, а дочь Катарина тоже играет в хоккей, но только в залах. Вот такая спортивная семья живет в шведском городе Карлстаде. Сам Стернер, до срока вышедший на пенсию после операции на бедре, — сказалась старая хоккейная травма — выращивает на небольшой ферме скаковых лошадей. И одного молодого жеребца, который как–то сломал ему нос, прозвал Рагулиным за силу и резкость, которыми отличался могучий советский защитник, тоже числившийся в друзьях Стернера.

P. S. История о Пиа из Гетеборга не случайно включена в книгу. Во–первых, она интересна сама по себе и еще раз раскрывает перед нами удивительную натуру Анатолия Владимировича Тарасова — самого главного оппонента Николая Семёновича Эпштейна в годы их хоккейного противостояния. Полемика двух выдающихся тренеров была стержнем многих сезонов, и она до сих пор в памяти истинных любителей хоккея.

О чем спорили?

Да, я звал его Анатолий Владимирович. Он меня запросто по имени звал, а я его вот не мог, хотя почти одногодки. Однажды он мне говорит: «А ведь если бы мы все наши гонорары газетные за споры сложили, хороший ужин в ресторане можно было бы закатить».

Это правда. Наспорились мы с ним, как никто. Любимый конек Анатолия Владимировича был: непрогрессивный хоккей Эпштейн проповедует, порочит советский атакующий стиль, от обороны играет. А «Химик» и не думал играть от обороны. Наш девиз был: «Пятеро в движении». Зоны мы старались своевременно перекрывать, но на синей линии таких «заборов», как «Динамо», не возводили и в углы не забирались.

Все пятерки в команде нашей были непохожи друг на друга. Одна больше техникой брала, другая — скоростью. Игроков в команду я подбирал очень скрупулезно, и главное мое внутреннее требование было: на площадке надо уметь мыслить, а не просто гонять шайбу. Юрка Мичурин, от Бога был хоккеист, помню, бросил: «Николай Семёнович, быстрее шайбы ведь не пробежишь». И верно, умный пас — основа игры, игрок, владеющий этим искусством, — это своего рода хоккейный интеллектуал.

Однажды я беседовал с нашим известным кинорежиссером Станиславом Ростоцким. Меня, в частности, интересовало, как он подбирает актеров на те или иные роли. «Если актер знает не больше меня, я его не уважаю, он годится разве что на роль статиста», — ответил маститый режиссер. Наша беседа проходила в дни, когда его фильм «Доживем до понедельника» получил премию на Московском международном кинофестивале.

Задумался я после той беседы. Какая смелая позиция режиссера! И ведь оправданная.

Думаю, это справедливо и в отношении хоккея, который Ростоцкий любил и в котором неплохо разбирался. Посредственность хорошо себя чувствует в рамках, очерченных тренером. Для талантливого, мыслящего игрока они узки. И тут главная задача тренера — подсказать, подтолкнуть в нужном направлении. Я никогда не стеснялся признаться, что сам учился чему–то (скажем, оригинальным финтам, обводке) у Никитина. Учился, и в свою очередь от чего–то его предостерегал, в чем–то и поощрял.

Один из наших с Тарасовым «камней раздора» — на каком

фундаменте должно развиваться мастерство хоккеиста? У бывшего тренера армейцев сомнений здесь не было: «атлетизм есть, был и будет фундаментом, на котором базируется мастерство… Высокая скорость, сила, быстрота реакции, наконец, хорошо развитое качество ловкости — все это помогало спортсменам быстро приобретать технико–тактические навыки», — писал общепризнанный в хоккейном мире авторитет Анатолий Тарасов.

Я же всегда придерживался той точки зрения, что фундамент — это техническое мастерство и тактическое мышление. А сила, ловкость, быстрота — необходимые, но куда более легко совершенствуемые (разумеется, если человек развит нормально) качества. И примеров тому сколько угодно. В 60–70-х годах шведский защитник Леннарт Сведберг считался одним из лучших в своем амплуа в Европе. Приезжал тренироваться с ЦСКА, и сами же армейцы говорили про него — «хиляк». Это не мешало Сведбергу быть блестящим техником и отменным тактиком, с большим умом действовавшим на площадке. Хотя собственно в атлетической подготовке — поднятии тяжестей, чистом беге швед уступал армейским игрокам.

Но вот пример другого порядка. Хоккеисты наших уральских и сибирских клубов в смысле атлетизма и физических кондиций не уступали тому же ЦСКА или «Динамо». Но коэффициент их полезного действия па площадке часто бывал минимальным из–за безалаберной тактической готовности и слабой технической оснащенности. А целесообразно ли в совсем молодом возрасте выпускать игроков на площадку вместе со взрослыми игроками? Ведь есть опасность того, что молодой хоккеист сломается физически и психологически, столкнувшись с маститыми, прошедшими огонь и воду, и медные трубы хоккеистами.

Или вот вопрос: можно ли вообще воспитать игрока экстра–класса? Кто мне ответит — кто воспитал Боброва? Это же был самородок, талантище! Убежден, что каждый игрок экстра–класса своим становлением обязан прежде всего себе самому, своему характеру. Высококлассный игрок — это прежде всего характер. И роль тренера в воспитании спортсмена экстра–класса заключается, в первую очередь, в том, чтобы, прививая ему обязательные, так сказать, школьные навыки, не сломать этот столь редко встречающийся характер.

Я вовсе не пытаюсь преуменьшить тренерскую роль. Для игроков средних способностей наставник необходим. Таланту он нужен как проводник, как советчик. Вот почему я сильно сомневаюсь, когда слышу: «Такой–то тренер воспитал …надцать хоккеистов экстра–класса». На мой взгляд, правильнее сказать

«нашел». Тем более, что и это «нашел» лавров не убавляет: заметить спортсмена с характером, выделить его — дело весьма трудное. Тот же Тарасов сначала не разглядел. Ведь даже великого Харламова, отправив его на стажировку в Чебаркуль вместе с Гусевым.

Таланты так же редки, как и крупные алмазы. В идеале схема их «добычи» должна выглядеть так: наиболее способные мальчишки из дворовых команд (увы, в наши дни дворовые команды стали большой редкостью) попадают в специализированные школы. Оттуда — после отсева — в дублирующие (дублирующие, а не молодежные) составы и, наконец, после полутора–двухгодичной обкатки самые способные должны получать место в команде мастеров. И в этом деле свое веское слово должна сказать спортивная медицина.

Несколько слов о тактике, вокруг которой мы с Тарасовым тоже немало копий сломали. Существует аксиома: тактика выбирается в зависимости от соперника и от подбора собственных игроков. Мы в «Химике» культивировали хоккей маневренный, гибкий. Мы предпочитали выигрывать со счетом 2:1, а не 10:4, мы любили играть на контратаке. Но странная, на первый взгляд, припоминается мне сегодня вещь: в одном из сезонов «оборонец» Ляпкин забросил на 13 шайб больше, чем любой другой защитник, а «Химик» пропускал куда меньше шайб, чем и более маститые клубы. А нам Тарасов все талдычил: вы играете «не в тот хоккей». Хотя, играя в такой хоккей, мы, случалось, обыгрывали и армейцев, и спартаковцев, и динамовцев.

Я никогда не скрывал своих симпатий по поводу того, как армейский клуб, ведомый Тарасовым, строил игру именно в атаке. Умел Анатолий Владимирович и собственных высококлассных мастеров воспитывать. Я имею в виду — в собственном клубе, в детской школе. Хотя не секрет, что и в других клубах «прибирал» он хоккеистов. И что греха таить — брал он, пользуясь ведомственной предпочтительностью (проще сказать — правом призыва в армию), самых талантливых хоккеистов, ослабляя тем самым другие клубы. Не избежал этой участи и «Химик». Но, действуя таким образом, А. Тарасов упрекал эти же самые клубы в «измене хоккею».

И на наш «Химик» нападал, обвиняя в приверженности оборончеству, а в некоторых матчах его ЦСКА тоже вдруг начинал применять прессинг, да даже сборная СССР в некоторых матчах чемпионатов мира играла «от обороны», на контратаках. То есть играла в тот хоккей, который культивировался в «Химике».

Соратник Семёныча

Вот какой эпизод запомнился мне в связи с личностью Эпштейна, — начал беседу со мной Николай Павлович Родин, один из тех ребят, кого Семёныч в далеком 1953 году пригласил в Воскресенск играть в футбол. — Помню, было это в мае. На стадионе Мясокомбината мы тренировались. Я к тому времени уже помимо футбола и канадский хоккей освоил прилично. Мне ребята кричат, что какой–то человек меня спрашивает. Смотрю, стоит Эпштейн, я его в лицо знал, ведь он раньше в «Пищевике» играл, где и я.

Поздоровался он, спрашивает: — «Ты ведь в «Торпедо» играл?» — «Было дело», — отвечаю. — «А сейчас чем занят?» — «Сейчас, — отвечал я ему, — учусь на дневном отделении юридического факультета Московского университета и за Мясокомбинат поигрываю». А Эпштейн: «Давай ко мне, в Воскресенск. Я там сейчас принял футбольную команду, будем играть на первенство России». — «Так ведь, Николай Семёнович, я на дневном отделении учусь, трудновато как–то». — «Ну и что, — с оптимизмом откликнулся Эпштейн. — Чего бояться. Это ж не первенство Союза, никаких особых разъездов, в свободное время будешь заниматься».

Словом, уговорил, да еще спросил, нет ли кого из толковых ребят под рукой. Как не быть, отвечаю. Вот Толя Савин, он в основном составе ЦСКА выступал, в «Химике» московском играл.

«Мы, — продолжил Эпштейн, — играем у себя дома 13 мая с ЦДКА, командой, которую расформировали после Олимпиады 1952 года. Я их к нам в гости в Воскресенск пригласил на товарищескую встречу. Так что давай, подъезжай, сыграешь за нас…»

Мне тогда было 23 года, Толику и того меньше, и мы, конечно, с огромным энтузиазмом отправились в Воскресенск. Приезжаем, а там — столпотворение вавилонское, яблоку буквально негде упасть. Там тогда только–только начали строить Дом культуры, в центре, около стадиона, забор там был деревянный, на нем пацаны расселись, так во время игры он рухнул. А надо сказать, что за ЦДКА играла почти половина состава знаменитой «команды лейтенантов»: Демин, Гринин. Играл, кстати, за них в защите и Коля Сологубов, он, надо заметить, прилично в футбол играл. И хотя мы проиграли 0:2, нас с Толей в «Химике» оставили, понравилась наша игра. И вот я сейчас, спустя полвека, думаю: а ведь какой мудрый и смелый

шаг со стороны Семёныча был — пригласить разогнанную команду в Воскресенск в 1953 году! Хоть Сталин уже умер, а все же… Это был даже не жест смелости, это было отражение гражданской позиции Эпштейна: времена должны меняться, люди были обижены незаслуженно, надо снять с них клеймо неудачников. Это было проявление заложенного в характере Семёныча чувства справедливости. Он всегда стремился быть справедливым.

Вот такой эпизод. С Николаем Павловичем мы встретились впервые не по радостному событию: на Ваганьковском кладбище 17 апреля 2002 года отмечалось 10–летие кончины Аркадия Ивановича Чернышева. Собрались тогда многие выдающиеся хоккейные личности, почитатели футбола и хоккея, и там, к слову сказать, я впервые узнал, что Аркадий Чернышев имел звание заслуженного мастера спорта по футболу. Да, да, по футболу, а вовсе не по хоккею, как может подуматься. Там–то и познакомил меня Николай Семёнович с Родиным и мы договорились о встрече.

А встретились нескоро, лишь в конце ноября 2003 года, и поговорили по душам.

— Я считаю, — прямо сказал мне Родин, — что в нашем хоккее было три выдающихся тренера: Чернышев, Тарасов и Эпштейн. У каждого была своя схема игры, тактика своя была, свое видение хоккея. Вообще в начале нашего хоккейного пути у нас было много отличных тренеров — Егоров, Кострюков, Богинов. Но эти трое были столпами.

Интересный разговор у нас вышел. Память у Родина отменная, судьба интересная, накрепко связанная с футболом и хоккеем. Родился он в 1929 году в деревне на рязанщине. Интересно, что еще его дед был связан с ледяной, скажем так, профессией. Зимой ездил в Москву и подрабатывал на стадионах, в том числе и на Потылихе, у завода «Каучук», где был стадион и где дед заливал лед. Едва ли мог он предвидеть, что его внук через много–много лет тоже будет играть на этом поле. Отец тоже стал ездить с дедом, лед заливали для игры в русский хоккей, для конькобежцев, ну и конечно для массового катания.

— Меня привезли в Москву в возрасте трех–четырех месяцев, с тех пор я и стал почти коренной москвич, — улыбается Николай Павлович. — А отец в один из таких своих заездов устроился работать на стадионе «Пищевик». Сейчас этот стадион носит название «Автомобилист». Отцу дали комнату в общежитии, и я фактически вырос на стадионе. Сколько себя помню, все время на коньках. Когда началась война, стадион, конечно, не функционировал, вновь на нем начали поигрывать где–то в конце

1943 года. В первые военные годы стадион был перекопан, блиндажи соорудили, ну, а когда потребовалось, то быстро все спортивные сооружения восстановили.

Первые свои шаги в спорте делал Родин на футбольном поле. Стадион арендовало общество «Трудовые резервы», и первым тренером будущего «химика» был знаменитый Гавриил Дмитриевич Качалин, один из лучших в истории отечественного футбола тренеров. Достаточно напомнить, что это под руководством Качалина сборная СССР в 1960 году, в Париже, выиграла самый первый Кубок Европы.

— Мы его звали дядя Жора, — улыбается воспоминаниям о минувшем Родин. — Человек Гавриил Дмитриевич был исключительный, подлинный интеллигент, голоса никогда не повышал. А мы все боялись, страшно боялись пропустить его занятия. Настолько они были интересны и увлекательны. Затем «Трудовые резервы» стали играть на полях в Лужниках, на берегу Москвы–реки. Играли мы на первенство Москвы.

Позже, уже в 1948 году на «Пищевике» была создана команда мастеров класса «Б», и тренером там был Виктор Константинович Шиловский, известный мастер, выступавший за основу киевского «Динамо». Он меня и пригласил играть за команду мастеров класса «Б», на сборы мы ездили в подмосковную Баковку. В те годы это все были отдаленные дачные места. А потом «Пищевик» распался, и меня взяли в московское «Торпедо» в полузащиту. Тренером был Николай Николаевич Никитин. Три с половиной года отыграл я в «Торпедо», — качает головой Николай Павлович. — Немалый срок, однако. Все же высшая лига, класс «А». Это уже был другой совсем уровень. Играл я вместе с Василием и Георгием Жарковыми, двумя Пономаревыми — Виктором и Александром, знаменитым Гомесом. А вратарем у нас тогда был Запрягаев Боря, тот самый, который потом в хоккейных воротах команды «Крылья Советов» стоял. Приличная, как видите, была команда, могла обыграть любой клуб».

А в 1950 году поступил молодой футболист в университет на юридический факультет. Причем, па дневное отделение!

— Учился я на одном отделении с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, и когда началась под его руководством перестройка, то подумал я, почесав затылок: надо же, вот ведь как в жизни бывает! Мой друг Борис Филимонов был секретарем парторганизации курса, и Горбачев, «ударявший» по комсомольской линии, частенько к нему захаживал. В команде год не знали, что я учусь в университете. Порядки тогда были такие: или футбол, или что другое. И я помалкивал. В 1952 году я ушел из «Торпедо» и год почти не играл нигде, пока не

пристроился на мясокомбинате им. Микояна. Вот там меня и нашел Эпштейн и пригласил в Воскресенск. За мясокомбинат играли многие ребята, кстати, и Коля Сологубов оттуда был. Витя Федичкин тоже оттуда, вторым вратарем у нас играл. Ух, головорезы были настоящие, попробуй кто только тронь кого из наших–то!

Там, на комбинате, иной раз расплачивались с нами мясом или сосисками, и в те голодные годы это было настоящее благо. Матери были рады–радешеньки. А в «Пищевике» играли мы на первенство района с хлебозаводом № 9. Отыграешь, идешь на завод и хлеба от пуза наедаешься. Вот счастье–то где было! Организмы молодые были, росли, есть все время хотелось. Да еще домой разрешали брать с собой по буханке. Это вам не нынешние гонорары, которые хоккеисты имеют, а только вспоминаю я те буханки воистину, как слитки золота.

Помню, когда закончился футбольный сезон, Семёныч молвил: что ж, пора собирать хоккейную команду.

«Ты ведь, Коля, — спрашивает меня, — вроде играешь?» — «Обижаете, Николай Семёнович, я как–никак в первой мужской команде мясокомбината играл». — «Ну, так тем более, давай, собирай ребят, кто у тебя на примете там есть».

Пригласил я старого приятеля Квасникова Славку, Кашаева Сашу (он потом у Эпштейна вторым тренером в «Химике» был), Катаев в свою очередь пригласил Ефимова Володю, Воскресенского парня. Получилось два звена, в те годы звеньями играли: Костя Будылкин в защите, Афанасьев Саня, Эпштейн, Кашаев, в нападении Володя Мискин, центральными нападающими играли Квасников и я. Во втором звене играли, помню, Полухин, Володя Ефимов, палевом краю — Николаев, Соловьев.

Тогда, в декабре 1953 года, Воскресенская команда, созданная практически «с нуля», выиграла первый же свой турнир в Электростали, а второй этап чемпионата проходил в городе Серове, где соперники у «Химика» были уже посолиднее, команды–победительницы в своих зонах. И «Химик» победил и в марте 1954 года стал чемпионом РСФСР.

— А еще и вышли мы среди 36 команд в финал Кубка России, где противостояли свердловчанам. Три периода завершились вничью, а в дополнительное время Володька Мискин забил победный гол. Это был наш первый сезон, а в следующем мы снова стали чемпионами России и успешно выступали в классе «Б». И вот что помню я четко и ясно: Эпштейн ничуть не сомневался, что «Химик» войдет со временем в высшую лигу. Мы, его, если можно так сказать, соратники, сомневались, а он

ничуть. Он умел заражать своим настроением партнеров и ведь точно: в сезоне 1956/1957 годов «Химик» был включен в класс «А» и получил право выступать в юбилейном десятом чемпионате страны.

— Вот ведь как все начиналось–то, — покачивает поседевшей головой Николай Павлович. — Семёныч вообще–то азартный был, взрывной. Он в футбол играл очень прилично. Помню, однажды играли в Люберцах, ему мяч отбросили, и он метров с двадцати красавец–гол прямо в «девятку» забил. Ну, забил, тогда обниматься и целоваться не лезли, хоть и гол выдающийся. А только Полухин судил, он взял, да положение вне игры свистнул. Говоря откровенно, можно было и не свистеть, он сам–то в стороне был, и трудно было понять ситуацию. Так Семёныч этого Полуху аж за Можай загнал. Еще бы, такой великий гол засудил, ну кто тут спокойным останется?!

Два года отыграл я за «Химик» в классе «Б», и еще в футбол сезон поиграл, это когда «Химик» уехал на московские хлеба. А в 1955 году закончил университет, получил диплом юриста. Но в юриспруденции дело не заладилось.

И в 1957 году в судьбе Родина произошел новый поворот: поступил он на учебу в Институт физической культуры на тренера.

— У нас там была создана особая группа, — заметил Родин. — В то время вышел приказ о том, чтобы готовить тренеров с высшим образованием. И вот собрались мы там: два Пономарева, Никита Павлович Симонян, Мкртчан Григорий Никитич, Дуганов Гриша, два Жаркова, Мошкаркин, Крылов Венька, Золотое Юрка и Малов Женька. Нас собирали на три–четыре месяца зимой и готовили для практической тренерской работы. Вот так солидно дело было поставлено. Я закончил институт в 1963 году, играя в Подольске, и работая одновременно там тренером на знаменитом подольском машиностроительном заводе.

А в 1964 году Г. Н. Мкртчан — в тот момент главный тренер Российской федерации хоккея предложил молодому специалисту на выбор несколько городов для более серьезного дела.

— Я выбрал Череповец, команда которого играла в классе «Б» и почти в московской зоне, что меня вполне устраивало. И пять лет отработал в Череповце главным тренером, а было мне тогда 35 лет. После Череповца уехал в Рязань, «Станкостроитель» тамошний тренировать, там отработал три года, из Рязани махнул в Ухту, потом в Апатиты, затем пять лет работал в Ярославле…

Сидя напротив Николая Павловича, я подумал невольно: вот,

говорят, счастлив тот тренер, кто хоть одного спортсмена высокого класса подготовит. А Николай Павлович не одного, а многих подготовил, но скромен, доступен, обаятелен. Вот его «фирменные» воспитанники: Палилов Евгений, Сергей и Игорь Капустины, Алексей Костылев. Все перечисленные хоккеисты играли в лучших клубах Союза — «Крыльях Советов», «Спартаке», ЦСКА. В чемпионах и призерах ходили, за сборную Союза играли.

— Николай Павлович, а что можете сказать про феномен Эпштейна, откуда он такой?.. Ведь он тренерских школ не заканчивал…

— Что сказать, — охотно откликнулся Родин. — Он ведь действительно самородок. Очень хороший психолог, зрил, как говорят, в корень. У него методика подбора игроков была такая: берет игрока «Х», и он вливается в коллектив. А Эпштейн смотрит за ним, наблюдает. Примет коллектив игрока или нет. Смотрит — парень общительный, компанейский, с ребятами держится незаносчиво, трудится усердно, игроки его за своего принимают, тогда и Семёныч принимает решение в пользу этого парня. Но бывало и по–иному.

Был у него, помню, такой Войкин из Кирово — Чепецка. В этом городке всегда было много талантливых ребят, кстати. И Мальцев из тамошней «Олимпии» выходец. Так вот этот Войкин не прижился в коллективе, ребята его не приняли, и Семёныч его отчислил. У него в «Химике» всегда был высок коллективный дух…

Ну, а тактически… Мы когда начинали в высшей лиге, то проигрывали ЦСКА и «Динамо» с разницей в 10–12 шайб. Начал Семёныч думать да гадать, как бы от такого избытка избавиться. И придумал свой знаменитый прессинг, который, между прочим, подсмотрел в баскетболе. Подкатываться под противника учил так, чтобы сразу шайбу отбирать и отдавать своему на контратаку. И отбирал он в команду игроков не геркулесовых данных, а с головой, чтобы думали все время. Постепенно картина стала меняться, «Химик» уже проигрывал с разницей в 2–3 шайбы, а потом пришла пора, когда стал одерживать и победы в матчах с грандами. Иной раз и ЦСКА «цепляли».

Потом, — продолжает Родин, — помню один сезон зоны разделили на западную и восточную. И в западной зоне оказались почти все московские команды, «Химик» и, кажется, горьковчане. Труднейшая зона по составу, но для «Химика» она стала буквально учебным полигоном. Игры с сильнейшими клубами были весьма важны для роста команды, ее мужания. Оно и понятно: команда перестает расти, если она играет со слабыми соперниками. И вот когда зоны вновь объединили, то стал

«Химик» удерживаться в турнирной таблице на четвертой–пятой позиции, а в 1965 году завоевал «бронзу». Создал Семёныч настоящий хоккейный центр в провинциальном городке. Вот дело его жизни, вот в чем его огромная заслуга. Он, бывало, смеялся: «Сколько ни езжу по Союзу, меньше города не видел».

Очень сильно, по словам Родина, было развито у Эпштейна желание воздать каждому по заслугам.

— Резким и суровым не был, хотя мог, когда надо, и строгость проявить. Но и отходчив был. И, конечно, следует непременно, упоминая фамилию Эпштейна, называть и фамилию второго Воскресенского либерала — директора тамошнего химкомбината Н. М. Докторова.

Скажу честно: я таких людей, как Докторов, не встречал, — откровенно признается мне Родин. — Необыкновенной гуманности был человек, иной раз обескураживала даже эта его черта. Они с Семёнычем большие друзья были, да и то сказать, жизнь как будто специально их друг к другу толкнула. Это им обязан Воскресенск своей хоккейной славой.

А сам Николай Павлович так на всю жизнь в хоккее и остался. И до сих пор — в свои 77 лет — продолжает тренерскую деятельность.

— Я и сейчас тренером работаю в Международной российской академии туризма, студентов тренирую. До этого отработал 15 лет в Балашихе, а потом тренировал народ в Химках на космическом заводе «Новатор». Ну, сейчас–то там все развалилось.

Сетует супруга Родина: ведь вот уж почти 70 лет на коньках, достижение, достойное книги рекордов Гиннесса. Но ведь устает. А с утра все равно встает, иной раз, с немалым трудом, не мальчик. И опять — хоккей. Тренирует еще Родин юношей во Дворце спорта на Речном вокзале. Это один из дворцов, построенных по инициативе бывшего вице–мэра Москвы Валерия Шанцева.

— А еще у меня спонсоры есть в Химках, они снимают лед в Новогорске, еще пару раз на динамовском стадионе катаемся. Так что три раза в неделю лед есть, — с удовлетворением говорит Николай Павлович…

А я ловлю себя на мысли, что любуюсь этим скромным человеком с лицом истинного русского интеллигента. Наверное, вот на таких людях, как Родин, скромно изо дня в день делающих свое дело, и держится несмотря ни на что Россия. Они — как капилляры, питающие тело страны живительной кровью. И неважно, кем и в какой области они трудятся — в хоккее, водителями троллейбуса, токарями на заводе, горняками,

пилотами авиалайнеров, рыбаками. Важно, что они есть. А пока есть они, есть и Россия.

И где же ты хоккей московский?.

Пройдет совсем немного времени, и к рассказам о том, что Москва была когда–то крупнейшим хоккейным центром страны, отнесутся с недоверием». Я почитал недавно эту начальную фразу из собственной статьи, напечатанной в газете «Московская правда» в 1987 году, и вздрогнул: какое дьявольское получилось пророчество.

Москва действительно уже не представляет собой той мощной хоккейной державы, которой была еще совсем недавно. И впрямь — была. Это так же точно, как то, что именно в Москве, а не где–нибудь появился на свет канадский хоккей — около Восточной трибуны стадиона «Динамо», где была сооружена площадка под открытым небом.

Читаю сегодня ту статью и думаю: вот пророчество так пророчество! Исходил я из других мыслей и оценок, совсем другими критериями оперировал, а результат–то вышел, пожалуй, один — Москва сегодня вовсе не центр хоккейной жизни России.

В той статье я писал, что даже если бы первая хоккейная «коробка» появилась на стадионе любого другого города, я бы все равно утверждал, что хоккейное дело наше начиналось в Москве, Москвою жило и процветало — Москвою и москвичами. И доказать это был готов предметно.

В конце 40-х — начале 50-х годов прошлого века клуб ВВС имел богатые возможности усиливать все свои команды — хоккейную, баскетбольную, ватерпольную. Так вот: руководители ВВС, которые могли взять к себе любого приглянувшегося игрока, обозрев все хоккейное хозяйство страны, удостоили чести защищать свою команду лишь двух немосковских хоккеистов, двух рижан — Меллупса, первого в стране вратаря экстра–класса, и отличного защитника Шульманиса. Замечу, что хоккей в Латвии начал культивироваться еще до войны! Еще один иногородний хоккеист — нападающий из Вильнюса Ганусаускас играл в «Спартаке». Все остальные игроки московских команд были москвичами.

Москве хватало собственных кадров, чтобы ими укомплектовывать свои команды. Более того: москвичи играли тогда и во всех без исключения немосковских командах. И повсюду — на первых ролях. Исключение, впрочем, было: «Химик» Воскресенский. Долгие годы москвичи были в той моей команде и на первых ролях, и на вторых. На всех. В пору

становления команды только москвичи там и играли.

Когда начал создавать я в Воскресенске при поддержке Докторова классную хоккейную команду, то столкнулся с парадоксальным обстоятельством: в этом подмосковном городишке и в русский–то хоккей никто толком играть не умел, а уж о канадском и говорить не приходилось. И я сделал то, что сделал бы на моем месте любой другой тренер — поехал искать игроков в Москву. Среди тех, кого удалось найти, не было ни одного заигранного: искал–то я их не в высшей лиге.

На месте лужниковского гиганта был в то время стадион «Каучук». Там, на «Каучуке», нашел я в разные годы Юрия Морозова и трех братьев Рагулиных, на стадионе, что на Семеновской заставе — Юрия Борисова, на стадионе Юных пионеров пятерых хоккеистов, в том числе Эдуарда Иванова и Юрия Громова, на стадионе «Буревестник» — Валерия Никитина. Вот так и создан был «Химик». Но разговор–то о московском хоккее, который сегодня, в наши дни, отнюдь не менее (а берусь утверждать — более) актуален, чем раньше, когда писалась эта статья.

Обвини я в те годы руководство Федерации хоккея СССР в том, что дела с хоккеем в Москве обстоят плохо, то прослыл бы уж совсем еретиком. Как же так, ЦСКА — несомненный лидер, «Динамо», «Спартак» все также сильны. Да что там говорить, если за все чемпионаты страны не было ни одного, когда московская команда отдала бы первое место.

Но давайте представим себе, что мысль обзавестись отличной хоккейной командой пришла в голову директору крупного подмосковного предприятия не тридцать лет назад, а ныне (напомню, что статью свою, к которой обращаюсь, я написал в 1987 году). Не знаю, куда направил бы стопы его гонец, но уж наверняка не в Москву. Смысла нет в Москве игроков искать, коль сама Москва давно их на стороне ищет. Я не оговорился — не ЦСКА, который при Викторе Васильевиче Тихонове в 80-х годах «подгребал» периферию сполна, а все московские команды. Разница состояла лишь в том, что ЦСКА брал, кого хотел, а остальные — кого могли. Ну, еще «Динамо» в какой–то мере могло поспорить с ЦСКА, пользуясь ведомственным всевластием, и призывая хоккеистов служить под знамена доблестного МВД.

Я привел тогда цифры: в «Крыльях Советов» играли 12 москвичей, в «Спартаке» — 12, в ЦСКА — 8, в «Динамо» — 6. Получалось, что во всех четырех московских командах москвичей не набиралось и на две. А набиралось в том случае, если к этим 38 москвичам добавить тех, кто выступает за команды других городов. Таковых — 12 (5 — в Риге, 4 — в Воскресенске, 3 — в

Уфе). Статистика, против нее, как говорится, не попрешь.

Неразумно было бы считать, что удельный вес московского хоккея всегда должен бы оставаться таким, как 40 лет назад. В конце концов, Москва первая узнала диковинную заморскую игру, восприняла ее, вдохнула в нее жизнь, и хоккей зашагал по всей стране семимильными шагами. Я полагал, что этот удельный вес должен был уменьшиться, но не до такой же степени! На каком–то этапе столица могла перестать играть роль экспортера, но ни при каких обстоятельствах не должна была превратиться в импортера. И уж во всяком случае число иногородних игроков в московских командах никак не должно было превышать числа москвичей в командах других городов. Однако «импорт» хоккеистов не просто превысил «экспорт», а превысил в несколько раз!

Я усматривал причину того, что Москва, номинально значась крупнейшим хоккейным центром страны, по существу уже давно не являлась таковым, в том, что столичные клубы высшей лиги в течение долгих лет имели практически неограниченную возможность пополнять свои составы классными игроками иногородних команд, которые несли постоянный и весьма болезненный, ощутимый урон.

Берусь утверждать, что политика постоянного заимствования игроков вредна не только тем, у кого берут, но и самим берущим.

Вот что я писал: «До тех пор, пока работу спорткомитета, федерации хоккея, общества будут оценивать, руководствуясь только количеством классных команд, их местами в чемпионатах страны и числом игроков для сборной, Москва будет обозначена крупнейшим хоккейным центром. А задавшего нелепый вопрос человека, где лучше поставлена хоккейная работа — в московском «Динамо» или в горьковском «Торпедо», в московском «Спартаке» или в челябинском «Тракторе», ткнут носом в таблицу чемпионата и дадут справочник, распухший от множества таблиц: посмотри — сам поймешь».

В конце концов, в хоккей по всей стране играют десятки тысяч человек. Что, все они попадут в команды мастеров? Да нет же. Кто–то играет в хоккей удовольствия ради, укрепляя тело и здоровье (таких большинство), кто–то, поталантливее, добирается до уровня спортивного разряда (их уже поменьше), но никак не связывает свою жизнь с хоккейным будущим, кто–то достигает мастерского уровня и уже всерьез рассматривает хоккей, как дело всей жизни. Таких спортсменов совсем немного в масштабах страны — ограниченное число.

Поэтому, сравнивая команды, нужно и можно исходить не только из того, кто кого и сколько раз опередил в чемпионате. В

конце концов, не все ли равно, какая команда станет чемпионом СССР или призером.

Но ведь отнюдь не все равно, сколько подготовят классных игроков в той или иной команде, которые, разумеется, вольются в сборную страны и будут с достоинством отстаивать честь советского хоккея на международной арене. И если во главу угла поставить этот критерий, то вопрос, какая команда лучше, не покажется таким уж нелепым. А ответ на него будет выглядеть очевидным.

Так вот, за «Динамо» играют всего шесть москвичей (меньше, чем в остальных столичных клубах), но и из этих шести только четверо свои, динамовские, из родной спортшколы. Ну, а в «Торпедо» свои все, горьковские, — все, кроме одного.

В «Спартаке» доморощенных спартаковцев пятеро. В «Тракторе» же своих даже больше, чем числится в составе, потому что уже долгие годы команде вменено в обязанность готовить смену еще и тем своим лучшим воспитанникам, кого призвали в ЦСКА, Макарову, Быкову, Давыдову, Старикову, Бабинову и иже с ними.

У «Химика» из крохотного по сравнению с Москвой Воскресенска десять игроков своих, на одного больше, чем у двух, вместе взятых прославленных столичных клубов, каждый из которых уже сорок с лишним лет культивирует хоккей.

Вот и получается, что едва ли не самую главную задачу московские клубы решают, мягко говоря, не очень–то складно. Правда, к ЦСКА, справедливости ради надо отметить, это относится не в полной мере. Армейский клуб, снискавший себе печальную славу тем, что в течение нескольких десятилетии регулярно и чаще любого другого призывал в свои ряды и без пяти минут звезд, и звезд уже состоявшихся, в последние годы оказался способен готовить и собственных звезд экстра–класса. Все восемь москвичей в ЦСКА — а среди них, между прочим, такие звезды мирового хоккея, как Фетисов и Кругов, — начинали в спортшколе на Ленинградском проспекте.

Чтобы понять, как хоккейная Москва дошла до жизни такой, зададим несколько вопросов. Быть может, у юных и не совсем юных москвичей слишком много соблазнов, мешающих добраться до стадионов? Назову эту причину не очень–то серьезной. Телевидение со своими детскими и недетскими передачами, кино, дискотеки, дворы и подворотни есть не только в Москве. Спору нет, в столице конкурентов у спорта побольше, чем в других городах. Но не настолько же, чтобы счесть ссылку на это обстоятельство уважительной.

А может, нет способных мальчишек, которые могли бы

научиться хоккею, или знающих толк тренеров, которые могли бы этих мальчишек научить? Оба предположения абсурдны: чем же это, спрашивается, московские хуже других, и где еще живет и работает столько тренеров, сколько в Москве.

Весьма неплохо и по сию пору выступают московские команды на детских и юношеских турнирах, однако игроки этих команд реже, чем следовало бы ожидать, получают приглашения в команды мастеров. Потому что спорткомитет и федерация хоккея Москвы не требуют от спортивных обществ, чтобы в их командах играли москвичи. А общества не спрашивают за это со своих тренеров. Да и зачем им это? Зачем возиться с молодыми, доводить их, что называется, до ума, если, повторю, в Ленинграде, Челябинске, Уфе ежегодно появляются те, с которыми не надо возиться.

Потеряв необходимость работать с хоккеистами, Москва потеряла и вкус к этой работе. И как, на каком компьютере подсчитать, сколько же игроков недодала отечественному хоккею Москва, значащаяся во всех справочниках крупнейшим хоккейным центром страны?

Нет нужды быть и ханжой. Конечно, обмен хоккейной молодежью в масштабах всей страны должен быть, он даже необходим. Своего рода кровообращение огромного хоккейного организма. Иначе не появились бы в московском «Динамо» Мальцев с Васильевым, в «Спартаке» — прекрасный защитник Виктор Блинов из Омска, в ЦСКА — тот же Макаров, а в «Крыльях Советов» — Сергей Капустин. В этих ведущих клубах страны эти незаурядные мастера смогли довести свое мастерство до высот совершенства и стали подлинно мировыми звездами хоккея.

Чтобы не быть голословным, скажу, что в свое время сам благословил переход в ЦСКА Игоря Ларионова, считая, что этому таланту уже тесно в рамках подмосковной команды, что в армейском клубе он полностью раскроет свой потенциал. Так оно и вышло в итоге. Отпускал я без всяких скандалов в «Динамо» Лаврентьева, братьев Голиковых. Можно найти еще и другие примеры моей «доброты». Скажу так: мне всегда было больно, когда из «Химика» волюнтаристски забирали способных ребят, да и какому тренеру это понравится? Но, наступив на горло собственной песне, я иной раз вынужден был в глубине души соглашаться с такими переходами. Другое дело, когда столичные клубы брали хоккеистов и затем сажали их на скамейку запасных. И те сидели, сидели, а потом возвращались в родной клуб растренированными и морально побитыми. Тут я возмущался до глубины души и не стеснялся высказывать свои чувства вслух на любом уровне…

А Москва, что ж, она манила игроков из других городов столичным размахом, возможностью выделиться, попасть в сборную, стать на виду у всех и зажить прекрасной, по сравнению с другими своими коллегами, жизнью. Так оно зачастую случалось. Хотя бывало, что кому–то и не везло.

Вот какие мысли бродили в моей голове, когда писал я в 1987 году статью «В хоккей играют немосковские мужчины». И, конечно, я в самом страшном сне не мог представить, что произойдет в реальной жизни. Однако произошло то, что мы имеем сейчас. Москва и вовсе перестала быть центром хоккейной жизни, особенно если иметь в виду достижения высшего порядка. Она утратила свою былую притягательность. Только московское «Динамо» еще пытается поддержать былой престиж московских клубов, и даже ЦСКА (преодолев с немалыми трудами ведомственный раскол, когда играли аж два центральных армейских клуба) борется отнюдь не за медали. «Спартак» и «Крылья Советов» и вовсе вылетели из суперлиги, а про то, что был когда–то славный клуб «Локомотив», поставлявший даже игроков в сборную (взять знаменитую тройку Цыплаков — Якушев — Снетков), помнят только болельщики с приличным стажем.

Москва теперь превратилась в поставщика хоккейного «материала» в другие города, где платят хоккеистам большие деньги. Много сильных команд играет в других городах России — Омске, Новокузнецке, Челябинске, Череповце, Казани, Уфе, Ярославле. Теперь трудно заранее предсказать, какая команда станет чемпионом страны, и в этом смысле в первенстве страны присутствует интрига. И это, говорят, хорошо. Но вот вопрос: почему же ныне никак не может выиграть сборная России первенства мира? Но ведь есть поговорка: сильные клубы — сильная сборная, и не на пустом месте ведь эта мудрость родилась. Москва, собиравшая в своих клубах цвет отечественного хоккея, выигрывала чемпионат СССР (чаще других это делал ЦСКА), а затем, в урочный час занимала первое место на очередном чемпионате мира. В Москве вырастали до уровня истинных звезд игроки–варяги. Теперь же, как я понимаю, призыв в сборную вовсе не является для многих игроков престижным делом и тренеры ломают голову над вопросом о том, кого брать в команду на очередной этап Еврохоккейного тура.

А ведь хоккей в Москве по–прежнему популярен, вице–мэр построил восемь новых дворцов спорта для развития игры, в хоккей играет много молодежи. Но высших мест московские команды в первенстве страны не берут, а ЦСКА ныне вполне может на собственном опыте убедиться, как тяжело играть, растя

собственных хоккеистов, а не собирая ежегодную хоккейную «дань» в виде талантливых игроков со стороны. Правда, теперь все перепуталось в хоккейном хозяйстве, и кто кого вырастил, кто где начинал играть, уже никого не волнует.

Те, кто не находит себе места за океаном, возвращаются, но предпочитают играть в немосковских командах, где платят больше. Например, Андрей Коваленко из ярославского «Локомотива». Кстати, его пример весьма примечателен. К разряду суперзвезд он в советские времена не принадлежал, но какова же все–таки была подготовка игроков в СССР, если сейчас, на склоне хоккейных лет, проведя много сезонов в НХЛ,

Коваленко остается одним из сильнейших нападающих суперлиги! А где же новые «звезды»? Они стремятся в НХЛ. Вот Овечкин, безусловно, талантливейший парень, с широким диапазоном действий, отличной техникой, видением игры. Что, засидится он в России? Да, нет, конечно.

В Россию потянулись хоккеисты–иностранцы, главным образом чехи. Но недавно от одного знакомого журналиста я слышал, что из всего числа играющих в российских клубах суперлиги игроков–иностранцев (без учета хоккеистов из НХЛ в последнем сезоне 2004/2005 годов) едва можно было бы собрать одну приличную команду. Спрашивается, зачем же нам, в России, столько посредственности, что, своей мало?

На мой взгляд, неверно многие говорят, что не надо приглашать «варягов» со стороны, своих, мол, хватает игроков. Думается, что приглашать надо, но на определенных условиях.

Почему потянулись сейчас к нам в клубы игроки из других стран? Ответ, полагаю, ясен: потому, что им платят большие деньги. Я же убежден, что там, где во главу угла поставлены деньги, нажива, где царит дух стяжательства, добра не жди. И примеров тому, кстати, несть числа. Вот Иван Глинка. Прекрасный был хоккеист и тренером стал отличным. Приехал к нам в Россию, принял один из лучших клубов — омский «Авангард». О гонорарах Глинки разные слухи ходили. Легендами обрастали. И что же, стал «Авангард» в сезоне 2002/2003 годов чемпионом России? Или последний показательный пример с казанским «Ак Барсом»!

Приглашать нужно настоящих спортсменов, преданных хоккею, избранному делу, таких, на чьем мастерстве могла бы учиться местная российская молодежь. Тогда еще куда ни шло, хотя мне, старому российскому тренеру, кажется диким, что к нам в страну, давшую миру величайших звезд хоккея, надо приглашать игроков со стороны. Понимаю, что мир поменялся, что наши лучшие уезжают за океан, в клубы НХЛ. Умом понимаю,

а сердцем нет. Ну, как так: Россия, хоккейный материк, а приглашает иностранцев. Нонсенс. С другой стороны Канада — тоже хоккейный Эльдорадо, а приглашает же хоккеистов из лучших хоккейных стран Европы! Тоже вроде бы нонсенс, но у канадцев–то это бизнес, давно поставленный, отработанный, с целыми сводами правил и инструкций и для клубов, и для игроков. Тома целые.

Но даже в НХЛ с ее отлаженной многими десятилетиями системой, вспыхнул нешуточный конфликт, в основе которого лежали разногласия между владельцами клубов и игроками, считавшими, что размеры зарплаты не должны ограничиваться. И это при том, что у многих игроков НХЛ заработки исчисляются многими сотнями тысяч долларов, а то и миллионными суммами. В результате последовал локаут, и сезон 2004/2005 года в лиге не играл ся. И это в НХЛ, где все казалось незыблемым и давно обкатанным!

А что ж тогда говорить про наше хоккейное хозяйство, где теперь игроки тоже получают бешеные деньги? Может ли так долго продолжаться? Не знаю, но думаю, что где–то есть предел. Не могу сказать, где он, но ведь нонсенс, что в стране, где существует масса нерешенных социально–экономических проблем, люди, играющие в хоккей, получают такие деньги. Это ведь противоречит законам экономики, и пример НХЛ показал, что должна быть мера. Замечу, что в Северной Америке — уровень жизни такой, что нам и не снился, а вот поди ж ты — прорвало.

У нас, в России, до такой постановки хоккейного дела, как в НХЛ еще, пожалуй, далековато. К тому же, при таких заработках наши клубы показывают хоккей отнюдь не высочайшего уровня. На мой взгляд, большинство клубов исповедует хоккей, который я назвал бы: бей–беги. Носятся ребята по площадке со страшной скоростью, как угорелые, врезаются друг в друга без всякой жалости, калечатся сами, калечат коллег по спортивному ремеслу.

Мне говорят: Семёныч, ты ретроград, время ушло вперед, хоккей изменился, выше стали скорости, меньше остается времени для раздумий. С этим, пожалуй, можно согласиться. Скорость возросла. Казалось бы, одновременно должно совершенствоваться техническое мастерство игроков, которые в единицу скорости способны были бы проделать определенное (и большее) количество технических приемов. Но для этого надо работать до седьмого пота.

А то ведь игру нельзя смотреть: то и дело раздается свисток арбитра, фиксирующий очередное нарушение правил, в углах

площадки хоккеисты возятся, как в загоне, со стороны может показаться, что это не хоккей, а борьба. Мордобой на площадке развращает зрителя, калечит его эстетику, ведет к возникновению драк на трибунах.

Я не могу радоваться тому, что мои пророчества сбылись и Москва перестала быть общепризнанным центром хоккейной жизни не только страны, но и мира.

И тот факт, что московские динамовцы выиграли первенство России сезона 2004/2005 годов, моей точки зрения не меняет. Победа динамовцев, которые лидировали весь сезон, замечательна, заслуженна. Можно только поздравить всех игроков и главного тренера В. Крикунова с этим большим успехом, достигнутым в весьма необычном для российского хоккея сезоне.

Я имею в виду все тот же локаут в НХЛ, в результате которого в российских клубах играло множество заокеанских звезд — россиян, канадцев, чехов, финнов. Да, их участие придало особую изюминку чемпионату, да, российский зритель смог воочию посмотреть на звезд НХЛ, прекрасных хоккеистов. Это, конечно же, занимательно.

Но к российскому хоккею, как таковому (а уж тем более московскому), это все имеет мало отношения. И вот вопрос: а если убрать из состава «Динамо» игроков из НХЛ Дацюка, Афиногенова, Маркова, Фролова — только этих четверых? Убежден, что игра «Динамо» кое в чем потеряет свой блеск.

А кто в команде играл из своих московских, доморощенных? Посчитал я — в «Динамо» воспитывались одиннадцать хоккеистов, по большинство из них успело после чемпионского для клуба 2001 года поиграть в нескольких командах, в том числе и в НХЛ, а воспитанником, игравшим всю свою жизнь только в «Динамо» является, пожалуй, лишь Александр Овечкин. Это очень одаренный, талантливый парень, способный на многое. Но его игра в плей–офф не была столь яркой и убедительной, как можно было рассчитывать. В чем тут причина, сказать со стороны трудно. Впрочем, не хочу обижать Александра, верю, что у него впереди большое будущее. К сожалению, думаю, в НХЛ. (Как в воду смотрел мудрый Семёныч! В дебютном для себя сезоне сезоне в НХЛ Овечкин уже произвел фурор, забив в составе «Вашингтона» по состоянию на 15 января 2006 года 30 голов и отдав 25 результативных передач. Он главный претендент на звание лучшего новобранца НХЛ — *Прим. Н. Вуколова.*).

А тема того, что дал для российского хоккея сезон 2004/2005 годов, заслуживает отдельного и особого разговора. Который, думается, еще впереди.

Доктор Белаковский

Родившийся в городке Сестрорецке, под Ленинградом, легендарный врач ЦСКА и сборной СССР Олег Маркович Белаковский учился в Сестрорецке в одной школе с Севкой Бобровым, с которым вместе гонял в футбол и хоккей по сестрорецким пыльным пустырям весной и летом и по замерзшим зимней порой прудам…

По окончании Военно–медицинской академии в Ленинграде, Белаковский был откомандирован в Главное управление воздушно–десантных войск, совершил 153 прыжка, дважды забрасывался в тыл немцев. Карельский и Ленинградский, 2-й и 3-й Украинские фронты. Венгрия, Чехословакия. Ранения в ноги осколками мины. Гибель боевых друзей. То были годы войны.

— После ее окончания поехал я из Будапешта, где служил, в отпуск, — вспоминает знаменитый хоккейный доктор. — И на вокзале услышал репортаж Вадима Синявского о матче московского «Динамо» с английским клубом «Челси». (Мог ли я, да и вообще кто–нибудь в целом мире тогда подумать, что в 2003 году этот знаменитый английский клуб будет куплен нашим российским миллионером?!) То было великолепное триумфальное послевоенное турне динамовцев по Англии. И слышу, Вадим Синявский то и дело называет фамилию Боброва. Я почему–то сразу решил, что это мой школьный товарищ.

И в Москве нашел Всеволода, в гостинице ЦДКА. Встретились мы душевно.

Потом довелось служить Белаковскому на Дальнем Востоке, а в 1950 году поехал он на курсы усовершенствования врачей в Москву, и некоторое время жил дома у Боброва. А когда завершил курсы и собирался обратно на Дальний Восток, Бобров предложил товарищу попробовать силы в спортивной медицине.

— Тем более, ты десантник, — сказал мне Севка, — видал виды, в спорте, поверь, такие врачи нужны.

Бобров, игравший в команде ВВС, которой покровительствовал Василий Сталин, в те годы — командующий ВВС Московского военного округа, замолвил слово за своего друга перед сыном главы советского государства.

— Василий Иосифович вызвал меня к себе, поговорил, порасспрашивал и отдал распоряжение перевести меня в Москву.

Так, в 1951 году Олег Белаковский стал врачом футбольной и хоккейной команд ВВС и навсегда связал свою судьбу с армейским спортом.

— Но я всегда, все время стремился делом, трудом своим доказать, что я не выскочка, попавший в Москву только «по блату». Работал я, что говорить, с удовольствием и старался оправдать доверие Боброва и Сталина. Тем более, что стал я уже и врачом футбольной и хоккейной сборных СССР.

О том, сколь добросовестно работал Олег Белаковский, свидетельствует тот факт, что стал он со временем начальником военно–медицинской службы ЦСКА и до сих пор пользуется огромным уважением и любовью тех, кому вправлял прямо у бровки поля выбитые суставы, ключицы, накладывал, совсем как на передовой, жесткие повязки, делал прямо у хоккейного бортика новокаиновые блокады, снимая острейшую боль.

— Первый раз, — вспоминал Олег Маркович, — я увидел Эпштейна в игре в Электростали, зимой 1951–1952 года. Играл Коля в нападении довольно прилично, хотя габаритами особыми не отличался. Я запомнил его по умной игре, по тому, как хорошо, зряче он отдавал пасы партнерам. 50 лет с тех пор мы друг друга знаем.

Как игрок Эпштейн не был великим мастером, но действовал весьма расчетливо. И когда он стал тренером «Химика», то руководимая им команда стремилась исповедовать умный, комбинационный и тактически грамотный хоккей. В те годы у нас было несколько очень сильных команд: ЦСК МО, «Крылья Советов», «Динамо», «Локомотив» московский. И со всеми этими командами «Химик» Эпштейна играл почти на равных. А со временем стал отбирать у них очки. Команда Эпштейна не выигрывала звания чемпиона страны, но бывала в призерах.

— Его команда, — заметил О. Белаковский, — играла в тот хоккей, который позволял игрокам раскрыть их наилучшие качества. Играли–то они, в общем, от обороны, но тактически весьма грамотно. И ловили всех этих грандов на контратаках. Против «Химика» играть всегда было очень сложно. Те игроки еще и сейчас играют в командах ветеранов. Это Сапелкин, Смагин, Ляпкин, Веригин, Костылев. Все они играли в молодые годы в умный хоккей. Я так скажу: то были золотые времена нашего хоккея, потому что тогда играли очень талантливые игроки. В спорте я работаю давно и убедился: чтобы играть на высшем уровне, обязательно нужен талант. Бесталанному человеку в большом спорте делать нечего. Как, впрочем, и в любой другой сфере человеческой деятельности. Ведь если я не умею рисовать, то как бы меня ни натаскивали, ни тренировали, живописца из меня не выйдет.

Так вот, если подходить к вопросу с такими критериями, то Николай Семёнович Эпштейн — это, безусловно, большой талант.

В то время он котировался, как третий тренер Союза вслед за Чернышевым и Тарасовым. Он обладал невероятным чутьем на талантливых хоккеистов. Ведь это он открыл Рагулина, гордость нашу, это он первым разглядел необыкновенную одаренность Мальцева, он направил на путь истинный Эдика Иванова. А Никитин, Морозов, Борисов, Громов, Каштанов, братья Голиковы — это тоже все его ребята. Он находил маленьких с точки зрения габаритов хоккеистов, но все они были хитрые, верткие. Эпштейн называл их «игровиками» и делал из них больших мастеров. Не случайно именно он долгое время тренировал молодежную сборную страны, и это всегда была великолепная команда, игравшая в игровой, по–своему очень зрительский хоккей. Не то, что нынешние — бей–беги, ломай ребра. Те его ребята, — сурово заметил Олег Маркович, — в такой хоккей не играли, хотя тоже, случалось, ломали ребра, выбивали мениски. Это — хоккей.

К моему великому сожалению, — продолжил Белаковский, — я с тренером Эпштейном как врач не работал. Разве только в командах ветеранов, куда он приглашался главным тренером и когда — а было это уже лет 15–20 назад — мы были уже людьми в возрасте. С ним очень приятно работать. Он относится к числу тренеров, которые прислушиваются к советам врачей. Кстати, «Химик» был единственной командой класса «А», где врачом работала женщина — Антонина Леонтьевна Калинина. Работала много лет, вдумчиво, профессионально. Она ребятам была как мать родная. И ведь не кто иной, как Эпштейн пригласил в мужскую взрослую команду врача–женщину и не прогадал.

Он никогда не был тренером–диктатором. Он был… слово «либерал», пожалуй, не подходит. Хотя в хоккее можно быть и либералом. Применительно к Эпштейну уместнее слово «интеллектуал». В принципе каждый тренер хочет, чтобы его команда играла хорошо, но идут тренеры к этому разными путями. Есть люди, которые умышленно создают конфликты в команде, тренеры–интриганы, сталкивающие игроков лбами в команде для своих каких–то корыстных целей. Я таких тренеров не приемлю. А есть люди, которые хотят сделать из команды семью. И именно такие тренеры достигают наиболее высоких результатов. Мне посчастливилось поработать именно с такими тренерами — Борисом Андреевичем Аркадьевым и Гавриилом Дмитриевичем Качалиным. Я никогда не слышал, чтобы Аркадьев повышал па кого–то голос. Игроков он всегда называл на «Вы». Никогда не повышал голоса и Качалин, он только чуть–чуть прибавлял в тоне, если так можно выразиться, и все. Это были и тренеры, и люди с большой буквы. И вот они находили общий язык с игроками, которые в те времена были не так высоко

образованны, как нынешняя молодежь. И войти с ними в душевный контакт было, пожалуй, потруднее.

Из плеяды таких тренеров и Николай Семёнович Эпштейн. Я и сам сторонник того, чтобы команда была единой семьей. Даже если в такой команде нет выдающихся звезд, но создан хороший микроклимат, то эта команда способна на большие свершения…

— Скажите, Олег Маркович, а Тарасов создавал в команде семью? Вы же знаете, вы с ним проработали столько лет…

— Да, я поработал с ним немало. Это был выдающийся, но очень своеобразный человек.

По определению врача, у него «был другой стиль, жесткий. Но он, безусловно, всей душой болел за дело, был неистощим на выдумки на тренировках, скучать у него не приходилось. И в то же время, под конец своей карьеры, он стал мягче, заботливее. Тарасов любил игроков. И, будучи большим хоккейным специалистом, особенно любил игроков талантливых.

Конечно, был вспыльчивый, взрывной. Чехов обзывал, бывало, белогвардейцами, во время игры кричал: «Бей чехов». А чехи нас предупреждали: «Урезоньте вашего Тарасова! Мы, чехи, народ самолюбивый. Мы фашистского генерала Гейдриха пришили, а уж с Тарасовым тоже как–нибудь разберемся…»

Патриот страны был Анатолий Владимирович необыкновенный. Однажды играл ЦСКА в Швеции, в Евле, против местного «Брюнеса». Матч товарищеский, судил финн. И вот перед началом игры шведский гимн играют, а советский — нет. Тарасов дает команду игрокам игру не начинать. Подъезжает судья: «В чем дело?». Тарасов объясняет. Шведы начинают суетиться, да вот, мол, не нашли, вы уж извините… Ваши проблемы. И что вы думаете, сорок минут искали наш гимн шведы, где–то по телефону переписали, но сыграли. И только после этого началась игра. И это тоже — Тарасов».

Что же касается Эпштейна, вновь вернулся к главной теме разговора Белаковский, «то я о нем могу говорить только в превосходной степени. Порядочный, интеллигентный человек, умница, неконфликтный. Жаль, что я не работал вместе с ним в команде мастеров».

— Олег Маркович, вот вы говорите, что Эпштейн был неконфликтным человеком, а ведь он был единственным тренером, кто в свое время осмелился вести открытую полемику с самим хоккейным «генералом» Тарасовым, смело отстаивая свои принципы, свое видение игры. И не побоялся тарасовского гнева, его публичных, в центральной прессе, упреков в отступничестве от советского стиля. Для этого нужны были и мужество, и убежденность в собственной правоте, не так ли?

— Да, Эпштейн полемизировал с Тарасовым по игровым проблемам. По методике тренировок. Я уж не такой–то великий знаток хоккея, но все же понимал, что Тарасов культивировал в ЦСКА мощный, силовой, атакующий стиль игры, с тактикой силового давления на противника. А Эпштейн придерживался других взглядов. Хотя и у него в команде тоже были здоровые ребята.

Ту полемику я хорошо помню, но со стороны Эпштейна она не носила враждебного, конфронтационного характера. Он вел дискуссию и считал, что команде подходит та тактика, которая приносит победу. Вот «Химик» играл от обороны и часто наказывал грандов.

Николай Семёнович никогда не был сторонником подготовки суперчеловека. Он не был сторонником того суператлетизма, который проповедовал Тарасов. Я довольно часто бывал на сборах ЦСКА. Вот, — вспоминает Белаковский, тренировались мы в Кудепсте, где была высокая крутая лестница. И одно из любимых упражнений у Тарасова состояло в том, чтобы игрок сажал на себя другого игрока и тащил его на самый верх этой лестницы. Потом они менялись. Совершенно изнуряющее занятие. Когда я потом считал их пульс, мерил давление, то это было нечто… Но с точки зрения результатов это было оправданно. Команда побеждала.

Однако понятно же, — заметил Олег Маркович, — что существуют сиюминутные и отдаленные последствия такого рода перенапряжений. Они не сказываются тотчас. А из той когорты немногие пережили 50 лет. Это не возраст для смерти мужика. Это сейчас в стране средний возраст жизни мужчины — 57 лет. Докатились мы. Но такие люди, как Венька Александров, не должны умирать в 50 лет, а Альметов — в 40 с небольшим. Лошадиная была работа, и мне, врачу, в ЦСКА работалось поэтому нелегко.

Беседуя с Белаковским, я не мог удержаться от соблазна и не задать вопроса о личности Василия Сталина, который, как считают одни, много сделал для развития столичного спорта, а по мнению других, нанес удар по спорту и нравственности спортсменов. Вопрос напрашивался тем более, что к фигуре сталинского сына в последнее время вновь привлечено внимание.

— Василий Иосифович создал прекрасный спортивный коллектив, категорически отрезал Белаковский. — При этом ВВС была комплексная спортивная организация, культивировавшая и футбол, и хоккей, и баскетбол мужской и женский, волейбол. Именно по его инициативе в Москве был открыт целый ряд спортивных сооружений, которые функционируют до сих пор.

Плавательный бассейн на Ленинградском шоссе был перестроен из авиационного ангара, первый каток с искусственным льдом Василий Сталин начал строить на Песчаной, гимнастический зал — из ангара, теннисный корт — из ангара. Понятно, это же были летные сооружения. Но для спорта эта деятельность была весьма полезной.

Человек Василий Иосифович был своеобразный, достаточно вспыльчивый, часто принимал решения по первому докладу, хотя настоящий начальник должен выслушать обе стороны. А для ребят делал много хорошего. Вот, допустим, Виктор Шувалов 12 сентября 1951 года в игре с ленинградским «Динамо» сломал ногу. Такой был защитник у ленинградцев, Мишка Потапов, сделал накладку и сломал ему большую берцовую кость. Я наложил шину, отвез Шувалова в госпиталь. Утром, в шесть часов, звонок: «Доложите командующему состояние Шувалова». В шесть утра!

Упаси бог, чтобы ребята пожаловались на плохой обед или ужин. Сразу вопрос: «Вы чем тут занимаетесь, товарищ Белаковский?!». Квартиры спортсменам выбивал, машины вне очереди. И он никогда не пользовался своим положением в личных целях, а всегда — для дела. Вот я был майором, а штатная категория моей должности была подполковничья. Если не ошибаюсь, 5 марта 1952 года мы выиграли финал Кубка страны по хоккею у «Крыльев». Приходит в раздевалку Василий с адъютантом, всех поздравляет, благодарит, дает распоряжение начальнику команды Теплякову выяснить, кто из игроков в чем нуждается, и доложить ему лично. И у меня спросил:

— А вы в чем–то нуждаетесь, вам что–то нужно? Я как–то смутился:

— Да, нет, — отвечаю, — все вроде в порядке.

А жил в маленькой комнатухе в Тушине: я, жена, сын, теща, брат жены. Вот бы тут и попросить квартиру–то. Нет, постеснялся я.

— А сколько, — спрашивает Сталин, — вы ходите в этом звании?

— Уже пять месяцев перехаживаю.

На следующий день прихожу на службу, в ЦСКА. Там сидит начальник отдела полковник Гладков. Докладываю: «Товарищ полковник, докладывает начальник отдела футбольно–хоккейной команды ВВС майор Белаковский. Вчера команда ВВС выиграла Кубок СССР по хоккею. Больных и травмированных нет…». Он меня обрывает: «Беги на ту сторону проспекта в магазин за выпивкой и закуской. Подполковника тебе дали!». Вот как дела делались, — усмехнулся Олег Маркович. — Вечером сказали, а

утром уже приказ был подписан.

В целом к людям Василий Иосифович был внимателен, никогда не ругался. Правда, однажды Белаковский был свидетелем, как он врезал Боброву.

— Бобров накануне какого–то матча поддал, играть не стал, и Василий сам приехал к нему домой.

— Ты почему не играл?

— Да вот, туда–сюда…

— Ах, ты, б…

Смазал Боброва по скуле, развернулся и уехал. Но у них были своеобразные отношения, Бобров Сталина уважал, а тот его в свою очередь очень любил. И, конечно, это был из ряда вон выходящий случай, да и кому бы Бобров позволил еще такое! Но что было, то было.

А под конец наших «посиделок» Олег Маркович «похвастался» по моей просьбе: предстоял день Победы, 9 мая, и я поинтересовался у Белаковского, где его боевые регалии. Бывший главный врач сборной СССР по хоккею вышел в соседнюю комнату и вернулся с зеленым парадным мундиром, увешанным боевыми наградами: два ордена Красной звезды, два — Отечественной войны, Знак Почета, Орден Дружбы народов, «За заслуги перед отечеством» и еще ряд медалей, среди которых я углядел особо ценившуюся в войсках «За отвагу». Я сфотографировал бывшего врача–десантника, и, испытывая с детских лет трепетное отношение к людям, прошедшим суровыми дорогами войны, от всей души, с благодарностью обнял Олега Марковича Белаковского.

Интервью в прямом эфире

В начале 1961 года молодежная сборная СССР выехала для проведения серии товарищеских матчей в США. Подготовка команды была поручена мне, тренеру Воскресенского «Химика», а помогал мне Дмитрий Богинов, тренер горьковского «Торпедо», красавец–мужчина, хороший товарищ. Фронтовик. Надо ли говорить, с какими чувствами мы летели за океан. Это сейчас перелеты в Америку и обратно никого не удивляют. А в те годы…

В самом начале поездки с Богиновым произошел курьезный случай. Попросил его один американский корреспондент дать интервью местному телевидению. Ну а почему, собственно, нет? И вот подъехал наш автобус к гостинице, выходим, а там этот корреспондент уже вертится, поджидает. Богинов — человек не робкого десятка, за словом в карман никогда не лез.

— Ну, как, — спрашивает корреспондент, — у вас там Никита Хрущев поживает?

— Да нормально поживает, все в порядке, — отвечает Богинов.

— А народ его любит? — наседает американец.

— А чего ж, — вторит в тон ему Богинов, — любит не любит, а нормально относится.

— А ты сам?

— А что я сам, он мне ничего плохого не сделал.

— Ну, а если бы сейчас выборы были, проголосовал бы народ за Никиту? — допекает Богинова корреспондент.

— Да, наверное, выберет, почему же нет. Впрочем, слушай, — разозлился Богинов, — я хоккейный тренер, а не политик. Ты уж, когда будет сама передача, задавай вопросы про хоккей, лады?

Тут–то корреспондент и «убил» Богинова:

— Так ведь уж идет передача в прямом эфире.

— Как идет, ты что ж не предупредил, а?

Настроение у всех нас как–то ухудшилось. Но тут звонок прямо в холл гостиничный:

— Кто там у вас интервью давал телевидению? Богинов? Молодец он, так и надо себя держать, раскованно, с достоинством.

— А кто говорит–то?

— Добрынин говорит, посол СССР в США.

От души у пас отлегло, обстановка разом поменялась, повеселели все, выпили мы с Димкой на радостях понемножку. И еще посмеялись над превратностями судьбы. Но урок вышел

хороший, потом мы с корреспондентами уже держались настороже.

Создание молодежной сборной было шагом для того времени необычным. Но нужным. Любители хоккея помнили трудности, которые возникли в сборной команде страны, когда после мирового чемпионата 1957 года попрощались с шайбой и клюшкой многие великие мастера прославленного поколения во главе с Бобровым. Уже тогда стало ясно, что готовить смену сильнейшим игрокам надо заранее, исподволь, шлифуя мастерство молодых спортсменов не только на тренировках, но и в матчах с сильными соперниками. Именно с этой целью и отправилась молодежная сборная Союза за океан, в страну олимпийских чемпионов по хоккею. Ведь сборная США завоевала золотые медали на VIII Олимпийских играх в Скво — Вэлли в 1960 году. И нашей команде предстояло сыграть три матча с американской сборной.

В моей тренерской биографии это был важный этап. Почему и вспоминаю я сейчас то турне. Напутствуя нас на «ратный подвиг», в Федерации хоккея нам дали понять, что главная цель поездки — обстрелять молодежь, и если случится неудача, то не тушеваться, а делать из нее соответствующие выводы. Создание молодежной сборной предусматривало не сегодняшние, а завтрашние победы, но мы–то приехали в США с боевым настроением и вовсе не думали «складывать лапки» перед маститыми соперниками.

В команду вошли хоккеисты не только Москвы, но также Воскресенска и Горького. Задача наша тренерская была ясна: спаять в единое целое хоккеистов из «Химика», «Торпедо», «Крылышек», ЦСКА, «Динамо», подготовить их к напряженной силовой борьбе (а этому элементу хоккея мы тогда только еще обучались), которая являлась одним из основных козырей американских хоккеистов. Но как ни ясна была цель поездки, мудрые наставления, продиктованные стратегией дальнего прицела, нас мало успокаивали. Мы подолгу рассматривали карту США, услужливая фантазия рисовала картины предстоящих схваток, а предстартовая лихорадка началась у ребят еще в Москве. Тем более, что для подавляющего большинства игроков это был первый вылет за океан. А ударять в грязь лицом никому не хотелось.

Мы прилетели в Нью — Йорк вечером, а по московским часам — под утро, усталые и разбитые. Однако не могли упустить возможности посмотреть матч двух грандов профессионального хоккея, команд «Нью — Йорк рейнджере» и «Детройт рэд уингз» из тогдашней «большой шестерки» НХЛ. Не буду лукавить: нам все было в диковинку — и небывалых размеров зал, и

наэлектризованная атмосфера, созданная неистово болевшей публикой, и масса всевозможной хоккейной атрибутики, продававшейся за пределами зала. И, конечно же, сама игра, отличавшаяся таким высоким классом и накалом, что сонливость нашу как рукой сняло.

В те годы у нас в стране бытовало мнение, что профессионалы, мол, не так уж сильны, что весь хоккей там у них — это не более чем шоу, показуха, призванная пощекотать нервы зрителям, а класс игроков самый средний. Но тогда мы воочию убедились, что это не так, что это хоккей самого высокого уровня со всеми присущими этому спорту атрибутами: высокой скоростью, мощными бросками, отличной техникой владения шайбой, жесткой силовой борьбой и блестящей игрой вратарей. Особенно мне понравилась «девятка» из «Детройта» — Горди Хоу, хоккеист с великолепным кистевым броском и высокими бойцовскими качествами. Мы и представить себе не могли, что этот выдающийся мастер, тогда уже достаточно «взрослый», в 1974 году в составе сборной ВХА приедет к нам в страну играть в одной тройке вместе со своими сыновьями! Матч оказался поучительным: после второго периода «Рейнджере» вели со счетом 3:1 и игра казалась сделанной. Но в третьем периоде «Детройт» забил три шайбы подряд (причем, Хоу, которому прилично рассекли лоб, отличился, по–моему, дважды) и победил, показав, что в хоккее до самой последней секунды игры негоже зачехлять клюшки.

Эта истина была нам, разумеется, известна и раньше, но напоминание оказалось небесполезным. А вскоре после нашего первого знакомства с американским хоккеем мы и сами вышли на лед. Произошло это в Гранд Форксе — маленьком городке, вроде нашего родного Воскресенска. Встретили нас там и власти, и жители, с широко раскрытыми глазами, поскольку доселе живьем русских не видели. Кажется, что мы немного разочаровали грандфорксцев — не было с нами самоваров, не играли мы на балалайках, не пили водку и не носили бород.

Первая игра была, помнится, трудной. Команда, выступавшая против нас, состояла из пятнадцати канадских студентов, обучавшихся в США. Они хорошо владели клюшкой, и только в третьем периоде нашим ребятам удалось забросить решающую шайбу и выиграть с весьма скромным счетом — 4:3. Пусть такие оценки не смущают нынешнего читателя XXI века. В те годы, когда наш хоккей набирался опыта и мужал, случались порой неожиданные результаты встреч советских и канадских (американских) хоккеистов. Помнится, даже сборная СССР проиграла однажды юниорам «Монреаль канадиенс».

Следующий наш противник, команда Миннесотского университета, с которой нам предстояло встретиться в Миннеаполисе, была, по утверждениям прессы, значительно сильнее нашего первого соперника. В газетных прогнозах отмечалось, что на сей раз советские хоккеисты могут проиграть. Миннесотский университет по тем временам был крупным спортивным центром, располагал стадионом на 60–70 тысяч зрителей, двумя бассейнами и другими спортивными сооружениями.

Принимали настам очень радушно. Зрители вели себя объективно и хотя поддерживали своих, но и на нашу долю выпало немало аплодисментов. В Миннеаполисе мы еще раз побывали на матче хоккеистов–профессионалов, но уже второй профессиональной лиги. Контраст с НХЛ был велик. В той второй игре мы увидели больше драк, чем хоккея. Мы такой хоккей не приветствовали и старались играть в свою игру. Уже после первого периода счет был 3:0 в нашу пользу. Второй период прошел в равной борьбе, а в последние двадцать минут сказалась наша лучшая физическая подготовка, и мы выиграли матч с внушительным преимуществом — 10:2.

Конечно, результаты двух первых встреч радовали нас, но мы в то же время понимали, что подводить итоги еще рано, что первые две игры — это лишь предтеча, своего рода разминка перед предстоящими играми с национальной сборной США. Номинально это была та команда, которой сборная СССР проиграла в Скво — Вэлли год назад. Но состава той сборной, с которой нам предстояло играть, мы не знали. И нам, тренерам, было над чем задуматься.

И вот мы в Колорадо — Спрингсе — красивом курортном горном местечке, расположенном на высоте 1500 метров выше уровня моря. Мы прилетели туда в одном самолете с американской командой. А в вестибюле отеля увидели знакомые лица. На стенах среди портретов знаменитостей, посетивших этот отель, висели фотографии Николая Сологубова, Вениамина Александрова и других советских хоккеистов, отдыхавших и тренировавшихся здесь перед Олимпиадой в Скво — Вэлли.

Нашим гидом по Колорадо — Спрингсу стал наш капитан, армейский нападающий Игорь Деконский, который тоже был там годом ранее. Он и познакомил ребят с тремя старыми знакомыми, игроками олимпийской сборной США — Диком Баргом, Джимом Уэтсби и Бобом Тэрком. Они трое и запасной вратарь Лари Пальмер — это было все, что осталось от американской команды, которая в блестящем стиле выиграла олимпийское «золото». Да, сборная США сильно изменилась, но стала ли она сильнее или

ослабла? Ответ на этот вопрос можно было получить только на льду.

По заведенному в Колорадо — Спрингсе обычаю в нашу честь устроили пляски индейцев в их старинных костюмах, а всех гостей облачили в ковбойские шляпы и прокатили в старинном фаэтоне. Все это создавало доброжелательную, теплую атмосферу. И несколько смягчало нервное напряжение перед самим матчем. Оно исчезло лишь в первые минуты игры, когда нашим хоккеистам удалось сразу же добиться тактического преимущества. Играть было тяжело: не хватало кислорода, но именно в этом матче мы показали свою лучшую игру. Мы переиграли противника по всем статьям, особенно, в скорости. Только в третьем периоде игра пошла ровнее, но исход матча уже не вызывал сомнений. Счет 10:1 — лучший результат, показанный командой СССР в США, был вполне заслужен.

После этой игры американцы, падкие на всякие помпезные прозвища, стали называть нашу команду «русский вихрь», а нам, ее руководителям, пришлось по телевидению рассказывать о том, что «вихрь» зародился на берегах Волги и Москвы–реки, что в составе команды четыре горьковчанина, пятерка из Воскресенска (при этом я, помнится, скрупулезно объяснял хозяевам, что это за центр хоккея Воскресенск и где он расположен), а остальные — москвичи. Рассказывали мы и о том, что наша «молодежка» подбиралась по клубным звеньям. У нас была горьковская тройка — Роберт Сахаровский — Игорь Чистовский и Лев Халаичев и вратарь Виктор Коноваленко, Воскресенская — Юрий Морозов — Юрий Борисов — Валерий Никитин, а в остальных двух тройках основу составляли армейцы — Валентин Сенюшкин и Игорь Деконский и динамовцы — Владимир Юрзинов и Вячеслов Орчаков.

Чтобы снять нервное напряжение матча, весь следующий день хоккеисты катались на лыжах, купались, гуляли. Вход на каток стоил по тем временам немало — семь долларов, но несмотря на это, следующая игра прошла при переполненных трибунах. На этот раз американцы играли значительно лучше, но победа все же осталась за нами — 8:3.

Лучшую свою игру сборная США показала в Нью — Йорке. Этого мы ждали. Американские хоккеисты, потерпев два поражения, злились и не скрывали своих чувств. В первом периоде они заиграли так, что нам пришлось только успевать поворачиваться. Счет 2:0 в их пользу полностью соответствовал игре. А в перерыве вместо того, чтобы обсуждать наши дальнейшие действия, нам пришлось перетачивать коньки. И по мере того, как коньки становились острее, менялось и настроение

наших игроков, они становились увереннее. И во втором периоде «русский вихрь» начал, говоря образно, задувать вовсю. Сначала с подачи Халаичева шайбу забросил Роберт Сахаровский. Затем Игорь Деконский заметил выдвинувшегося вперед защитника Василия Данилова, последовал пас на клюшку и счет стал 2:2. Трибуны зааплодировали. Еще через минуту Владимир Юрзинов улучшил момент и передал шайбу на крюк клюшки Игоря Деконского. Бросок последнего — и мы повели 3:2! С начала периода прошло всего шесть минут, а наши продолжали «давить». Американцы явно растерялись, сделали попытку в какой–то момент перехватить инициативу, но горьковская тройка усилиями Халаичева и Данилова довела счет до 4:2. А еще до конца игры защитник Эдуард Иванов забил мощным броском свой «фирменный» гол. Этот второй период, самый яркий в матче, и решил исход всей встречи. В третьем — игра шла ровнее и единственная шайба была заброшена Юрием Морозовым. Со счетом 6:3 закончился последний матч нашей молодежной сборной в США.

Джон Плебен, тренер американской сборной, не скрывал своего удивления прогрессом советского хоккея, а Джек Райли, бывший тренер олимпийской сборной США даже заявил, что молодежная сборная играла лучше, чем сборная СССР на играх в Скво — Вэлли. Но тут была, разумеется, большая толика преувеличения. Тем не менее сыграли мы в США хорошо, и удовлетворение от тех матчей осталось несомненное. Да и в Федерации хоккея нас похвалили. Для меня, повторюсь, та поездка в США остро врезалась в память на всю жизнь, многие ее эпизоды до сих пор стоят перед глазами. Это действительно было, образно выражаясь, «интервью в прямом эфире» и с американской публикой, и с американским хоккеем. Мы не сплоховали. И уже на чемпионате мира в Швейцарии, в 1961 году, кое–кто из нашей молодежной команды был включен в состав первой сборной СССР: Коноваленко, Юрзинов, Иванов. Хотя я был убежден тогда, и не изменил своего мнения сегодня — вполне могла поехать в Швейцарию и великолепная «тройка» горьковского «Торпедо». Но команда формировалась А. Чернышевым и А. Тарасовым, и попали в нее хоккеисты только столичных клубов, в основном армейцы и динамовцы, плюс спартаковское звено Старшинова, которое играло настолько боевито и остро, что не взять его было просто невозможно.

Однако как бы то ни было, а в моей тренерской биографии был такой эпизод, когда я стоял у истоков создания молодежной сборной страны. И он мне дорог до сих пор.

Чистое сердце Александра Гусева

Я позвонил бывшему армейскому защитнику Александру Гусеву, чтобы спросить его мнение о «Химике» и Эпштейне. И первое, что услышал в ответ: «Хорошо, приезжай ко мне на «Сокол». Только учти, я ни о ком плохо говорить не буду!». Этим «предупреждением» Гусев расположил к себе сразу же. В молодости, болея за «Спартак», я часто злился на резкого и жесткого армейца, пройти которого было делом почти безнадежным. И жесток был на льду Александр Владимирович, не щадил в игре соперника, как, впрочем, и себя. Болельщицкая объективность обязывала признать, что, разумеется, Гусев был защитником экстра–класса, но особых симпатий к нему я не испытывал.

А после этой фразы проникся к нему хорошими чувствами. Раскрылись мне некоторые черты подлинного мужского, русского характера: отсутствие желания заниматься дрязгами, сплетнями, перемыванием былого, а отвечать только за себя, причем по большому счету. Повстречались мы на тренировках команды ветеранов «Русское золото», которую тренировал Эпштейн, и мне показалось интересным узнать мнение знаменитого игрока о «Химике» и его тренере. Да и сама фигура Гусева привлекала, все–таки одна из легенд отечественного хоккея.

— Семёныча я крепко уважаю еще с тех времен, когда его противостояние с Тарасовым у всех на устах было, — без обиняков начал Гусев. — Анатолий Владимирович крепко нападал на Эпштейна за его оборонительную тактику. Эпштейн — человек мудрейший. Он смог в захолустном Воскресенске, где и был–то всего один химкомбинат, создать отличную команду, да еще построить Дворец спорта. Не один он, понятно, но мотором всего этого дела, застрельщиком, был Семёныч. Команда была что надо, ведь третьи места в первенстве Союза занимала. И народ команду любил. И все это — заслуга Эпштейна. Семёныч–то, конечно, не Тарасов был. Тарасов мужик крутой, что там говорить! А Эпштейн — человек добрый, не добряк, а именно добрый. Николай Семёнович в чем–то даже наивный человек, ему, порой, «лапшу вешали на уши», а он мог ведь и поверить. Это ж надо! А потому, что верил в людей, любил людей, понимаешь, откуда это шло? Это ж великое дело. Игроки «Химика» это чувствовали в характере тренера, но не пользовались, разве что иногда…

Вот таким каскадом откровений огорошил меня А. Гусев. И с

симпатией вглядывался я в черты его лица с русой, ниспадающей на перебитый нос челкой, тонкими, запавшими щеками, прищуренными большими глазами. И откуда в этом парне, всю жизнь прогонявшем шайбу, такая наблюдательность и меткость суждений? А Гусев, не догадываясь о моих наблюдениях, продолжал:

— Он и сейчас эту свою восторженность в душе сохранил. По–прежнему думает, что мы все еще молодые, и нам на тренировках «Русского золота» так иногда втыкает. «Вы чего не бежите–то?!» — прикрикнет. «Семёныч, — отвечаешь, — да куда ж бежать–то, сил уж нет до бортика доехать». А он ворчит, в нем все еще живет его тренерская душа, он все еще тот же, чуточку наивный, все близко принимает к сердцу. Русская культура в Семёныче живет, самая настоящая, какая в прежние времена была. Нам ее сейчас всем очень не хватает.

Ай, да Гусев, ай, да молодец! Но одной его «байке» (а какой хоккей без «баек») я все же не поверил.

— Они в Воскресенске лед нарочно подтапливали перед матчами с нами, ведь у них в «Химике» постоянная мечта была — как бы обыграть ЦСКА. И все разговоры о том, что ЦСКА к «Химику» пренебрежительно относился — это треп. Наоборот, мы к тем игрокам подходили очень серьезно, особенно — на выезде. Это всегда были очень тяжелые, но и очень интересные матчи. А лед подтапливали, факт. Свет же не выключишь во Дворце спорта, а выиграть хочется. И они технику своему подтопи лед. На мягком–то льду катание не такое быстрое, вязкое, и шайба не так быстро скользит. Володька Петров, помню, судье говорит: «Что вы шайбу какую–то плохую взяли. Дайте другую». Словом, играть против «Химика» было всегда тяжело.

Александр Гусев — коренной москвич, родился недалеко от театра Советской Армии. И двадцать пять лет прожил на улице Писцовой, недалеко от Башиловской.

— Если честно, то рос я хулиганом. Когда мне было четыре года, мы еще жили в подвале, в одной комнатке, отец мне привез коньки. Он работал музыкантом в Краснознаменном ансамбле песни и пляски Советской Армии, играл на домбре. Всю войну ездил с концертами по фронтам. У отца стоял верстак, он любил рукодельничать, клюшку мне сделал, проклеил ее столярным клеем. И я от отца унаследовал любовь что–то самому смастерить. И вот отец из очередной поездки привез мне коньки. Эти коньки привертывались к ботинкам специальным ключиком с двух сторон. И отец вынес меня из подвала на руках и поставил на лед. Даже не на лед, а на такой очень уплотненный снег. Дворовый. И я поехал, заболев с тех пор коньками. И вот уже

сколько лет бегаю, бегаю, бегаю…

Молодому Гусеву, отец которого играл в ансамбле Советской Армии, путь был только в ЦСКА.

— И я один через пол–Москвы поехал записываться в секцию ЦСКА в «Сокольниках». А «Спартак» играл на Ширяевом поле. Было мне тогда десять лет, я даже матери ничего не сказал. Мама у меня в ЦДСА работала бухгалтером и, естественно, знала всех спортсменов. Тем более, что во время войны она работала в ресторане ЦДСА. Тренер Борис Иванович Афанасьев, он в ЦДСА был вторым вратарем после Мкртычана, меня в секцию не принял. Приехал я домой расстроенный, чего там говорить. Слезы в глазах. Мать: «Что такое, Саш, что такое?» — Я ей: «Да вот, мам, в секцию не взяли».

И она на следующий день к Борису Ивановичу пошла: «Ты что ж, Боря, а? Моего парня в секцию к себе не взял!». После этого вопрос быстро решился. И уже первый сезон играл я за 1945 год рождения, хотя сам рождения 1947 года. Но первая команда мальчиков была — 1945 года. Из наиболее известных этого года рождения играл в «Спартаке» Витька Ярославцев, большой талант был.

Но вообще–то из всех пацанов в секциях на самый верх выбираются единицы. Со мной много хороших ребят играло, а на самый верх выбился я один. Из 1948 года — только Валерка Харламов, из 1949 — Блинов Юрка. Такая логика, надо много работать, а главное — очень хотеть играть. Ведь бьют и в мальчишеском возрасте, приходится терпеть, преодолевать, характер вырабатывать.

— А как же это, Саша, тебя с Харламовым Тарасов в Чебаркуль отправил в ссылку?

— Тогда такой состав в ЦСКА был сильнейший, не пробьешься. Он нас вызвал и говорит: вы молодые, в составе основном вам места пока нет, а чего вам сидеть здесь запасными? Поезжайте–ка, помогите пока нашей команде «Звезда» в Чебаркуле.

— Ладно, ладно, Саша, а вот рассказывают, что Тарасов посмотрел со стороны на Харламова, которого ему рекламировал Кулагин, и бросил историческую фразу: «Советскому хоккею такие коньки–горбунки не нужны!

— Ну, может, он и сказал что–то такое, я не слышал, — верный себе молвил Гусев. — Чего кто только не говорит. Но оказались мы с Валеркой в Чебаркуле.

— У вас–то класс был выше, чем у тамошних?

— Где–то, может, и повыше, — согласно кивнул Гусев. — И мы 8 ноября поехали в Чебаркуль, это было как раз в год 50–

летия советской власти. Из дому уезжать было неохота, скажу честно. А Валерка там класс показывал. Много шайб забивал. И вот слушай: последнюю игру мы выигрываем, выходим в более высокую лигу, на стадионе тысяч шесть народу. Подхватывают на плечи и несут с восторгом через весь город. Всенародное ликование. Я им говорю сверху: «Ребята, несите уж прямо к магазину». И что ты думаешь, так прямо к дверям и принесли. Вот она любовь–то всенародная…

А Харламов, ой, Харламов. Никто и не помнит, как он к нам пришел в ЦСКА, а я помню. Я-то был на год старше. Валерка сначала ничем не выделялся. Но шустрый был очень, маленький, шустрый такой пацан. Порядочный был человек Валерка! Никогда никому плохого не сделал. И все его любили, душа был парень. А в Канаде его боготворили, его бы там до сих пор на руках носили и деньги бы давали. Это точно. После тех матчей с Канадой в 1972 году он там просто как бог стал.

— А вот говорили, что Тарасов боялся играть с канадскими профессионалами, так ли это?

— Нет, ничего он не боялся, — категорически отрезал Гусев. — Он мечтал с ними сыграть. Ерунда все это — боясяялся! Он нам говорил так: «Да мы их, этих канадцев…». Бобров Всеволод Михайлович в нас уверенность вселял, да и человек он был великолепный. Что там говорить. Но если бы Тарасов был тогда тренером сборной, то мы бы этих канадцев на части разорвали бы. В любом случае с Тарасовым мы последний матч в Москве не проиграли бы. Мы тогда еще не привыкли к их психологии — играть до последней секунды.

Вообще Анатолий Владимирович человек был крутой, но отходчивый. И психолог великий. Вот с чехами, например, у нас всегда отношения натянутые, играли они против нас грязно, цепляли. И вот тренировка наша идет, а чехи сидят на трибуне и смотрят. А Тарасов: «Бей чехов, бей их, ну–ка, этого чеха покрепче, покрепче, в дерево его, в дерево!». Сейчас на Тарасова много все навешивают, причем и те, кто у него играл, кто трехкратным чемпионом Олимпиад становился и многократным чемпионом мира. Я с такими людьми не согласен. Где все они были, эти чемпионы, если бы не Тарасов?

Мы когда в Монреале в первом матче суперсерии на разминку вышли, канадцы стоят, смотрят на нас и смеются. Ехидно так, пренебрежительно: вот, мол, идиоты русские приехали. Они не могли себе представить, что способны нам проиграть. И все стремились показать, что нас не боятся. Да так ли это было–то?

Вот в книге «Большое хоккейное потепление отношений, или

русские здесь!», написанной канадским журналистом Джеком Людвигом, приводится такой эпизод: канадских игроков инструктировал Стен Микита, словак по происхождению. Он немного знал русский и игроков обучал нашим матерным словам. В частности, с буквой Х. А тем трудно слово дается. Но дело не в том. Зачем эту «науку» Микита внедрял в мозги канадские? А вот ситуация: сталкиваются у борта канадец и русский и канадец ему во все горло — х… Конечно, русский, ничего подобного не ожидающий, столбенеет, а канадец под это дело шайбу у него и «выгребает». Разве те, кто соперника не боится, будут так к матчам с ним готовиться? Вряд ли. Вот они нам с такой подготовкой проиграли в первом же матче, да еще как! Это ж был удар по всей Канаде, понимать это надо. Канадцы считали, что где–то они могут быть хуже других, но уж в хоккее им равных нет. И вдруг — нате вам, кушайте. Конечно, они рассвирепели. А за Харламовым охоту устроили, что говорить. Кларк вон до сих пор переживает, что «ломал» Харламова.

А вообще–то серию выиграл тот, кому это больше было нужно. Да у них самолет бы взорвали, на котором они возвращались из Москвы, если бы они проиграли. Мы им «продули» в последнем матче в Москве и спасли их тем самым от полного позора. А игры были жесткие. И мы играли за Советский Союз, честно, от сердца играли. Канадцы действовали грязновато, «отоваривали» нас — будь здоров. Рта не разевай!

Я вот слышал и читал, что Семёныч наш хоккей выше канадского ставил после тех игр. Коллективная игра в пас на высокой скорости у нас была лучше. А канадцы умели играть, конечно, но еще лучше они умели спектакли разыгрывать на площадке, темп сбивать, ритм игры. Это все оказывает влияние на ход матчей. Конечно, Эпштейн с его тягой к справедливости, с таким хоккеем смириться не мог. И как один из творцов нашего отечественного хоккея, он его выше ставил.

Как сложилась дальнейшая судьба А. Гусева? С Виктором Тихоновым, когда тот пришел в ЦСКА, отношения не сложились, а почему? Один только эпизод припомнил Гусев:

— Летели мы в 1976 году из Канады, с первого розыгрыша Кубка Канады. У нас туда летала экспериментальная сборная во главе с Тихоновым, а помогали ему Майоров и Черенков. Лететь 10 часов. Долго и скучно. Ну, мы выпили, конечно. Сидим, базарим потихоньку. Подходит «Тихон»: «Совесть у вас есть, что вы тут развели…». А я возьми ему и брякни: «У нас, Виктор Васильевич, совести больше, чем у вас вместе взятых». Может, и затаил после этого Виктор Васильевич что–то против меня, а может ерунда все это. Не в том дело. А только в 1978 году он

меня из команды и сборной страны убрал. Да что теперь ворошить–то, сколько лет пронеслось…

Уехал Гусев в Ленинград, отыграл год в тамошнем СКА. Потом поступил в военный институт физической культуры, звание — майор.

«У меня ведь два высших образования, я тренер высшей квалификации и могу батальоном командовать. Если дозволят», — благоразумно усмехнулся Гусев.

Всякое бывало. Вот Белаковский вспоминал: «Дело было в 1975 году, накануне мирового первенства. Попался Саша по пьяному делу. Собрали, как водится, собрание, решать, что делать? Совсем ничего осталось до мирового чемпионата, а защитник–то экстра–класса! И тут встает Валерка Харламов и говорит: «Я думаю, надо простить Сашу, с ним ведь можно в разведку ходить»«. Вот характеристика. И Эпштейн всегда про Гусева говорил: «Сашка — хороший парень. Душа у него светлая».

«Как–то, — вспоминал Николай Семёнович, — поехали мы — команда ветеранов «Русское золото» играть на выезде. Погрузились в вагон. За окном — темно, огоньки деревень светят, поля в снегу. Колеса постукивают, убаюкивают. Выпили мы по маленькой, не без того. В купе уютно, тепло. Люблю я в поезде ехать, что–то всякий раз в душе пробуждается. Какой–то зов к движению вперед, невольное предчувствие чего–то хорошего под сердцем накапливается.

Вышел я в коридор, стою у окна, гляжу в темноту, что–то такое думаю. А тут ко мне Саша подходит с извечным русским вопросом: «Николай Семёныч, ты скажи, ты меня уважаешь?». Я ему: «Ну, конечно, Саш, конечно уважаю, как я тебя могу не уважать». И в тот момент я не кривил душой ни на йоту».

Годы с юниорами

В целом я с молодежью повозился порядком. Пусть читателя не смущает слово «повозился». Это я — любя. Потому что всегда мне по душе были талантливые ребята, в которых видел я будущее нашего хоккея. Наверное, эта моя черта не прошла мимо внимания руководителей Федерации хоккея, потому что несколько лет я возглавлял и молодежную, и юниорскую сборные страны.

Сейчас вспоминаю тех мальчишек, и сердце начинает гулко биться в груди. Какие же пацаны талантливые были! Любо–дорого посмотреть. Вот, например, состав сборной юношеской СССР 1969 года. У меня тогда вторым тренером работал Прилепский. Вот состав: К. Климов, В. Карев, А. Гысин, В. Третьяк, Г. Крылов, С. Глухов, А. Зозин, Г. Сырцов, А. Цепелев, Е. Котлов, А. Асташев, Г. Углов, А. Мальцев, В. Сырцов, В. Васильев, В. Солодухин, Н. Новоженин, А. Кисляков.

Как видим, имена на славу. А Третьяк и Мальцев — это вообще гордость отечественного, да и мирового хоккея. Но и другие ребята из этого списка — не просто статисты. Климов, Крылов, два брата Сырцовы, Солодухин, Цепелев играли главные роли в своих клубах и в той нашей юниорской сборной.

Запал мне в сердце на всю жизнь эпизод, о котором хочу рассказать. Было это перед самым первым чемпионатом Европы в 1968 году. Заканчивалась тренировка. Смотрю, а В. Третьяку все бросают наши и бросают, и не просто так, а по–настоящему, со злостью, со всей силой. А тот пластается из угла в угол, за любой шайбой бросается, но все «вытаскивает». Сам весь мокрый, работает, как черт. Я ему: «Владик, ты чего это разбушевался? Тренировка закончилась, не дай бог, получишь травму, зачем нам это нужно?!». И что же мне этот 17–летний мальчишка в ответ: «Вон видите, Николай Семёнович, у бортика чехи стоят, наблюдают? Так вот пусть смотрят и понимают, что хрен они мне завтра гол забьют».

Признаться, опешил я от такого признания. «Вот это характер, вот это честолюбие! Да с таким настроем, если он у всех такой, нам никакой соперник не страшен!» И полюбил я Владика с того эпизода еще больше. В нем многое подкупало: веселый, незаносчивый характер, и в то же время — ясное понимание своей роли и значения в команде, полная преданность хоккею, огромный талант и великая работоспособность. Для меня Третьяк — идеал хоккеиста.

Вот слышал я, что сейчас Фил Эспозито мемуары какие–то свои выпустил и утверждает в них, что Третьяк был так, бросовый, слабый вратарь. А по–моему, эти утверждения Фила как раз свидетельствуют об обратном, о том, что в воротах сборной СССР в знаменитой серии 1972 года СССР–Канада стоял великий вратарь. Недаром канадцы так радовались, когда забивали ему голы. А Эспозито — он же актер, он на всем стремится сделать сенсацию, привлечь внимание, заработать. Он так и играл против советской сборной. Впрочем, все они так играли — большие мастера на площадке разыгрывать спектакли. Хотя игроки, в частности, тот же Фил, были там у них приличные. Это — без вопросов. Ну, конечно, книжка с таким «имиджем» Третьяка, который по–прежнему популярен в Канаде, может привлечь внимание покупателя. Такова уж психология читателя–болельщика.

А за Третьяка я до сих пор на Тихонова злюсь. Владик, я считаю, не доиграл своего срока до конца. Великий вратарь Третьяк 15 лет стоял в воротах сборной СССР, а был период в начале его карьеры, когда он сразу в трех сборных Союза стоял — юношеской, молодежной и первой. Понятно, что усталость накопилась. Не в последнюю очередь — моральная. А у него уже семья, дети. И вот он Тихонова просил со сборов его отпускать. Это Третьяк, который себе никогда не позволял нарушений режима, человек, верой и правдой хоккею служивший. А Тихонов: «Нет, не могу, что тогда другие скажут». Испугался, тоже мне. Другие. Да Третьяк для других был примером самопожертвования в хоккее, и этот фактор надо было использовать в воспитательных целях. А он — «что другие скажут». Не проявил гибкости тренерской. Вот и ушел Третьяк раньше срока из спорта. И что сказали при этом «другие»? Да ничего. Порадовались только, что место вакантное освободилось в воротах.

Годы идут, память не может всего удержать из былого, поэтому я благодарен журналистам, чьи статьи мне помогают воскресить вихрь и накал прежних атак. Про юношескую сборную любил писать Владимир Пахомов, писал с душой, это чувствовалось. Вот вспоминаю результаты чемпионата 1969 года: СССР–ФРГ — 10:2. Неплохо. Мальцев в той игре три шайбы забросил. Он вообще с результатом 13 шайб стал лучшим снайпером первенства. Его и наградили призом «Лучший нападающий».

Я-то начал работать с командой всего за месяц до чемпионата 1969 года, а вот Прилепский (прозвище у него было — «Труба») тренировал юниоров уже четвертый сезон, второй раз нашу сборную на чемпионате Европы возглавлял тренер Федерации

хоккея Д. Тепляков. Он был опытным спортивным функционером, в свое время был начальником хоккейной команды ВВС, которая в 1951–1953 годах становилась чемпионом СССР.

Конечно же, для юношей, пусть уже успевших почувствовать вкус больших побед, и в хоккее себя новичками не осознающими, чемпионат мира — событие радостное. А впечатление от самого первенства осталось несколько смазанное. Почему? Проходил он на катках трех курортных городов, где все вроде располагает к праздничности, рекламе. А атмосфера была, напротив, будничная, скучная, местные журналисты своим вниманием первенство континента не удостоили. Даже газета, выходившая в Гармиш — Партенкирхене, ни единым словом не обмолвилась о турнире. Что ж удивляться, что трибуны пустовали. Смех: когда матч ФРГ–Чехословакия собрал 1400 зрителей (при том, что стадион вмещает 11 тысяч), кассир сообщил, что установлен рекорд посещаемости первенства.

Результаты других матчей были таковы: СССР–Финляндия — 15:2. Мальцев забросил 5 шайб! Солодухин — 4. Еще одну — Климов. Итого из 15 шайб на долю этого ударного звена пришлось 10 голов! Сейчас даже представить трудно, чтобы наши юниоры с таким счетом переиграли финских сверстников. Времена в хоккее поменялись, и теперь финны стали законодателями европейской хоккейной моды. И мы им в этом изрядно помогли. Борис Майоров, Владимир Юрзинов, Феликс Богданов добротно поработали с тамошними командами, делали их не только чемпионами Финляндии, но и выводили в победители европейских хоккейных турниров. Такое бесследно не проходит.

У поляков мы выиграли 12:3, причем Мальцев опять два своих гола забил. С поляками в наших воротах стоял Третьяк. Над сборной Швеции мы одержали победу — 7:3 и опять две шайбы оказались на счету Мальцева, а с Чехословакией счет оказался ничейным — 2:2. И вновь одну шайбу забросил Мальцев. Вторую — Солодухин. И мы стали чемпионами, не потерпев ни одного поражения. А лучшим матчем того чемпионата считаю игру против шведов, в которой было проявлено много темперамента, высокого класса. Для меня лично тот чемпионат был поучителен во многом, я пригляделся к царящей там атмосфере, узнал получше некоторых своих ребят и игроков из команд–соперниц.

И на следующий чемпионат 1970 года я ехал, уже вооруженный этими знаниями. Вторым тренером на сей раз был у меня Юрий Баулин. В составе команды тоже произошли изменения. Замечу, что Мальцев в команде уже не играл, но в сборную влилось очень сильное и перспективное армейское

звено: Лебедев — Анисин — Бодунов.

А вообще состав был такой: В. Анисин, В. Сырцов, Ю. Блохин, В. Минеев, В. Криволапов, В. Одинцов, А. Железнов, Ю. Савцилло, С. Коротков, Б. Чистяков, Ю. Терехин, О. Иванов, А. Заикин, В. Прокофьев, В. Мартынов, К. Климов, Ю. Лебедев, А. Бодунов. А еще один наш вратарь — Третьяк — выступал в те дни за первую сборную СССР в Канаде.

Вот что писал в еженедельнике «Футбол — Хоккей» о том чемпионате В. Пахомов: «Считается, что психология — загадочный компонент. Однако в нашей команде она определила тактику. В защите — игра, полная чувства собственного достоинства и веры в себя. Стоило Чистякову и Блохину в игре с финнами допустить несколько ошибок, как тренеры тут же сняли их с площадки. Оба защитника на скамейке запасных отдышались, пришли в себя, увидели, что финские нападающие не такие уж грозные, а затем вышли на лед и продолжили матч четко и уверенно.

Наши нападающие по результативности уступили лишь шведам. Каждая тройка имела свое лицо, что затрудняло действия соперников. Анисину и его партнерам нередко отводилась роль «забойщиков». Каждый из нападающих ЦСКА умел взять игру на себя, но и в пас они играли неплохо.

Тройка Сырцова могла преподнести замаскированные быстрым маневром, но хорошо организованные, наигранные тактические неожиданности. Хитрым нападающим показал себя Иванов. Во встрече со шведами он, например, ловко сменил по ходу игры Климова (наши играли в меньшинстве, и шведы заперли их в зоне защиты), овладел отскочившей от синей линии шайбы и, убежав к воротам соперников, забил гол, во многом переломный.

Савцилло из «Химика» оказался удачно подключенным к двум спартаковцам — Климову и Короткову. Тройке многое удавалось — и тактические хитрости, и быстрые комбинации, и броски по воротам. Савцилло умел добивать отскочившую от вратаря шайбу или подправлять ее в сетку.

Если говорить о соперниках, то все юниоры по сути дела играли в тот самый хоккей, который принят первой сборной той или иной страны. Сборные юниоров ЧССР, Швеции, Финляндии представляли собой такие же хорошо слаженные, характерные ансамбли, как и взрослые команды.

Тщательная селекционная работа, проводимая нашими соперниками, позволяет им выставлять на чемпионат Европы немало интересных игроков. Самый яркий из них — швед Хедберг (год назад я упоминало нем в материале об итогах турнира в

Гармиш — Партенкирхене). За год он повзрослел, набрался опыта, проведя немало времени в составе первой сборной, сыграв за нее ряд матчей. Это умный тактик, хорошо бегающий на коньках, с хлестким броском. Попытка «разменять» Сырцова на Хедберга не получилась. Нашему капитану «станцевать» со шведом не удалось, более того, Хедберг не ушел со льда без «своего» гола. Шведы обычно сдержанны в комплиментах, но Хедбергу они дают лестную оценку, пророчат ему популярность, не меньшую, чем у Тумбы». (Сейчас уже можно сказать, что Хедберг во многом оправдал те оценки. Правда, с популярностью, равной популярности «Тумбы», дело обстоит не так просто. Все же «Тумба» играл все время в домашних стенах, отчего зрительская любовь к нему только крепла. Он один из немногих шведов, трижды выигрывавший звание чемпиона мира. — *Прим. П. Вуколова.*).

Несколько иначе пошло дело у Хедберга. Уехав играть за океан, он попал в клуб Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА) «Виннипег джетс». И несколько сезонов вместе со своим постоянным партнером Ульфом Нильссоном играл в одной тройке с легендарным Бобби Халлом, причем сам канадец говорил, что у него никогда не было таких тонких и умных партнеров, благодаря усилиям которых он и забросил свой 1000-й гол в матчах НХЛ и ВХА. Произошло это событие где–то в середине 70-х годов. Затем Хедберг много сезонов играл в клубе НХЛ «Нью — Йорк рейнджере», вернулся в Швецию, где два года был генеральным менеджером «Тре Крунур». Можно напомнить, что в первом розыгрыше Кубка Канады 1976 года в матче СССР–Швеция именно Хедберг, получив пас от защитника Б. Сальминга, перехватившего неудачную передачу через зону советского защитника, забил третий гол в ворота Владислава Третьяка, счет сравнялся — 3:3, и игра так и закончилась вничью. Безусловно, он фигура видная в шведском и международном хоккее, но достиг ли он популярности «Тумбы»? Думаю, что едва ли, ибо «Тумба» олицетворял шведский хоккей все послевоенные годы, а они были связаны с победами на международной арене, он обладает большой харизмой, добавил к своим хоккейным заслугам имидж завзятого гольфиста и даже способствовал созданию первой гольф–площадки в Москве, отчего его популярность, в том числе и в Швеции, отнюдь не пострадала. (Впрочем, Андерс Хедберг тоже весьма обаятелен и доступен, с ним легко и приятно беседовать на любые темы. — *Прим. Н. Вуколова.*).

На чемпионате 1970 года в Швейцарии — третьем по счету — сборная юношеская СССР выиграла все пять матчей с хорошей разницей забитых и пропущенных шайб — 41:11. Вторыми были

чехи, у которых мы выиграли 5:3, третьими — шведы — 6:5, четвертыми финны с отрицательной разницей забитых и пропущенных шайб — 13:19. И вновь думается: как изменилась ситуация в европейской «табели о рангах». И не только в том дело, что в Финляндии работали наши тренеры. Видимо, само хоккейное дело в стране Суоми претерпело за последние лет десять большие позитивные перемены, коль стала финская сборная вровень с лучшими сборными мирового хоккея и зачастую обыгрывает их. А в последнем Кубке мира–2004 играла в финале против самих канадцев и уступила родоначальникам хоккея с минимальным преимуществом — 2:3.

Мировое первенство в Швейцарии произвело на меня в целом хорошее впечатление. Мы с Баулиным были, конечно же, рады, что наши ребята вышли победителями, что кроме темперамента и страсти они показали высокий класс. Но озабочивала и мысль: лишь трое игроков из нынешнего состава имели право участвовать в будущем чемпионате Европы, а это значит, что тренерам вновь надо было думать над составом, вновь искать, экспериментировать, подбирать игроков.

Четвертый чемпионат Европы среди юниоров проходил в Прешове (Чехословакия). Помнится, в отличие от чемпионатов в ФРГ и Швейцарии, где соревнования проходили в такой будничной обстановке, по существу без зрителей, что и чемпионатами–то их называть было как–то неудобно, в Прешове организаторы постарались и сделали все возможное, чтобы первенство юниоров ни в чем не уступало «взрослым» чемпионатам мира. Турнир проходил, можно сказать, на высшем уровне. И потому победа сборной СССР приятна вдвойне.

И вновь в наших воротах стоял Владислав Третьяк. Он много сделал для победы нашей сборной. Но, право дело, даже как–то неудобно хвалить участника стокгольмского «взрослого» чемпионата мира и кандидата в сборную СССР за уверенную — а как может быть иначе? — игру в турнире юниоров. Причем осторожность моя вызвана еще и тем, что на долю Владика достается чересчур уж много похвал. Как бы голова у него от них не закружилась. (Так писал я в те уже далекие годы, не подозревая еще, какого замечательного спортсмена приобрели мы в лице Третьяка. Говоря так, я прежде всего имею в виду его высокую нравственность. Никакие славословия не вскружили голову замечательному вратарю, который для меня и сейчас служит эталоном истинного спортсмена.)

В той сборной капитаном у нас был Александр Волчков, который уже пробовал силы на льду в составе армейского клуба. Хороший, волевой нападающий, он был и хорошим капитаном.

Наверняка любители хоккея обратили внимание на рижанина Хелмута Балдериса. Данные у этого парня блестящие. На льду он, как говорится, «смотрелся». И опять же, скорость, результативность. Наверняка трудно было не выделить его среди сверстников, когда он пришел записываться в секцию в начале своего хоккейного пути. И стал Балдерис впоследствии отличным нападающим, составил в ЦСКА отличную тройку вместе с С. Капустиным и В. Жлуктовым, хотя мне напоминания о тех годах, когда В. Тихонов с попустительства властей предержащих начал собирать в ЦСКА всех сильнейших игроков, особого удовольствия не доставляют. Но талант самого Балдериса к этим интригам отношения не имеет.

Та сборная СССР в Прешове превосходила всех соперников по физической подготовленности и была «покомандней» что ли остальных. Но уже в технике наши хоккеисты особенно не выделялись. А в тактике, пожалуй, несколько уступали шведам и тем же чехам.

Даже тогда мне говорили: ну что ты, Семёныч, разводишь критику, ведь мы же чемпионы. В очередной раз. Чего уж брюзжать….

Опровергнуть эти возражения вполне возможно. И я опровергал. Скажем, у нас в тогдашней стране возможности выбора были воистину огромны. Например, в той же Швеции или Чехословакии из десяти (эти цифры, разумеется, условны) способных мальчишек тренеры «выводят в люди» одного, нам для достижения тех же результатов достаточно отыскать и обучить одного из 100. Но в том–то и дело, писал я, что в Швеции, например, обучение юных хоккеистов поставлено на научную основу, с каждым годом ведется все более продуманно. (О сборной юниоров я не говорю, в составе шведской делегации в Прешове был психолог, матчи записывались на видеомагнитофон и использовались затем для наглядного разбора и обучения.) Согласен, что в те времена у нас видеомагнитофон был предметом роскоши, доступной избранным. И если продуктивность работы шведских детских тренеров увеличится в несколько раз, то гегемония нашего хоккея — и не только юниорского — может пошатнуться. Тем более, что у нас качество подготовки молодых хоккеистов не только не улучшается, а скорее, наоборот, падает. (Не возросла продуктивность работы шведских детских тренеров в несколько раз, как я писал тогда, но гегемония нашего хоккея пошатнулась так, как трудно было представить себе. Развал Советского Союза привел к тому, что удар пришелся по различным областям жизни, в том числе по хоккею. Был сломан сам хребет нашего хоккея, когда в начале 90-

х годов за океан, в НХЛ уехал весь его цвет, а еще множество хоккеистов классом пониже заполонили Европу. В результате работу в детских спортивных школах вели при мизерной зарплате тренеры–энтузиасты, а преемственность поколений вообще стала пустым звуком, так как молодежи просто не с кого было брать пример. Диву остается даваться, как же все–таки выжил наш хоккей, как в жутких условиях безвременья — к нему я отношу период с 1994 по 1999 годы — все–таки играла и сборная страны, и клубы участвовали в европейских турнирах, и тольяттинская «Лада», ведомая Г. Цыгуровым, выиграла турнир Евролиги.)

И все же, повторюсь, сколь огромны у нас хоккейные ресурсы, если год за годом то в одной команде, то в другой, появляются вундеркинды, которые тотчас попадают на заметку скаутов из НХЛ, предварительно в составе сборных команд выигрывая первенства мира среди молодежи. Хотя случаются и срывы, как, например, в 2004 году. С юниорами надо работать вдумчиво, скрупулезно. И не в сборной команде страны, куда они собираются на очередной мировой чемпионат. Это дело клубов. Я работал в сборной юниоров в лучшие времена советского хоккея сначала с Прилепским, потом с Баулиным, и каждый год мы сталкивались с пробелами в подготовке молодых хоккеистов. И мы, тренеры сборной, начинали заниматься ликбезом. В частности, почти все кандидаты были слабо подготовлены тактически. Даже лучшие юниоры из ЦСКА могли действовать только в одном стиле силового давления при полной мобилизации всех своих сил. О какой–нибудь аритмии игры (а это первый показатель высокого класса), о перестройках на ходу не могло быть и речи — это сразу приводило к потере нашего преимущества.

Если кому–то интересно мое мнение старого хоккейного специалиста, то я скажу прямо: нам крайне необходима разработка единой системы подготовки молодых на научной основе. Быть может, для того чтобы она была более совершенна, не вредно было бы изучить иностранный опыт. Тот же шведский или канадский…

Это нормально, это творческий процесс. Главное, чтобы он шел, развивался. И чтобы наши мальчишки, среди которых, я уверен, множество талантов, попадали в надежные руки тренеров, которые не гонятся за сиюминутным результатом и отвергают порочный, на мой взгляд, принцип, который коротко можно выразить двумя словами: бей–беги.

P. S. С удовольствием привожу забытую статистику, касающуюся «боевого пути» Н. С. Эпштейна. О ней мне напомнил наш ведущий хоккейный статистик, профессор, доктор

медицинских наук Олег Игоревич Беличенко.

В конце апреля 2005 года у меня раздался звонок. «А вы помните, Николай Николаевич, что Эпштейн три раза был старшим тренером первой сборной СССР? — загадочным тоном хоккейного энтузиаста спросил Беличенко. — Полагаю, это нелишне отразить в вашей книге». — «Еще бы, Олег Игоревич!».

Так вот. Первый из трех этих матчей был сыгран в Москве 28 ноября 1960 года. СССР — Канада — 3:1 (0:0, 2:1, 1:0).

Второй матч игрался в Москве 14 февраля 1961 года: СССР — Канада (команда, составленная на базе хоккеистов клуба «Трейл смоук интерс»). В этой игре сборная СССР уступила 1:4 (0:2, 0:0, 1:2).

Третий матч был сыгран в Воскресенске 9 марта 1970 года против сборной Польши — 6:4 (2:2, 2:2, 2:0). В том матче капитаном сборной выступал знаменитый игрок «Химика», нападающий Юрий Морозов. Два последних матча признаны сейчас официальными.

Убежден, что для истинных любителей хоккея и поклонников Николая Семёновича эта выкладка статистики и любопытна, и дорога. (Кстати, эти данные включены в Большую хоккейную энциклопедию, выпущенную в 2005 году издательством «Терра–спорт». — *Прим. Н. Вуколова.*).

Марк Эпштейн: Мой отец — тренер Эпштейн

Воспоминание детства: я стою на пятиметровой вышке и смотрю сверху на темную гладь воды Москвы–реки. Отец сказал: прыгнешь — покупаю спортивный велосипед. «Ну, давай, давай же», — шепчу я сам себе. Но ладонь словно прилипла к перилам. Я не могу преодолеть страх. И многие игроки «Химика» тоже не решаются прыгнуть, хотя задание легкое: просто спрыгнуть в воду с пяти метров. Так отец воспитывал в хоккеистах смелость.

Мне стыдно, но немного легче оттого, что я не один, что даже здоровые, крепкие ребята, ледовые бесстрашные бойцы тушуются перед таким заданием. Много позже, когда в начале 80-х годов в Ярославле снимался фильм «Эта жесткая игра — хоккей», этот эпизод был вставлен в фильм. Тренера там играл Владимир Самойлов, и прыгали хоккеисты в бассейн, но суть от этого не менялась.

А на следующий день я опять пришел к той вышке и на спор с маминой подругой тетей Катей Алешкиной все же прыгнул и выиграл… сто граммов каких–то самых дешевых конфет. Но «поезд уже ушел», велосипеда ожидать не приходилось, отец в таких вопросах был, как кремень: уговор дороже денег. Сразу надо проявлять характер.

Вся моя жизнь, сколько помню, проходила рядом с отцом. Смутно вспоминаю, например, что жили мы под трибунами на стадионе (в Иванове, что ли). Было мне тогда 7–8 лет. Еще вспоминаю, как поздно вечером зимой, в темнотищу, мы с отцом вдвоем ходили в Воскресенске заливать большой каток. Отец был легок на подъем и такого рода «авантюры» ему доставляли удовольствие: «Зальем каток, Марик, и сами покатаемся, и людям будет веселее, и команда потренируется», — веселым голосом подбадривал он меня. Мама в эти наши дела не вмешивалась, а только одевала меня потеплее. Мать моя была мудрая женщина и понимала, что мужикам в семье надо бывать вместе и наедине.

Помню отлично, что отец любил собирать сопливых пацанов и устраивал футбольные баталии. Поэтому я с детских лет наловчился играть в футбол с Чичуриным, братьями Сырцовыми, будущими знаменитыми игроками Воскресенской хоккейной команды мастеров. Даже свой Гарринча у нас имелся. Отец с нами возился много и меня не забывал. Помню, что скрупулезно отрабатывали мы с ним различные удары с двух ног, с лета,

справа, слева. Сейчас, вспоминая те занятия и поединки с расстояния времени, думаю я, что был неважным учеником. В отличие, скажем, от Юрки Чичурина, у которого все получалось с ходу. Просто он был талантлив с малых лет и в футболе, и в хоккее. Таких пацанов отец особо любил и называл их игровиками. И по его твердому убеждению, Чичурин был в хоккее лучшим партнером Мальцева. Такого же мнения придерживались и многие другие авторитетные хоккейные спецы. Мальцев сыграл в различных сочетаниях, что–то около 70 «связок». А Чичурин… Была даже такая присказка: «Мальцев без Чичурина, что справка без печати».

Знаменитый динамовский нападающий Юрий Волков живет рядом с отцом на Мосфильмовской и иной раз заглядывает к нему «на огонек». Помните, была такая тройка в сборной Союза: Петухов — Юрзинов — Волков? Кстати, на чемпионате мира в Стокгольме в 1963 году Волков в решающем матче с канадцами забросил очень важную третью шайбу в ворота Сета Мартина и считает этот гол самым памятным в своей жизни.

Волков — коренной москвич, родился на Беговой улице, рядом со стадионом Юных пионеров, тамошняя школа в пятидесятых годах гремела на всю столицу. Тренировал хоккеистов знаменитый Блинков Юрий Николаевич, а играли вместе с Волковым Генрих Сидоренков, Николай Снетков, Виктор Якушев, Юра Баулин, Виктор Кузькин, Борис Спиркин. Что ни фамилия, то история. А когда прошли уж годы, Аркадий Иванович Чернышев сделал Волкова у себя в «Динамо» вторым тренером. Так что в хоккее Волков толк знает. «Чичурин, — говорит, — был очень одаренный, техничный, поле видел, как Ларионов. Мог бы стать суперзвездой. Да водочка вот вмешалась в судьбу…»

Я рос в семье тренера. А тренер приходит домой (я это видел сколько раз) с комом вопросов на душе — и радостных, и сложных. С кем поделиться, если не с сыном. Так он мне все и выкладывал. Не все, разумеется, но многое. Постепенно у меня стал складываться такой же взгляд на хоккей, как и у отца. И мне по душе такие же хоккеисты, что и отцу. И это естественно.

Кто такой тренер? Много споров слышал я на этот счет в дискуссиях между отцом и его коллегами. Демократ или либерал, жесткий, сомневающийся или решительный, психолог, администратор, селекционер, человек с сильной волей, дипломат наконец. И обязательно человек, любящий людей. Если какими–то из перечисленных качеств ты не наделен, то тренера приличного из тебя не получится. Я комплексом таких качеств не обладаю и считаю поэтому, что как тренер не состоялся бы. Не в

свои сани лучше не садиться. Что такое тренер? Вот «Химик» когда выигрывал, то производительность труда на Воскресенском химкомбинате возрастала. И наоборот, начинало лихорадить команду, и люди нервничали. Это большая ответственность — быть тренером, это истрепанные нервы. Когда я теперь спрашиваю отца, почему он так рано ушел из хоккея (в 1977 году), он отвечает: «Ты что, хотел бы моей смерти?» Я понимаю это так, что к тому моменту у него накопилась страшная усталость.

Тренерская нравственность, в чем она состоит? Трудно ответить сразу на этот вопрос. Ну, например, в самом начале становления «Химика» зарплата у отца была 160 рублей, как и у всех хоккеистов. При выписывании премии за победную игру отец себя никогда не выделял, хотя мог бы — ведь старший тренер команды. Не терпел, когда кто–то после игры опаздывал в автобус. Но однажды сам опоздал, и игроки уехали без пего. Наказали. И никому ничего не было. К игрокам отец относился вообще как к родным детям. У него в характере была какая–то черта семейственности. Вот и команду он всегда рассматривал, как единую семью. И у него это получалось. Он и свою собственную семью любил и лелеял. Мать мою, а свою жену, Любовь Николаевну, обожал, меня пальцем ни разу не тронул, хотя человек азартный и вспыльчивый. И я считаю, что семья у нас была дружная.

Отец любил на ночь зимой открывать окно. Как–то в гостинице с ним в номере остановился администратор Алексей Полухин. Отец его спрашивает: ничего, если я на ночь окно открою? К утру Леха закоченел, смотрит, а отец из постели поднимается в шерстяном костюме. Ну, смеху было в команде потом. Вообще в характере отца всегда была склонность к шутке, какой–нибудь хохме. Теще своей решил однажды подарить молочного поросенка. А тот вырвался у него и давай по рынку бегать. Весь Воскресенский рынок ловил того поросенка Эпштейну. Вот уж повеселился народ от души.

У отца моего очень сильная воля. Уже будучи в преклонном возрасте, каждое утро, в любую погоду он спускался с Мосфильмовской на набережную Москвы–реки и бежал от окружного моста до Метромоста. А ведь и голова уже болела часто, и кости ломило. Нет, вставал, надевал костюм и — вперед. Большой любитель бани, он пару раз в неделю это заведение посещал. На даче часто спал в бане, говорил, что очень полезен банный особый дух, аромат. Летом на даче при любой погоде купался в водоеме. До сентября. Не каждый молодой парень в такую воду полезет, а отец — хоть бы что.

Очень любил стихи, и хотя память, подлая, уже подводила, все еще читал своего любимого Есенина наизусть. И очень огорчался, когда сбивался, что–то забывал. По характеру был очень общительный. Не помню случая, чтобы он отказал кому–нибудь в беседе или в интервью. Журналисты поэтому любили отца. Вообще в его характере была одна удивительная черта — это его особенность восторгаться чем–нибудь, как ребенок. Тем, как ковбои на родео на быках соревнуются (ну, молодцы, ребята, а?!), тем, что марсоход доставили на Марс (это ж какое большое дело сделали, вот головы!). Впрочем, с одинаковым накалом (но только ярости) обрушивался он и на все неурядицы нынешнего нашего бытия. И того и гляди мог угодить в неприятную ситуацию. Такова была его неуемная натура.

Именно благодаря этой своей натуре и смог отец поднять в Воскресенске хоккей. У него был дар убеждения и, что самое главное, его убеждения вскоре перерабатывались в реальные вещи. Убедил он Н. И. Докторова, что будет «Химик» в высшей лиге и добился своего. И так — во всем.

Недавно, разбирая семейные бумаги (некоторые говорят — архивы), я наткнулся на папку с отцовскими анкетами и характеристиками на него. Мне было любопытно прочитать эти документы эпохи. Думаю, и читателю будет интересно ознакомиться с ними.

Вот одна из таких бумаг.

Воскресенский ордена Ленина Химический комбинат имени В. В. Куйбышева

ХАРАКТЕРИСТИКА

тренера хоккейной команды мастеров класса «А» «Химик» гор. Воскресенска

ЭПШТЕЙНА Николая Семёновича, 1919 года рождения, члена КПСС с 1962 г.

С приходом на работу в 1953 году в наш коллектив тренера по хоккею тов. ЭПШТЕЙНА Н. С. хоккей с шайбой впервые начал культивироваться в нашем городе.

За 14 лет хоккейная команда нашего комбината, тренируемая тов. Эпштейном Н. С. достигла больших успехов, пройдя путь от команды–участницы первенства РСФСР до команды класса «А».

«Химик» завоевал большую популярность не только у нас в стране, но и за рубежом. Воспитанники нашего коллектива защищали честь нашего хоккея в составе сборной команды СССР.

Тов. ЭПШТЕЙН Н. С. является тренером–педагогом. В

команде всегда успешно совмещался спорт с учебой, и многие игроки — Катаев, Леонов, Родин, Ефимов, Квасников, Афанасьев, Копылов, Морозов, Егоров, Никитин закончили различные высшие учебные заведения.

В нашем хоккейном коллективе воспитано более 35 мастеров спорта СССР. В 1965 году ЭПШТЕЙНУ Н. С. за большую проделанную работу присвоено высокое звание «Заслуженный тренер СССР».

Тов. ЭПШТЕЙН Н. С. неоднократно назначался тренером сборных команд СССР (молодежной и 2-й сборной).

Тов. ЭПШТЕЙН Н. С. политически грамотен и морально устойчив.

Дирекция, партком и заводской комитет профсоюза Воскресенского химического комбината рекомендуют т. ЭПШТЕЙНА Н. С. для поездки на первенство мира по хоккею с шайбой в качестве туриста в Швецию.

Характеристика утверждена на заседании парткома Воскресенского химкомбината 24 октября 1969 года, протокол № 21.

Директор Воскресенского химкомбината: Докторов
Секретарь парткома: Крюков
Председатель завкома: Данилова

Согласовано с Воскресенским ГК КПСС
Секретарь Воскресенского ГК КПСС: Махатаев

Своей фразеологией справка эта вряд ли кого–либо удивит из людей старшего и среднего поколения. Вот для молодежи это, конечно, странный раритет. Чтобы поехать в Швецию на мировое первенство, надо утверждать характеристику. Но так было.

И все же в этой справке есть один очень примечательный момент: за 14 лет команда из коллектива химкомбината превратилась в один из достойных клубов класса «А». Люди, кое–что понимающие в спорте, безусловно, по достоинству оценят эту цифру и все, что стоит за ней.

И еще замечательная фраза: «тов. ЭПШТЕЙН Н. С. является тренером–педагогом…» Это так, отец всегда думал о будущем тех, кто под его водительством играл в «Химике». И буквально заставлял игроков учиться. Факт, это было, этого, как говорится, не отнять…

Кстати, уйдя из «Химика» в возрасте допенсионном, отец ведь должен был кормить семью и работать, чтобы получить пенсию. Что ж, с 1 января 1976 года и до мая 1978 года он работал

старшим тренером хоккейной команды «Сибирь» в Новосибирске. Затем с июля по сентябрь 1978 года был начальником хоккейной команды в МГС ДСО «Спартак». С ноября 1978 года по июнь 1979 года служил начальником команды автокомбината № 1 в Москве. С июля 1979 и по апрель 1980 года — новый виток в рабочей биографии родителя — он мастер производства по переработке фосфогипса. В и/о «Минудобрения» гор. Воскресенска. И, наконец, апофеоз рабочего пути отца: в городе Загорске числился он слесарем Электромеханического завода до апреля 1980 года. А тут и возраст пенсионный подошел.

Мне не до иронии. Спасибо только можно сказать всем тем руководителям этих больших и малых предприятий, кто устраивал отца на различные должности. Они–то помнили тренера команды «Химик», помнили, уважали и в меру своих возможностей делали, что могли для него. А руководство Воскресенского производственного объединения «Минудобрения» им. В. В. Куйбышева обратилось в Спорткомитет при Совете министров СССР с ходатайством о назначении персональной пенсии республиканского значения Заслуженному тренеру СССР и РСФСР, члену КПСС с 1962 года, участнику Великой Отечественной войны тов. Эпштейну Н. С. Это же объединение направляло письмо министру Минудобрений о выделении Эпштейну автомашины.

Жизнь была такая. Что ж тут удивляться? Удивительно другое. Отец за все свои труды праведные так и не был удостоен в советские годы ни одной правительственной награды. Вот что мне представляется странным. Все его коллеги награждались орденами. У отца таких орденов нет.

Напомню, чтобы закрыть уж эту тему, что отец тренировал сборную Израиля, а до этого — команду МИСИ, «Аргус» и «Алису», в которых воспитал немало хороших спортсменов. И в свои 85 лет не давал себе поблажки и ездил на метро во Дворец спорта «Олимпийский» на тренировки сборной ветеранов «Русское золото». (Но в последний год эти поездки в одиночку пришлось отменить.)

Меня всегда несколько коробит, когда отца называют первым тренером «Химика». Он, конечно, был самым первым тренером команды. Но не в этом же дело! Он был основателем команды, да, если посмотреть по сути — основателем из ничего, на ровном месте, целой самобытной хоккейной школы. Вот в чем главная заслуга отца.

Сейчас с хоккейными командами работают менеджеры, администраторы, врачи, по нескольку тренеров. А отец все эти функции «тянул», особенно в начале, в период становления

команды, один. Конечно, ему помогали, второй тренер работал с командой — Ю. Кашев, директор химкомбината всегда был готов выручить, поддержать. Но даже Докторов в одиночку ничего не мог решить, когда встал вопрос о Дворце спорта в Воскресенске. Это было уже после того, как «Химик» в класс «А» пробился в сезоне 1956/1957 годов и получил право выступать в 10-м первенстве СССР. Но в тот момент как раз вышло постановление партии и правительства, согласно которому в классе «А» не могли выступать команды из городов, где не было собственного Дворца спорта.

Стало быть, надо было пробивать решение о строительстве ледового дворца в Воскресенске. Легко сказать — пробивать, а на практике? Повезло, что в ЦК КПСС отделом химической промышленности руководил Алексей Михайлович Бушуев. Добился отец, чтобы он его принял. И постепенно сам Бушуев заразился этой идеей и помог выбить разрешение на строительство в Воскресенске собственного Дворца спорта с искусственным льдом на четыре тысячи мест. Рядом гостиницу построили. И команде мастеров стало легче, и ребятам из хоккейной школы было теперь, где тренироваться в любое время года.

И так — везде и всегда. Отец умел добиться своего, умел убедить в собственной правоте других людей. И действовал он не только в интересах команды. Когда в Воскресенске дворец построили, то в город начали приезжать с выступлениями фигуристы, стали матчи на первенство СССР по хоккею играться, это оживило городскую жизнь. Недаром отцу присвоено звание почетного жителя Воскресенска. Думаю, что само название города стало известно во многих странах мира, только благодаря «Химику». А уж про популярность отца среди горожан и говорить нечего. Это даже не популярность была, а всенародная любовь, дороже которой ничего быть не может.

Вот, например, что написал защитник сборной России Александр Хаванов: «Эпштейн был первым человеком в хоккее России, который уважал и любил игроков, людей, с которыми он делал одно дело, потому что на самом деле только так, на уважении и доверии, можно строить отношения между людьми в коллективе.

Мы все, игравшие вместе с Николаем Семёновичем в команде МИСИ, «Аргусе», «Алисе», пошли дальше — те из нас, кто хотел, до сих пор играют в хоккей и в России, и в НХЛ, те, кто не хотел или не смог, до сих пор вспоминают то время и тоскуют по нему. Наверное, мы — последние игроки, которые учились у Эпштейна. Но, может быть, мы потому и игроки, что имели возможность и

счастье играть вместе с этим великим тренером и учиться у него».

Морозов, ставший символом «Химика»

Я позвонил домой Юрию Морозову в январе 2003 года, представился и сказал, что пишу книгу вместе с Эпштейном. И возликовал, когда в ответ на мое предложение встретиться и переговорить вечно занятый, как сам он тут же признался, Морозов не стал отнекиваться, ссылаться на нехватку времени, а просто сказал: «Давайте».

После такой реакции, высказанной к тому же доброжелательным голосом, я уже не сомневался, что беседа наша будет хорошей и содержательной. Пусть даже и не слишком длительной. Так оно и вышло.

— Эпштейн — он во всем однолюб, — начал разговор Морозов. — Мы еще в команде над ним подсмеивались. Над этой его чертой. Игрок ему понравится, и Эпштейн к нему привязывается, как к ребенку. С женой прожил всю жизнь душа в душу. В дружбе человек вернейший, всегда протянет руку помощи. В нем есть одна черта, характеризующая по–настоящему хорошего человека, — он не способен на подлость. Все мы люди, крутимся в этой жизни, сталкиваемся, ударяемся друг о друга, и разное случается. Но если человек не может сподличать по отношению к другому человеку, то это однозначно хороший человек. Таков Николай Семёнович.

Морозов, как и многие герои этой книги — тоже московский «муравей».

— Мать дворником была, жили в коммуналке напротив здания Московской консерватории. Сами понимаете, не жировали. На заднем дворе мы, мальчишки, сами заливали лед и гоняли в хоккей, а летом игра ли до потери пульса в футбол. А какие еще другие развлечения у мальчишек, чье детство пало на послевоенную пору? Учителя с нами мучились, были мы, конечно, сорванцами. Сейчас, оглядываясь назад, я с благодарностью вспоминаю своих школьных наставников. Они–то понимали, что нам нужно будет жить, устраиваться в этой непростой жизненной круговерти, и всячески стремились наставлять нас на путь истинный. Оставались еще книги и двор, где мы играли в футбол и хоккей. Кем бы мы были без спорта, представить мне сейчас трудно, — улыбнулся своей обаятельной улыбкой Морозов. — Вот так и шла жизнь. Я уже в футбол прилично играл и дошел до уровня футбольной команды «Химик», которая выступала во втором отечественном дивизионе.

Вот тут–то, на одном из матчей, меня заприметил Семёныч и

после игры предложил попробовать силы в «канадском» хоккее. Как–то так вышло, что стало у меня все неплохо получаться… Тут, конечно, тренерское доброе отношение много значит, Эпштейн вообще любил и умел доверять хоккеистам, ободрять их, и уже через год меня стали выпускать за основной состав «Химика». К тому времени мудрый Николай Семёнович уже полазил по московским секциям и дворам и собрал приличный коллектив: братья Рагулины, Эдик Иванов, Юрка Громов, Борисов, Никитин Валерка, лучший, как говорят, игрок «Химика» за все времена. Словом — коллектив. А сильная сторона Семёныча состояла как раз в том, что умел он подойти по–отечески к игрокам и этот самый коллектив сколотить. Незаметно, как бы исподволь, только через какое–то время мы себя без команды уже не осознавали. И ее удачи и беды были и нашими победами и поражениями. Эпштейн — он мудрый, он как главный тренер вел, безусловно, свою тренерскую линию, но частенько советовался и с основными игроками команды по тому или иному вопросу. Как–то у него это тоже по–свойски получалось. И мы это отношение ценили.

Звали меня потом в столичные коллективы, скрывать не буду, но я отвечал отказом. В те годы порядочность и честность еще в цепе были, а ко мне отношение со стороны тренера было самое распрекрасное, болельщики в Воскресенске боготворили. Как я мог их всех подвести?

Семёныч 23 года с командой пластался. А потому, что коллектив ведь у нас был, были мы единомышленники, и этим был «Химик» силен. Мы иной раз говорили Эпштейну: «Николай Семёныч, вы выйдите из раздевалки, мы тут сами кое–что обсудим, а?». И обсуждали, и перепадало в ходе этих обсуждений кое–кому по первое число. Потому что одно дело тебе тренер внушение делает, а совсем другое — когда команда, коллектив тебе втолковывает истины жизненные и игровые. Тут разговор уже идет несколько иной.

У Семёныча был какой–то редкостный, я бы сказал, глаз, на талантливых хоккеистов. Вот так на первенстве РСФСР он углядел впервые Александра Мальцева. И, конечно, затаил мысль перетащить этого действительно уникального игрока в «Химик». И что один раз сделал: включил 17–летнего Мальцева в состав сборной РСФСР на товарищеские игры в Швецию. Сколько лет прошло с 1967 года, а у меня одна игра до сих пор стоит перед глазами. Мы играли, как сейчас помню, со сборной Швеции в Гётеборге. Тогда у шведов играли Торд Лундстрем, Роланд Петтерссон, Ларе — Эрик Лундвалль, Нильс Нильссон, Ларс — Ёран Нильссон, словом, весь звездный состав. Причем шведы

готовятся к мировому первенству, для них этот матч хоть и тренировочный, но все же…

Помню, что шведы играли «на полконька» и счет 1:1. И они нас давят, потихонечку придушивают. Да и то сказать, сборная страны. Вот они забивают гол — 2:1, через некоторое время мы сравниваем — 2:2.

Выходим на второй период. И тут Мальцев выдал гастроль. Играл он вообще–то в тройке с Виктором Кунгурцевым и Сашкой Сырцовым. Виктору природой много дано — крепыш, на коньках стоит здорово, позиционно любит сыграть, противника обмануть. У Сырцова скоростина приличная. Мы сидим у бортика, смотрим. И вот Мальцев подхватывает шайбу рядом с нами и идет с ней вдоль нашего бортика, так порхающе идет, проходит за нашими воротами, набирает на противоположной стороне скорость, выкатывается в среднюю зону, одного шведа обыгрывает на скорости, другого, входит в шведскую зону, еще одного обыгрывает там. Мы сидим, думаем: куда он дальше–то, дальше–то надо за ворота уходить. Ан, нет, он бросил, и шайба рядом со штангой, ну, впритирочку прошла. Зал аж ахнул облегченно.

А что же делает Мальцев?! Он опять эту шайбу подхватил, и вновь весь маневр повторил: из–за своих ворот прошел через свою зону, вошел в среднюю, затем в шведскую, вышел к шведским воротам и совершенно уникальный гол забил. Скользящий такой, издалека. Чисто мальцевский. Мы, матерые игроки, прошедшие огонь и воду, сидели, разинув рты. Он точку выбирал всегда на поле, откуда броски для вратарей — жуткое дело. Так называемая мертвая зона. В дальний нижний угол. И он тогда еще два гола забил — 5:2 мы выиграли. Ну, на следующий матч шведы настроились, обозлились и обыграли нас 8:2.

Но я так и вижу тогдашнего мальчишку Сашку Мальцева, порхающего у шведских ворот. И вот что удивительно: все этот его маневр знали и все равно попадались на него. Мастерство. Талант. В первой той игре ему еще два зуба выбили. Больно ведь. И вот мы едем со стадиона, а он сидит среди нас, крепких уже ребят, мужиков, нахохлившись, пацан ведь совсем, наверное, ему тогда не сладко было. А повадки на поле уже все — великого игрока. Он в него и вырос, став чемпионом мира 1969–1971, 1973–1975, 1978, 1981, 1983 годов, двукратным (1972 и 1976 годов) олимпийским чемпионом. Мальцев был участником первого розыгрыша Кубка Канады и вошел на этом турнире в символическую сборную вместе с вратарем Вашоном (Канада), защитниками Б. Орром (Канада) и Б. Сальмингом (Швеция), нападающими М. Новы (Чехословакия) и Д. Ситтлером (Канада). Мальцев — обладатель Кубка Канады 1981 года.

В Швеции сыграл Мальцев здорово, и имя его зазвучало. И Аркадий Иванович Чернышев отправил Виктора Васильевича Тихонова в Кирово — Чепецк, где в тамошнем клубе «Олимпия» и играл этот молодой одаренный парень. Ну, тот, понятно, Сашу уговорил. И я думаю, что для Мальцева, его будущей судьбы, это был лучший выбор. Он, конечно, и в «Химик» вписался бы, и лидером стал бы. Но ему нужна была команда, в которой он вырос бы еще быстрее. «Динамо» и был таким клубом. И попал он в руки Чернышева в самый нужный момент.

Я почему так долго о Мальцеве и Кирово — Чепецке? Да потому, что есть что–то общее с этим вятским городком и нашим Воскресенском, там тоже умеют растить таланты и безумно преданы хоккею.

А «Химик» «грабили» постоянно. Тот же Тарасов Сашку Рагулина «обложил», как медведя в берлоге, дохнуть не давал. Других сманивал, это я точно знаю. А что: ЦСКА, квартира в Москве, в перспективе — сборная страны. Попробуй тут прояви твердость характера. А откажешься, так и будешь сидеть в Воскресенске. Из «Химика» игроки привлекались даже и в первую сборную, но эпизодически. По–настоящему только Валерка Никитин в ней сыграл, стал дважды чемпионом мира. Но из «Химика» уходить никуда не хотел.

Уникальный игрок был Валерка. Он, бывало, перед игрой ко мне подойдет: «Слышь, Мороз, дай–ка я сегодня впереди поиграю, чувствую, пойдет, есть такое настроение. А ты тогда за меня сзади отработай». Он ведь формально защитником был, а фактически — универсальный хоккеист. И вот игра. Противник думает, судя по номеру на свитере, что Никитин в защите, а Морозов в нападении. Но по ходу игры начинает понимать, что тут что–то не то — Никитин все больше впереди, а это опасно, он забивать умел, причем иной раз — виртуозные шайбы. И конечно, тренер соперника приписывает это тактическим задумкам Семёныча. А Эпштейн сам глаза от удивления раскрывает шире обычного, понять не может, кто из нас где играет и за что отвечает.

Позже, когда я сам стал тренером «Химика», осознал, каким оскорбленным чувствовал себя Эпштейн после очередного «ворошения» в его хозяйстве чужими «лапами». И сколько выдержки, чувства собственного достоинства проявлял он в полемике со всеми своими оппонентами, главным образом — с Тарасовым. Убежден, что Анатолий Владимирович не мог не понимать, что Эпштейн — тренер высочайшей квалификации, что никакой особой обороны он не строит, напротив, ведет игру в зависимости от складывающихся обстоятельств, а такое

подвластно только большому специалисту. Понимал, а наседал на Эпштейна. И крови последнему попортил немало, хотя Семёныч виду не подавал и держался — не побоюсь этого слова — доблестно. И мы все им гордились, но особенно по этому поводу не распространялись. Не было принято. Тогда ведь многое было иначе. Бывало, шайбу забьем тому же ЦСКА — радость же, конечно! А какова реакция? Ну, постучим клюшками друг другу по щиткам, похлопаем автора гола по плечу и на скамейку запасных. А там Семёныч: молодцы, давай и дальше так же!

Это не то, что сейчас — только что взасос друг друга хоккеисты не целуют после обычных игровых взятий ворот. По нескольку минут празднуют сие событие. И тренеры стоят у бортика — лицезреют, мол, игрокам надо сбросить нервное напряжение. Оно, на мой взгляд, сбрасывается иначе. Забитыми шайбами, полной самоотдачей в игре, товарищеской взаимовыручкой. А эти поцелуи и свалки по случаю забитых голов у меня лично ничего, кроме какого–то даже брезгливого отношения, не вызывают.

Словом, отказывался я от всяких лестных предложений из Москвы и в национальную сборную так и не попал. Хотя на сборы привлекался неоднократно. Была еще, конечно, формальная и нешуточная причина — был у меня привычный, или по–медицински говоря, хронический вывих плеча, а это аргумент серьезный. Какой тренер захочет брать в состав игрока, который в любой момент может оказаться травмированным? А чемпионат мира — это не тот турнир, когда надо подвергать команду такому риску. Тем более, что в мои времена прекрасных игроков хватало.

Но бывает, что справедливость торжествует. Я получил звание заслуженного мастера спорта в сезоне 1970 года, когда «Химик» во второй раз стал бронзовым призером всесоюзного первенства. За верность клубу. Между прочим, такой же чести — за верность клубу — получили звание заслуженный мастер спорта Игорь Дмитриев — капитан «Крыльев Советов» сезона 1974 года, когда «Крылышки» золотые медали первенства СССР в Кубок страны положили, и Виктор Цыплаков из московского «Локомотива», игравший в знаменитой тройке вместе с Николаем Снетковым и Виктором Якушевым.

Был в карьере Морозова и эпизод, когда он стал главным тренером «Химика», сменив на этом посту Эпштейна.

— Когда мне стали предлагать это место, — а ведь вызывали в ЦК, беседовали — я поначалу даже опешил, стал отказываться, и Николаю Семёновичу говорил: не могу и не хочу… Вы представляете мое–то состояние? Просто подставляли меня, а я к Николаю Семёновичу относился, ну… вы думаете, как я к нему

относился? Но наверху все уже было решено. И говорили так: а кого, кроме Морозова, ставшего символом «Химика», на этот пост ставить–то? Им хорошо было говорить, а мне–то каково было? Но, слава богу, остались мы с Эпштейном друзьями, несмотря на разницу возрастов, и я этому обстоятельству страшно рад.

Я сейчас как бы почетным директором–наставником в спортивной школе «Химика» в Воскресенске работаю, в том Воскресенске, который был деревней, не поселком даже, только комбинат химический «держал» его на Земле. И вот приехал в эту деревню человек с горячим сердцем, волнующейся душой, настоящий энтузиаст–подвижник. Звали его — Николай Семёнович Эпштейн. Человек с даром убеждения. Это благодаря ему стал Воскресенск общепризнанным хоккейным центром, кузницей хоккейных кадров в масштабах всей страны. И великое счастье, что встретил на своем пути Николай Семёнович Николая Ивановича Докторова. Вот эти два замечательных человека и сделали Воскресенск таким, какой он есть сегодня. Честь им за это и низкий поклон.

Три успеха «Химика»

Да, был Юрка Морозов, или «Мороз», как звали его в команде: на таких игроках многое в коллективе держится, их авторитет — опора тренеру. А в хоккее ситуации, когда такая опора нужна позарез, встречаются ох как часто. У Морозова, что я особенно в нем ценил, очень развито чувство порядочности. Он не способен на грязный наговор и наушничество. В свои 67 лет он постоянно в контакте со всеми ветеранами «Химика», выбивает деньги у спонсоров на поддержку тех «стариков», кто отдал команде лучшие годы, силы и душу. Как игрок был надежен и авторитетен. Позволю себе привести полностью поздравление, напечатанное в еженедельнике «Футбол–хоккей» в номере 25 за 1970 год в связи с постановлением Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР о присвоении звания заслуженного мастера спорта хоккеисту Воскресенского «Химика» Юрию Морозову: «Вот уже 14 лет Ю. Морозов выступает за Воскресенский «Химик». Товарищи по команде из года в год избирают его своим капитаном. Он самый результативный нападающий «Химика» (в чемпионатах страны забросил 170 шайб — один из лучших результатов в нашем хоккее). Ему 32 года. На льду Ю. Морозов отличается большой самоотверженностью, четким выполнением силовых приемов, у него сильный и хлесткий бросок.

С Ю. Морозовым на протяжении 14 лет занимается заслуженный тренер СССР Н. Эпштейн. Новый заслуженный мастер спорта два года назад закончил факультет физического воспитания Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской».

Вот какая краткая, но, я бы сказал, весьма и весьма емкая характеристика. Добавлю к этому, что Морозов был дважды бронзовым призером чемпионатов СССР в составе «Химика» — в 1965 и 1970 годах, то есть прошел с командой весь путь — от становления до возмужания — и достиг трех вершин в истории «Химика» в те годы, когда я был там тренером: первая вершина — это период становления команды, ее утверждения в классе сильнейших хоккейных грандов страны; вторая вершина — бронзовые награды 1965 года. Это был триумф! Для заштатного подмосковного городка, каковым тогда являлся Воскресенск, те бронзовые медали были воистину на вес золота. Хоккеисты, и так–то пользовавшиеся особым расположением со стороны рабочего заводского люда, стали в одночасье просто кумирами

публики, которая готова была носить их на руках по всему Подмосковью. Наконец, третья вершина — «бронза» 1970 года — свидетельство взросления «Химика», роста его класса и мастерства. Если в 1965 году многое решала самоотверженность игроков, их командная спайка и взаимовыручка, то в 1970 году в «Химике» играл уже целый ряд хоккеистов, которых я бы рекомендовал в сборную страны, поскольку, на мой взгляд, их мастерство позволяло им решать самые ответственные и трудные задачи. Тут я прежде всего говорю о новой «волне» игроков команды, не сбрасывая со счетов и нескольких ветеранов.

Тогда, в 1970 году, мы стали третьими вслед за ЦСКА и «Спартаком». Замечу при этом, что армейцы уверенно заняли верхнюю строчку таблицы, набрав 79 очков, десять очков уступили им спартаковцы и тринадцать — «Химик». Но по наименьшему количеству пропущенных шайб — 119 — «Химик» вышел в лидеры того сезона. Стоит сказать в этой связи, что ЦСКА пропустил 121 гол, а второй призер «Спартак» — 159. Кое–кто готов был, быть может, использовать эти цифры, как подтверждение «теории» об оборонной стратегии «Химика». Но вот какими лестными словами описывал тот наш «бронзовый» успех один из тогдашних патриархов отечественной спортивной журналистики Юрий Ваньят: ««Химик» второй раз в своей истории стал бронзовым призером. Эта упрямая и самобытная команда уверенно провела сезон, показав лучшую среди всех участников организацию обороны. Но замечу, что и набросали шайб в чужие ворота воскресенцы немало! Как и «Спартак» — более двухсот (конкретнее — 215. — *Прим. Н. Эпштейна.*).

Если добавить, что в «Химике» снова появились интересные молодые игроки, причем доморощенные, то бронза заводской команды выглядит весьма благородно».

Третий результат сезона показал тогда «Химик». Спрашивается, могла бы команда, делающая ставку на оборону (в чем меня, ее тренера, не раз упрекали и коллеги по тренерскому цеху, и некоторые журналисты), добиться такого результата? Едва ли. Повторюсь еще раз, мы всегда стремились играть в игровой хоккей, делая ставку на мысль, техническую оснащенность игроков, их умение противостоять сопернику коллективно. А прессинг, который якобы «выдумал» Эпштейн, был, по сути, началом атак «Химика», ибо я учил хоккеистов всегда так: «подкатывайся» под атакующего соперника, отбирай шайбу и сразу же ищи партнера для передачи ее вперед. И прессинг свой мы начинали еще в зоне противника, дабы гасить его порыв и подогревать свой собственный наступательный настрой.

И про доморощенных молодых игроков — тоже все верно. Я

весь Союз объездил в поисках молодых да талантливых. И находил и приглашал в «Химик», где эти молодые и талантливые в «звезд» превращались. Но и своих немало мы в собственной детской школе воспитали, особенно, когда свой Дворец спорта построили. Этот дворец вообще дал мощный импульс развитию Воскресенска, стали к нам приезжать все лучшие команды Союза, фигуристы посещать, концерты устраивались. И так далее. Помню, я «дал» лед Олегу Протопопову и Людмиле Белоусовой, когда их (было такое дело) стали как–то затирать, «вставлять палки в их коньки». Поселил я знаменитую пару в нашей гостинице и сказал: «Тренируйтесь». Знаю, что до сих пор Олег с Людмилой меня за то время добрым словом вспоминают. Открытка их у меня в серванте стоит: оба в полете, на льду, в красивых костюмах: «Вспоминаем Вас часто! Обнимаем крепко. Люда и Олег». Вот нормальные человеческие отношения: есть возможность, помоги ближнему, протяни ему руку и это окупится тебе сторицей. Я в этом не раз убеждался.

Но вернемся к собственной молодежи, к хоккейным кадрам. Только пятеро игроков осталось в «Химике» из состава 1965 года в команде 1970 года. Ох, не любил я расставаться с хоккеистами. До душевного скрежета, до боли в груди. Я по характеру своему человек к людям привязывающийся, а тут поскольку лет вместе проводили, в тяжких, порой, ситуациях оказывались, преодолевали их, взлетали на гребень успеха. И привыкали друг к другу, и друзьями становились. Но время, что с ним поделаешь? А оно–то с человеком делает все, что хочет. У меня вот в последнее время проблемы с памятью появились, стал забывать многое. Тяжко это, и никак не смиряется сердце с этим недугом, с другими болячками. Но — возраст. 85 лет — это уже не шутки. Однако я все же стараюсь не поддаваться этому «феномену». В баню стараюсь ходить. С юности мне банный пар с запахами свежего березового веника сердце и душу радует и успокаивает. Мыслю при этом так: все же, пока человек сопротивляется, борется, хворям его одолеть труднее. И духом, конечно, падать нельзя. Падать надо брюхом, но никак не духом.

Так вот. Кто в команде 1970 года самыми молодыми и одаренными были? Это братья Сырцовы — Александр, Геннадий и Владимир, Юрий Савцилло, все четверо — нападающие. А вообще–то много игроков приглашал я из родных мне подмосковных мест: Юрия Ляпкина и Александра Сапелкина — из Балашихи, Анатолия Козлова — из Раменского, В. Лаврентьева — из Загорска. Но молодежь — молодежью, а был у нас в «Химике» один игрок ключевой. О нем и говорить–то далее трудно с точки зрения характеристики его игровых достоинств. Потому что все

при нем было и много о том и не раз сказано. А я все же еще раз помяну добрым словом того игрока. Валерка Никитин — моя гордость и слабость моя, и радость. Скоростишка–то у него может и не очень высокая была, но большого диапазона игрок был и потенциала великого, недаром в сборную его брали, и он ведь ни разу не подвел Тарасова с Чернышевым. Единственный в команде чемпион мира и Европы, причем, двукратный, авторитет в «Химике», да и не только в нем. Не было у меня с ним никаких проблем. У него же иногда проблемы с женским полом возникали. Парень–красавец, девки за ним табуном ходили. Тут его и виноватить–то вроде не в чем, он от них, они — за ним. Но игрочина был отменный. Его в команде Дедом величали. Почему так? А родилось это прозвище после того, как он рассказал, что однажды его дед, обладавший недюжинной силой, вытащил за рога из колодца провалившегося туда быка. И пошло: «Дед» да «Дед».

Любили в команде Никитина и за мастерство, и за характер незлобивый, и за верность клубу. Я знал, что его многократно приглашали в московские команды, а он отказывался расставаться с «Химиком». Как–то даже спросил его об этом. «А что я там не видел, — с чисто никитинской непосредственностью отвечал Валерка. — Я ведь «Химику» нужнее, так чего ж тут огород городить». Вот ответ, достойный мужчины. Он и был мужиком в лучшем смысле этого слова, в спор мог вступить с тренерами, когда дело того требовало. Свою точку зрению отстаивал. Мне было интересно прочитать, как Никитин характеризовал меня и мои методы работы: «На льду у нас все равны, — говорил он в интервью еженедельнику «Футбол–хоккей» № 23 за 1970 год, моему старому товарищу, увы, уже ушедшему из жизни известному хоккейному обозревателю Дмитрию Рыжкову. — Да и вне льда — демократия. Знаю, слышал, в некоторых командах тренер если не взлюбит кого, то и на игру может не поставить. А для нас (читай — хоккеистов «Химика». — *Прим. И. Эпштейна.*) это непонятно. Не верится даже. Конечно же, тренер имеет право — на то он и тренер — решать все сам. Но наш этим правом почти никогда не пользуется. Другой у него стиль. Николай Семёнович не изрекает, а советует. И ему возражать можно, не опасаясь последствий. Было, например, как–то у нас такое: хотел Николай Семёнович поставить одного игрока, а команда против: нет у него такого, чтобы ложиться костьми за «Химик». И согласился тренер с нашим мнением, мнением команды. Тому игроку наука пошла впрок».

Любопытно было мне прочитать, как Валера оценивал эволюцию нашей команды, какую характеристику давал ее игре.

«Когда мы начинали выступать в высшей лиге, цель перед матчами с москвичами — например, с «Крыльями» была одна: чтобы с двузначным счетом не проиграть. Скажем, ноль — девять это уже неплохо считалось. Теперь, конечно, другое дело. И по результативности мы на третьем месте, и шайб пропустили меньше всех. Причем в сравнении с 1965 годом тактика у нас в принципе не изменилась. Разве что побыстрее стали играть. Кстати, следует уточнить одну деталь: наша игра «от обороны» — это не бетон и не «защепка» какая–нибудь. Мы по принципу действуем: «заманивай их, братцы, заманивай!» — с тем, чтобы потом контратаковать. И если в прошлые годы это «заманивание» чаще, чем хотелось бы, оборачивалось голами в наши ворота, то в этом сезоне это случалось редко. Кому ставить это в заслугу? Думаю, не только защитникам, но и всем полевым игрокам; ведь наш принцип: «пять в обороне — пять — в нападении». И кстати, опять–таки в полном соответствии с этим принципом Ляпкин стал результативнейшим защитником высшей лиги. Он забросил 14 шайб, причем и оборона от этого не пострадала».

Мне всегда казалось, что душа Никитина разрывалась между двумя хоккейными ипостасями — защитой и нападением. Он был подлинный универсал и в зависимости от формы мог успешно играть (и играл) в нападении. Он был настоящий «игровик», как я называл такого рода хоккеистов. И первое поколение наших мастеров шайбы состояло сплошь и рядом именно из игровиков — футболистов и тех, кто гонял в хоккей с мячом. Они принесли в наш хоккей с шайбой неповторимый игровой распасовочный стиль на высоких скоростях, который сохраняется в чем–то даже и по сию пору, когда хоккей наш переживает далеко не лучшие времена.

В газетах, когда Валерий Никитин скончался скоропостижно в начале 2002 года, так и писали про него: амплуа — защитник, нападающий. Я позволю себе привести здесь некоторые данные из биографии Валерия, которые характеризуют его путь от простого игрока до заслуженного мастера спорта. С 1957 года в течение 15 лет выступал за Воскресенский «Химик». В начале семидесятых играл в австрийском клубе «Вена». С 1974 года вновь в «Химике», в котором отыграл сезон. В чемпионатах СССР провел 510 матчей, в которых забил 137 голов. Чемпион мира и Европы 1967 и 1970 годов.

С 1976 по 1979 год был старшим тренером клуба «Салават Юлаев» (Уфа). После длительного перерыва в тренерской деятельности, уже будучи пенсионером, Никитин получил неожиданное предложение возглавить «Химик». Он проработал в этой должности с 1995 по 1998 год, и тогда команда показывала

вполне содержательный и интересный хоккей. Под началом тренера Никитина взошла звезда одного из популярных российских легионеров НХЛ Андрея Маркова, которому именно Никитин посоветовал переквалифицироваться из центрального нападающего в защитники.

Валерка Никитин… В нем жила большая, широкая душа — достоинство, незаменимое ничем. Я скажу так: он был талантливой личностью и это помогало ему быть талантливым игроком. Я твердо убежден в том, что человек, наделенный нравственностью, способен достигать в жизни большего, чем эгоистичный, самовлюбленный, холодный и расчетливый индивидуалист. Хотя меня и пытаются убедить в том, что в нынешние времена как раз такие «экземпляры» и вырываются вперед: «Мол, их нынче время». Быть может, быть может, но даже если это и так, то явление это временное, ибо мир испокон веку держался на таких извечных добродетелях, как чистота помыслов, честность, бескорыстие, стремление протянуть руку ближнему в трудную для него минуту. Они никуда не пропали, эти столпы нравственности. Они живут в нашем народе, я в этом убежден.

И хоккей в этом смысле не исключение. Недавно в «Литературной газете» я прочитал определение таланта, данное замечательным нашим писателем Фазилем Искандером: «Талант — это количество контактных точек соприкосновения с читателем на единицу литературной площади». Сказано просто здорово.

Да простит меня Фазиль за «плагиат», но я попробовал применить его формулировку таланта к хоккейной действительности, и вот что у меня вышло: «Талант — это количество аплодисментов, которыми публика награждает хоккеиста в единицу времени за виртуозную игру на единице ледовой поверхности». А что, разве не так? Писатель пишет для широкой публики, которой нужны яркие, самобытные произведения, нужны как воздух, как вода. Хоккеист играет для публики, которой в такой же степени нужно его яркое мастерство. А когда оно исчезает, то исчезает и сам нерв игры, она становится пресной и зрительски малопривлекательной. Настоящая хоккейная звезда всегда будет в контакте со зрителем на трибунах, это аксиома, не требующая доказательств.

Действительно ли исчезают «звезды»?

Александр Альметов, Александр Рагулин, Александр Якушев, Анатолий Фирсов, Владимир Викулов, Виктор Полупанов, Евгений Зимин — эти игроки–звезды стали заметны на хоккейном небосклоне в совсем юном возрасте. Альметов в сборной дебютировал в 18 лет, да так, что сразу же стал ее лидером. Да и другие из названных совсем еще молодыми хоккеистами сыграли за сборную СССР. Вспомним хотя бы дебют Викулова и Полупанова, ставший сенсацией мирового первенства в Любляне в 1966 году.

Что–то не припоминается аналогичных дебютов ныне, что–то не звучат в устах болельщиков имена настоящих героев ледовых баталий–любимцев публики. Вот нападающий омского «Авангарда» Максим Сушинский в сезоне 2003/2004 годов повторил рекорд московского армейца Сергея Макарова, показанный в сезоне 1987/1988 годов — 45 результативных пасов. Но почему–то Макаров со товарищи вспоминаются лучшей «пятеркой» мирового хоккея, демонстрировавшей феноменальную игру. Скажешь ли это о Сушинском с его партнерами?

С таким вопросом я обратился к Дмитрию Милюкову.

— Я не согласен, что «звезд» стало меньше, — ответил на мой вопрос этот авторитетный специалист, по должности — начальник юношеской сборной России и член юношеского комитета ФХР. Он, кстати говоря, является сотрудником лаборатории теории и методики детского и юношеского спорта Всероссийского научно–исследовательского института физкультуры и спорта. — В любом случае, таланты у нас имеются. Другой вопрос, что таланты, звезды типа Харламова, Мальцева, нынешних Ковальчука, Овечкина, Жердева и не могут появляться каждый день. Это единичный, штучный «товар». Да, у нынешних талантов не столь ранний, быть может, дебют в сборной, но это связано с тем, что изменился сам хоккей, он стал более силовым, увеличились нагрузки — и игровые, и тренировочные, и эмоциональные, и далеко не всякий юношеский организм способен их выдержать. Поэтому не выделяются и не доходят до своего взрослого уровня талантливые ребята, которые делают ставку не на силу, а на скорость и технику. И некоторая доля правды в том утверждении, что звезд стало меньше, в этом смысле все же есть.

Наш разговор с Дмитрием Милюковым проходил в пресс–центре лужниковского стадиона под «аккомпанемент»

болелыцицкого гула во время футбольного матча «Локомотив» — «Торпедо» 28 марта 2004 года, и этот гул, перемежающийся особо бурными эмоциями трибун во время наиболее острых моментов, отнюдь не мешал нашей беседе, а в чем–то даже дополнял ее. Тем более, что проблемы футбольные и хоккейные имеют нечто общее. Далеко не во всем, но имеют.

— Очень много талантливых ребят теряется в период перехода от школы во взрослую команду, — продолжал Милюков. — И в этом, к сожалению, виновата структура нашего хоккея. Если раньше у нас существовала высшая лига, первая и вторая лиги, причем последние выполняли роль своего рода трамплина в подготовке молодых ребят к «прыжку» наверх, то сейчас эти лиги превратились как бы в отстойник, и талантливые парни оттуда уже не выбираются. О них забывают. Искусственная мера, принятая сейчас ПХЛ — заявлять обязательно во взрослую команду двух юниоров — себя не оправдывает, не дает эффекта, на который рассчитывали, и даже в чем–то вредна. Ибо все равно — когда команда идет на решение серьезной задачи, а юниор еще не готов играть на таком уровне — он просто сидит на лавке, хотя тренируется наравне с мужиками. То есть изначально гробит свое здоровье, а играть не играет, теряется. Вот, например, защитник Бабчук, куда он делся, по–прежнему играет в Электростали? А ведь о нем в свое время специалисты говорили, пожалуй, больше, чем о Жердеве. Рослый защитник с сумасшедшим и весьма точным щелчком в одно касание от синей линии — защитников с таким щелчком раз–два и обчелся в самой сборной! А где он?

— Говорят, что тренеров стало меньше, тех тренеров, кто готов работать с мальчишками и юношами. Дескать, в середине 90-х годов, в так называемый период безвременья, еще сохранялись тренеры–энтузиасты с советских времен, которые работали за низкую зарплату, а теперь где ж таких найдешь?

— Есть такой момент, хотя и не все в этом вопросе однозначно. В Москве, например, появилось много школ, но в них далеко не всегда работают высококвалифицированные тренеры. А на периферии тренеры живут победнее, чем в Москве, но ведь именно оттуда, как и в советские времена, в наш хоккей приходит львиная доля талантливых ребят. Конечно, сейчас в Москве хоккейный бум. Много секций и можно сыграть на отборе, мол, талант сам собой выплывет. Хотя это и неправильный постулат, таланту тоже нужна поддержка.

У каждого клуба есть своя ДЮСШ и СДЮШОР, по большому счету между ними сейчас нет принципиальной разницы и весь вопрос состоит в том, как клубы работают со своими школами. В Москве, скажем, эта работа ведется на среднем уровне. Можно

посмотреть, как школы этих клубов, то есть детские команды, играют на первенство России. Москва на первенстве России идет отдельным регионом. Так вот, из года в год за первенство спорят между собой Москва и Урал. Вот пример хорошей работы с детьми и юношами: каждый год, в каждой сборной юношеской команде страны, в каждом возрасте есть представитель челябинского «Трактора». Все–таки «Трактор» сохранил и уровень тренерского состава, и преемственность, заслуженные тренеры уходят, им на смену приходят новые из бывших игроков. В результате сегодня в «Тракторе» действует одна из отлаженных и выживающих хоккейных школ. Это прекрасно, но дело не в том. Одна из главных наших проблем сейчас, — особо подчеркнул Дмитрий Милюков, — состоит в том, как доводить юниоров до ума, до уровня мужских команд. Очень много способной молодежи, повторюсь, теряется в этот самый переходный период. Почему? Да потому что с ней не умеют работать! Нет хороших тренеров именно этого переходного периода, тут ведь нужно умение, квалификация, а у нас Высшую школу тренеров давно закрыли. Откуда брать тренеров? Самородки появляются не каждый год.

На моей памяти есть единственный положительный опыт: у тольяттинской «Лады» добротная собственная школа, у них даже таланты росли, такие, как Ковалев. Когда я сам работал в «Ладе», то еще действовала система заявок и дозаявок, а в результате можно было спокойно мигрировать между клубами высшей и суперлиги, что сыграло свою положительную роль. У «Лады» существовала договоренность с командой ЦСК ВВФ (Самара). Были в «Ладе» парни, которые до высшего уровня еще не дотягивали, и их отправляли на обкатку в ЦСК ВВФ. Когда парень подрастал, его ставили на пару игр в основной состав «Лады», смотрели, как себя покажет. Затем отправляли назад, в Самару. И так несколько раз: туда–обратно, туда–обратно. Своего рода фарм–клуб выходил. Что и отвечает моему представлению о том, что высшая лига должна быть своего рода трамплином для решающего прыжка наверх. Было бы хорошо, если бы каждый клуб суперлиги имел такой фарм–клуб. Вот тогда, может быть, и не терялись бы игроки этого самого переходного периода. Причем, такую систему можно было бы официально зафиксировать в Уставе ПХЛ.

— Кстати, а на международном уровне как себя чувствуют наши юниоры?

— Жаль, конечно, что «молодежка» в этом году не взяла первого места, — несколько нахмурился Милюков. — Но я отвечу так: в любом случае, при любом раскладе наша команда любого

возраста на чемпионате мира и Европы должна входить в тройку призеров. В любой, подчеркну, ситуации. Ибо ниже — это уже провал. Третье место для наших юниоров — это предел «падения». Тем более, что наш игровой потенциал, несмотря на отношение руководства нашего хоккея, в том числе и ФХР, к юношескому хоккею, намного выше, чем у других стран. Мне есть с чем сравнивать, я знаю, как идет подготовка в Швеции, в Финляндии, Чехии, Словакии. (Я вспомнил эти слова Милюкова, когда сборная юниоров России на чемпионате мира 2005 года в Чехии заняла пятое место, и впервые после 1999 года осталась без медалей чемпионата. — *Прим. Н. Вуколова.*).

В подтверждение этих слов можно привести хотя бы данные, свидетельствующие о том, что молодежные сборные России регулярно обыгрывают своих европейских сверстников. По всем возрастам. О чем писала не так давно газета «Весь хоккей». Каждый год проходит Евротур, где от России выступают сборные четырех возрастов. В сентябре 2003 года команда из ребят 1984/1985 годов рождения играла в Тюмени, затем они же выступали в Финляндии, в феврале 2004 года в Швеции играла команда хоккеистов 1988 года рождения (тренер Ф. Канарейкин), в Чехии выступали ребята 1987 года рождения (тренер М. Слипченко), в Финляндии — команда ребят 1986 года рождения, тренируемая В. Брагиным. Так вот, в четырех из этих пяти турниров сборные России первенствовали. Иной раз с большим отрывом в очках от конкурентов. Скажем, юношеская сборная России, 1987 года рождения, в феврале в Чехии набрала 9 очков, а ставшая второй команда Финляндии — 3 очка. Или юниорская сборная России, 1986 года рождения, в феврале в Финляндии набрала 11 очков, а ставшая второй финская сборная — 6. Разве это не красноречивое свидетельство одаренности наших мальчишек?

Но вот переходный период, этот труднопроходимый мосток из юношеского хоккея во взрослый, как бы научиться его преодолевать?

— Я бы не сказал, — повторил свою мысль Д. Милюков, — что у пас звезд стало значительно меньше. Просто мы ведь их не наблюдаем. Они же в НХЛ уезжают, а наблюдать их могут только те, у кого «тарелка» НТВ есть. Позволить же себе такое удовольствие могут далеко не многие россияне. Был период безвременья, особенно, в середине 90-х годов, когда хоккею нашему приходилось несладко, но теперь всё понемногу возвращается на круги своя. И звезды будут появляться, куда ж им деваться! Но, повторюсь, главная наша задача — не терять игроков средней руки, без них хоккея не будет. Это как в балете

— есть прима–балерина, но что она значит без хорошего кордебалета? А все поголовно звездами быть не могут.

Далее разговор перекинулся на тренеров. Вот у нас в России чешские тренеры прижились. Один из полуфиналов первенства России проходил в сезоне 2003/2004 годов в единоборстве В. Вуйтека («Ак Барс», Казань) и П. Сикоры («Металлург», Магнитогорск). Бытует мнение, что чешские тренеры так успешно работают в России, потому что играют по прежней российской классической системе, заложенной еще А. Тарасовым. Н. Эпштейн, которого приглашали в Ярославль посмотреть игру «Локомотива» во времена, когда эту команду тренировал Вуйтек, высказал мне такое мнение: «Смотрю, да они ж в наш хоккей играют на тренировке!».

— Да, действительно так, — согласно кивнул головой Милюков. — В хоккей–то играют наш, а вот функциональная база не наша. Дело в том, что существует так называемая аэробная производительность и анаэробная производительность. Что такое анаэробная производительность? Это, грубо говоря, очень высокие физические нагрузки, когда мышцы не успевают получать необходимое количество кислорода из воздуха, и хоккеисты отрабатывают за счет внутренних резервов организма, что, кстати, отрицательно сказывается и на нервной системе игроков. Соответственно при аэробной подготовке этого момента нет. И проблема многих российских тренеров состоит в том, что, по их мнению, аэробная подготовка нам не нужна. У нас главное — анаэробная подготовка. Но ведь эти тренеры забывают, что чем выше аэробная подготовка, максимальное потребление кислорода, тем быстрее восстанавливается организм. И вот наши тренеры, предпочитающие анаэробную подготовку, вдруг упираются в проблему — у команды в игре спад. А почему спад? Вроде все делается как надо, режим питания нормальный, тренировки чередуются с отдыхом. А команда «заваливается»! Вот ведь какое дело.

Слушая с интересом откровения маститого специалиста, я подумал и о другой стороне проблемы, связанной с переходным периодом. А именно: проблемой легионеров в нашем хоккее. На начало сезона 2003/2004 годов в клубах суперлиги насчитывалось более 50 игроков–иностранцев. Сколько из этого числа являются хоккеистами самого высокого класса? Допустим, с десяток. А ведь В. Вуйтек, например, в интервью «Советскому спорту» высказал дельную, на мой взгляд, мысль: если уж призывать легионеров, то только уровня сборной. Но игроки уровня сборной на дороге, что называется, не валяются, а кроме того, и зарплату запросят соответственную. Нужно ли России

такое количество игроков–середняков из–за рубежа? Ведь они же занимают места россиян, в том числе, думается, и талантливых российских юниоров!

Тут срабатывает тренерская и владельцев клубов «логика»: а зачем возиться с подготовкой собственных игроков, тратить на это силы и нервы, время да и деньги, когда можно взять их со стороны?

С такой же проблемой сталкивается в последние годы шведский хоккей. В «элитной серии» выступает 12 команд, а в них на начало сезона 2003/2004 годов играло более 60 хоккеистов–варягов! И далеко не все они — «звездного» уровня. А ведь когда в начале семидесятых годов из Швеции за океан потянулись массовым потоком лучшие игроки в НХЛ, то тут же родилась спасительная формула–выручалочка: что ж, раз с этим процессом ничего нельзя поделать, то с этим надо жить. Зато на места уехавших придет наша талантливая молодежь! Прогнозы не оправдались. Места уезжающих занимают легионеры. Причем со вступлением Швеции в 1995 году в Европейский союз (ЕС) этот процесс приобрел некое ускорение. И остановить его невозможно, ибо правила ЕС подразумевают свободное передвижение товаров, услуг, людей и капиталов в рамках общеевропейского пространства. И что толку из того, что на один матч команда не имеет права заявлять более трех хоккеистов из государств, не входящих в Евросоюз. Почти по готовой «пятерке», составленной из варягов, играет в каждом клубе «элитной серии».

И это при том, что уровень юниорского хоккея в стране резко упал. В Швеции уж и не помнят, когда их молодежь занимала первые места на европейском или мировом первенстве. Последний раз это было на мировом чемпионате 1980 года! На последних чемпионатах мира «Тре Крунур» блеснули хорошей игрой, но за счет чего и кого? Да потому что в их составе играли две «звезды» НХЛ Мате Сундин и Петер Форсберг, и еще несколько игроков, близких к высшему «зведному» уровню — Зеттерберг, Ренберг, Аксельссон. Из них только Зеттерберг был молод, остальные уже перевалили 30–летний рубеж или вплотную приблизились к нему.

Тот же Милюков рассказывал мне, как участвовал в Швеции в семинаре под эгидой Международной федерации хоккея на льду (ИИХФ). Семинар касался как раз детского и юношеского хоккея.

— И вот повезли нас в стокгольмский пригород Хюддинге в тамошний ледовый дворец показать ледовую подготовку пацанов. Я посмотрел и ахнул: они еще на коньках кататься как следует не умеют, а их «накачивают» тактическими установками. Неудивительно, что шведские игроки в массе своей утратили

искусство обводки, стараются проходить среднюю зону за счет перепасовки, а ведь обыгрыш, обводка — один из важнейших и привлекательных компонентов хоккея. Безусловно, нужно обучать молодых и тактике, но не в таком же возрасте, когда они едва стоят на коньках. Эта извечная шведская зацикленность на схеме не во благо шведскому хоккею. Их юноши по уровню подготовки уже далеко уступают финнам, чехам, словакам и стоят рядом со швейцарцами.

К чести шведов, они проблему видят и стараются ее решить. Выработана целая программа преодоления кризиса в детском и юношеском хоккее. Стержнем этой программы, рассказал мне заведующий отделом развития шведского хоккея Томми Бустедт, является создание 25 хоккейных специализированных гимназий по всей стране. Финансово их деятельности помогают и клубы, и государство. Например, гетеборгский клуб «Вэстра фрелунда» имеет хоккейную гимназию. При этом клуб отвечает за хоккейное обучение, а коммуна — орган местного самоуправления, оплачивает общеобразовательное обучение в гимназии — математику, физику, географию, иностранный язык и т. д. Сейчас в этих гимназиях обучается около тысячи мальчишек. Томми, ревностный сторонник советского стиля игры, еще недавно сам тренировал гетеборгскую «Вэстра фрелунду» — клуб «элитной серии», ставший в сезонах 2003/2004 и 2004/2005 годов чемпионом Швеции. Под его руководством выпущен целый буклет с множеством страниц, содержащий свод правил и наставлений, направленных на улучшение дел в детском и юношеском хоккее страны. А начальным этапом явилось сотрудничество Шведского хоккейного союза с университетом города Умео, стержнем которого стало обучение в стенах этого учебного заведения хоккейных тренеров. Причем образование это, как и все в университете, финансируется государством. «Это двухгодичное обучение, — пояснил Томми. — Оно дает незаконченное высшее образование, и те, кто закончит эти курсы, становятся или хоккейными тренерами, или менеджерами. Смысл в том, что они продолжат свою дальнейшую жизнь в хоккее, получив образование академического уровня, то, чего нам в Швеции как раз и не хватало все время. При том, что у них есть возможность получить при желании и высшее образование».

Резко возросло при Бустедте количество проводимых тренировочных лагерей. «Причем, — заметил Томми, — мы выбираем по итогам тренировочных сборов 34 лучших игрока каждого региона (Швеция разбита на четыре региона) и проводим для них специальный тренировочный сбор, чтобы обучить их еще кое–каким хоккейным премудростям. Таким образом, обучение

проходят лучшие из лучших и в конечном счете это должно принести свой эффект. Прошлым летом (2001 года. — *Прим. Н. Вуколова.*), например, был проведен тренировочный сбор в Стокгольме на прекрасной базе Бусен с участием 80 лучших шведских юниоров. При этом в течение недели с каждым хоккеистом занятия велись в индивидуальном плане».

В Швеции существует 500 объединений, культивирующих молодежный хоккей, и понятно, что Шведский хоккейный союз не может вести работу со всеми этими объединениями напрямую. Поэтому территория Швеции поделена на 23 хоккейных района, и через них–то союз и ведет работу с молодыми хоккеистами. Немало внимания предполагается уделять тренерскому образованию. Союз организует курсы для тренеров осенью и зимой, кроме того, проводятся курсы во время чемпионатов мира, так сказать, на практике, в обстановке, приближенной к боевой. Естественно, шведы, как технически продвинутая нация, широко используют для пропаганды хоккея, которому в последние годы стали составлять конкуренцию другие виды спорта, видеотехнику, записи на дискетах и пр. Словом, ощущение таково, что рано или поздно эти усилия окупятся сторицей. Но нужно время.

Соседняя страна с другими традициями, другим — чего уж греха таить — уровнем жизни, гораздо более высоким, чем в России, а проблемы хоккейные в чем–то схожи. Хотя меня лично не покидает ощущение, что извечная привычка к порядку, организованности, сыграла в хоккее со шведами злую шутку. Все–таки при наличии строгого порядка и соблюдении тренерских тактических установок хоккей должен отличаться здоровой толикой авантюризма, умением хоккеистов пойти на короткий обыгрыш, на риск. Тогда–то и проявляются лучшие качества хоккейных «звезд».

P. S. Последний раз я встретился с Д. Милюковым в декабре 2005 года в лужниковском Дворце спорта, где проходил XXXVIII международный хоккейный турнир, носящий ныне название «Кубок РОСНО».

Похлопали друг друга по плечам. «Как дела хоккейные?» — поинтересовался я у старого знакомого. «А никак, нет никаких хоккейных дел», — последовал ответ. «Да ладно, Дмитрий, как так может быть». «А вот так. Работаю теперь в Агентстве по физической культуре и спорту. Но к хоккею моя работа никакого отношения не имеет».

Ну что тут скажешь? Хоккейный человек до мозга костей, великий энтузиаст этого дела, специалист великолепный. И вдруг на тебе — оказался вне хоккея. Нелепость какая–то, вопиющая

несправедливость!

Потом мне коллеги по перу намекали, что, дескать, не по душе пришелся самолюбивый Милюков кому–то в Федерации хоккея России. Такое бывает. Жизнь есть жизнь. Но любая неприязнь не должна превалировать над интересами дела. Мало ли кто кому не нравится?! Так далеко можно зайти. Я лично верю, что отлучение от хоккея Дмитрия Милюкова, в команде у которого играл сам Евгений Малкин — новая яркая звезда отечественного хоккея, — это явление временное и в ближайшее время все вернется на круги своя.

Наш Семёныч

С Виктором Кунгурцевым, игроком, высоко ценимым Эпштейном, встретился я в конце ноября 2003 года. И была для нас та встреча первая и последняя — через месяц Виктор скоропостижно скончался, такой мощный в свои 63 года, такой жизнелюбивый. Так и стоит перед глазами его плотная фигура с крепкой шеей на широких плечах, грудь колесом, взгляд вприщур, улыбка. И слышится чуть глуховатый его голос…

— Родом я из Челябинска, отца не знаю, — стряхивая сигаретный пепел, отвечал на мой вопрос Кунгурцев. — Он на фронт ушел и пропал там без вести. Был я у матери один, она меня и поднимала, ни родни, никого. В хоккей сперва играл с мячом, а уж потом, в 1958 году пришел в «Трактор». И играл в этом знаменитом уральском клубе до тех пор, пока не скончался замечательный человек и тренер Захватов Сергей Иванович, один из первых заслуженных тренеров СССР по хоккею. С Эпштейном он в середине сороковых годов вместе за челябинский «Дзержинец» выступал, когда команду курировал легендарный «красный директор» Зальцман.

И перешел я в «Химик», куда меня давно зазывал Эпштейн, когда мне уже 25 лет было, когда я уже поиграл и кое–что повидал в хоккее, и уже включался в список 33 лучших игроков страны. Всю жизнь я играл центрального нападающего, и поставил меня Семёныч вместе с Мичуриным Юркой, игроком очень одаренным. Лучшим, я с этим согласен, партнером Мальцева. Но вливался я в «Химик», надо признаться, непросто. Потому, что команда была весьма своеобразная, думающая. Николай Семёнович отбирал в команду людей не по атлетическому сложению, а по уровню мышления. Брал ребят с головой. Целый год прошел, прежде чем я в команде стал своим. И это при том, что в Челябинске–то я был ведущим игроком.

Трудно было понять специфику «Химика», его стиль: то ли сыграть от обороны, то ли как–то запутать соперника, ничего как бы не отдавая, и в то же время приглашая в собственную зону, чтобы тут же перейти в контратаку. Все это были тренерские замыслы. Умел Семёныч игроков находить и подбирать для команды. Он Сапелкина, к примеру, пригласил, а тот кататься на коньках не умел! А он пригласил и научил и кататься, и играть. А дело все в том, что Сапелкин здорово играл в футбол, а Семёныч это очень ценил, он любил игровиков. Была такая пятерка даже: Сапелкин — Ляпкин в защите, Козлов, Кунгурцев и еще кто–то —

забыл кто — в нападении. Сильная была пятерка, что там говорить. Мы всегда играли против первых пятерок противника и были своего рода пятеркой сдерживающего порыва. Вот почему я поиграл против Полупанова, Старшинова, Петрова, Якушева Виктора, то есть разменивал центра на центр. И скажу, нехвалясь, удавалось мне зачастую нейтрализовать моих опасных визави. Тяжелей всего игралось, пожалуй, против Старшинова, но мне было интересно поиграть против лучших центров страны. Был такой азарт: не дать себя переиграть, а наоборот, самому перехитрить соперника.

— А где жили, когда приехали в «Химик» играть?

— Сначала пожил в гостинице, потом Семёныч выхлопотал комнату в Жуковском. Мне хватало, я ведь был тогда неженатый. А потом Семёныч же посоветовал мне поменять комнату в Жуковском на комнату в Москве с дальним прицелом: мол, потом легче будет сделать квартиру в столице. И когда я женился, он мне помог с квартирой на Пресне. Много времени он уделял быту игроков, и я убежден, многие ему за это благодарны. Мудрый тренер меня еще и в институт физкультуры областной в Коломне пристроил. И я закончил институт, как и многие другие. А ведь понятно, что когда у тебя диплом на руках есть, то и люди на тебя по–другому смотрят. Да что там говорить, Семёныч всегда умел глядеть далеко в будущее.

— Конечно, когда мы играли, режим был суровый, сплошные сборы да игры. Я женился в 29 лет, и жили мы с женой душа в душу. Это были счастливые годы, но могли они быть еще лучше, если бы не это казарменное положение. Но Семёныч в отличие от других тренеров, отпускал нас со сборов, получались у нас после некоторых праздников перерывы, он даже чарку мог разрешить. Да, а что? И вот ведь с хитрецой был: после чарки–то языки у игроков развязывались, а он все слушал и запоминал, все про всех знал в команде. В автобусе, бывало, пока едем на вокзал, позволит выпить, а сам сидит и слушает, о чем мы распинаемся, и сам вроде участие в беседе нашей принимает. Чувствовал он команду и игроков, психолог был хороший. Умел он видеть в игроке и перспективу.

У нас была отлажена система игры против команд, которые были сильнее нас, мы всегда играли по системе 1–4. Это значит, что один игрок действует впереди, на острие, а четыре сзади. Почти половину поля отдавали противнику, но только они шайбу теряли (не без нашей помощи, естественно), мы сразу же в контратаку переходили. Вот мы, к примеру, атакуем и теряем шайбу. Сразу два наших защитника занимали места у синей линии по углам и получался «квадрат», я же как игравший

впереди атаковал их защитника. Или, например, мы идем в атаку и теряем шайбу. Я как центр, занимавший место около ворот соперника, или крайний нападающий наш сразу шли на того из игроков противоборствующей команды, у кого в тот момент была шайба. Если наш крайний шел на их игрока, то я как центральный нападающий катил в угол к синей линии противника, чтобы «квадрат» наш не нарушался.

И так действовали все хоккеисты, этот «квадрат» как живой был. Ну, конечно, чтобы он жил, нужна была хорошая физическая подготовка, чтобы голова у хоккеистов работала и кругозор хоккейный был развит. Такое построение мы первыми применили, потом только стали его шведы культивировать.

Благодаря этому «квадрату» у ЦСКА зачастую не срабатывала в играх с нами их тактика первого паса. А почему? Да потому, что мы только потеряем шайбу, а уж все на своих местах. И уже атака с ходу сорвана, ничего не попишешь, и это при том, что в ЦСКА великие игроки играли, скажем, Толя Фирсов, с которым мы начинали играть еще в молодежной сборной, когда он за «Спартак» выступал…

Я когда в хоккей начинал играть, то только ради удовольствия, никаких таких мыслей о деньгах не было.

Поначалу мне платили 700 рублей, это еще до хрущевской денежной реформы. А потом стали платить 160 рублей, а тогда министр 300, ну пусть 400 рублей получал! Все–таки была какая–то социальная справедливость, чтобы там сейчас ни говорили. А мы ведь еще премиальные за победы получали, а еще Семёныч чего–то там по цехам наскребал. И ничего получалось, жить можно было.

— А что–нибудь, Виктор, запомнилось особенное из хоккейной жизни?

— Да. По драматизму один матч очень запомнился. По драматизму и курьезности ситуации вокруг него. Играли мы у себя дома с ЦСКА четвертьфинал Кубка СССР 1972 года. Вот сюжет был так сюжет. 5:4 мы выиграли, но как! Первый период 2:0, второй — 3:1. А третий вчистую проиграли 0:3. Но выиграли же, черт возьми! А ведь армейцы так были уверены в своей победе, что уже заказали билеты на самолет в Челябинск, на полуфинал. Афиши там уже расклеили — ЦСКА — «Трак тор», полуфинал Кубка СССР по хоккею… Вот конфуз–то какой. Ну, ладно. Но нам–то надо лететь теперь самим в Челябинск, а у нас билетов нет. Как сейчас помню: сидим в Быкове на аэродроме, билетов нет. Ну, Семёныч что–то где–то пробил, сделали нам спецрейс. Прилетели в Челябинск и там еще «Трактор» обыграли на глазах у всего честного народа. А Челябинск–то все же мой

родной город, я многих знаю, меня знают многие.

Так что самоуверенность армейцев была наказана. Правда, в финале мы динамовцам Москвы уступили 0:3. А голы–то кто нам забивал? Мальцев, Семёнычем открытый, Чичурин Юрка, свой, Воскресенский, и Мотовилов Толя, который с ними в тройке играл. Вот судьба–то. И игра была тоже очко в очко. Достаточно сказать, что после двух периодов счет был 1:0, но мальцевская тройка свое дело в конце концов сделала. И все же это тоже был большой успех нашего «Химика» — выход в финал Кубка СССР. Об этом как–то забывают, а это ведь было, было. И мы своим выступлением в том розыгрыше Кубка доказали, что остаемся командой, против которой надо играть с полной силой, а не спустя рукава, с которой по–прежнему обязаны считаться все, пусть даже в чемпионате страны в том году на медали мы не претендовали в силу разных причин.

Ну, а про Семёныча что сказать?.. Необыкновенный человек. Я считаю, что прожил с ним хорошую жизнь. Он меня разглядел, я его понял, все вышло хорошо, — заключил нашу первую и последнюю с ним беседу Виктор Кунгурцев, хоккеист, которого очень высоко ценил Эпштейн.

Так же с теплой улыбкой великий тренер говорил о защитнике Борисе Веригине, любимце Воскресенской публики. И, конечно, я не упустил возможности поговорить с Веригиным во время одной из тренировок команды ветеранов «Русское золото» во Дворце спорта «Олимпийский», что на Проспекте Мира. Да еще вышел разговор наш в день веригинского 50–летнего юбилея.

— Я хорошо помню свой дебют в «Химике» в матче против московского «Динамо», — охотно откликнулся на мое предложение поговорить Борис, светловолосый, плотный, невысокого росточка, но весь как бы сбитый из цельного куска породы. — Я очень волновался, хотя тот матч мы выиграли 3:1. Я настраивал себя на игру, очень боялся, что меня будут обыгрывать. Поэтому действовал методом тык–в тык, в игрока. Зорко следил за динамовскими нападающими. Только нападающий шайбу получал, я в него врезался. Играл, что там говорить, на грани фола. И уже после матча, когда мы выиграли, Чернышев сказал: «Ну, что такое, Николай Семёнович, несолидно даже как–то. Где это вы такого удава раздобыли?». Эпштейн очень смеялся по этому поводу, очень ему этот «удав» понравился. Ему, видимо, было приятно, что он такого игрока отыскал, что его сам Чернышев столь своеобразно отметил.

А отыскал меня Эпштейн в Нижнем Тагиле, где я играл в клубе «Спутник», выступавшем во второй лиге класса «А». Однажды мы впервые заняли второе место в своей уральской зоне

среди молодежных команд и попали на зональный турнир в Новосибирск. Эпштейн в то время работал тренером молодежной сборной страны. Помогал ему Борис Майоров. И, естественно, они приехали в Новосибирск смотреть за играми и отбирать хоккеистов.

Как–то Эпштейн подозвал меня и сказал, что хочет посмотреть в сборной. Надо ли описывать мое счастливое состояние? Сборная поехала на чемпионат Европы среди юниоров в Швецию (это был 1972 год), заняли мы там, к сожалению, второе место.

Потом Эпштейн меня в «Химик» пригласил. Я, конечно же, согласился. Когда приехали в Воскресенск, все надо мной смеялись: «Это что за лилипут, кого это мы в команду взяли?». Но Николай Семёнович за меня горой стоял, он мне в плане приобретения уверенности в собственных силах очень помог. Он вообще был великий политик и мудрейший человек, умел дело повернуть так, что ветераны располагались к молодежи, а молодежь уважала ветеранов. А поэтому коллектив всегда в «Химике» был добротный. Николай Семёныч был для нас всех как отец родной, это точно.

Жил я сначала в гостинице. Был такой момент, что как–то я неудачно сыграл, меня отругали, я здорово переживал и засобирался домой. В Нижнем Тагиле у меня мать с отцом, я у них — единственный сын, чего там сомневаться. Ну, думаю, поехал. Но Николай Семёнович меня подбодрил: «Ты чего нос повесил, еще не раз придется ошибаться, что ж сразу уезжать, так дела не делаются». И скоро выбил мне квартиру отдельную в Жуковском. Пусть однокомнатную, но ведь все равно большое дело. От Воскресенска минут сорок езды на электричке.

Я считаю Николая Семёновича великим тренером, он выдающийся психолог. При мне он приглашал многих хоккеистов и присматривался к ним, приглядывался, проверял, подходят или нет к его «Химику». Откуда только народ не приезжал: с Урала, из Сибири, с Дальнего Востока. Селекционер Эпштейн был выдающийся.

Поначалу, когда я только пришел в команду, ставка у меня была 120 рублей, потом — 140. Потом побольше — 250–260 рублей. Премиальные еще были, но, сказать откровенно, мы как–то к деньгам относились сдержанно. Главное — чтобы игра была достойная. Сейчас вспоминаю и размышляю: надо было серьезнее задумываться о будущем. А мы что: сил невпроворот, молодые, играли в свою охотку, себя не щадили. Но Николай Семёнович, вот ведь умница, далеко смотрел, за нас думал о нашем будущем. Это ведь благодаря ему я, как и многие другие хоккеисты

«Химика», диплом на руках имею, закончил коломенский педагогический институт, и этот диплом — совсем в наши дни не лишнее дело. Что говорить, трудно было и заниматься, и играть в хоккей, но Николай Семёнович настаивал, добивался от нас, чтобы мы учились. В Воскресенске же я женился, и уже получили мы с женой двухкомнатную квартиру с Воскресенской пропиской. Так я этому городу верен и остался, хотя приглашали в другие клубы. Виктор Васильевич Тихонов, например, звал в рижское «Динамо». Но я уже полюбил Воскресенск, полюбил команду, народ городской.

Эпштейн был гибкий тренер, он мог выразиться и резко, но как–то по–человечески. Но это случалось редко, в основном он старался терпеливо объяснить, в чем чья ошибка, довести до сознания. Помню у нас «на поляне» играли мы с ЦСКА. Состав у армейцев был звездный — Михайлов, Петров, Харламов, Викулов, Гусев, Цыганков, Лутченко… А мы вели с разрывом в одну шайбу и времени до конца игры–то оставалось всего–ничего. Я еще молодой был, неопытный. А тут армейцы в нашей зоне так нас закружили, что я взял, да и выбросил шайбу за площадку, через борт. Меня наказали, и справедливо, двухминутным штрафом за умышленный выброс шайбы. Было заметно, что Эпштейн сильно переживал этот момент и хотел меня отругать. Но видно на лице моем вся гамма чувств так проявилась — я сам не свой был, и он мне ничего не сказал, только бросил походя: «Ну, что ж ты, а?». — «Да так вот получилось, Николай Семёнович…» И он не стал вымещать на мне свою досаду. Я этот урок запомнил очень хорошо, а сыграли мы в итоге с ЦСКА вничью.

Я в «Химике», — продолжал Веригин, — отыграл 15 лет, один сезон вместе с молодым Ларионовым. Он уже тогда выделялся, умненький был, техничный, верткий, умел место выбирать вблизи ворот противника. На силовой прием его поймать было трудно. И вот помню, молодой–то молодой, а к играм относился сугубо профессионально. Он знал, какую пищу принимать перед игрой, если кто–то нарушал режим, то Игорь вообще не пил, никогда. Думаю, уже тогда он всерьез задумывался о будущей жизни, цель у него была поставлена. И ведь добился своего, в ЦСКА попал, многократным чемпионом мира и Европы, Олимпийских игр стал, Кубок Канады выигрывал, потом в НХЛ закрепился, Кубок Стэнли выигрывал, стал почетным жителем Воскресенска — достичь всего этого не так ведь просто!

А вот какой эпизод рассказал мне Владимир Смагин, пришедший в «Химик» в 1971 году и игравший в одной тройке с Юрием Савцилло и Виктором Круговым. «Был момент, когда «Химик» проиграл семь или восемь игр подряд. Приходит после

одного из проигранных матчей в раздевалку Эпштейн и говорит: «Всем от директора завода премия по семьдесят рублей». Мы обалдели: как премия, за что? «Ну, а если бы вы выигрывали все эти матчи, то завод бы разорили, — разъяснил Николай Семёнович. — Вам большие премиальные пришлось бы выплачивать.

А так вышло, что вы сэкономили, вот вам за это и премия». Это был удар по нашему самолюбию, психологически тонко рассчитанный ход. И что удивительно, после этого полоса неудач кончилась, словно воспряли мы ото сна.

Николай Семёнович, — продолжал Смагин, — был и тренер отличный, и гражданин, и человек. Тонкий психолог. Когда он игроков в «Химик» приглашал, то создавал им все условия, воспитывал их и в чисто человеческом плане. Взять хотя бы Сапелкина, или Лаврентьева, Морозова, Никитина — он всех их до уровня сборной поднял. А уж игроков средней руки воспитал и вообще множество.

Однажды меня и Крутова Витьку — включили в список кандидатов в сборную страны на турнир Приз «Известий». И Никитин Валера уговорил меня поехать со сборов домой на «Жигулях», которые мне Эпштейн помог получить. У меня тогда и прав–то еще не было, и машина не застрахована. Дело было вечером, самый конец ноября, и поехали мы, а я себя, конечно же, уже мастером вождения считал. В салоне — Крутов, Сырцов и Никитин. И вот ситуация дорожная: я иду в обгон самосвала и попадаю на лед. Газанул, машину понесло, я — по тормозам — и машина на приличной скорости ударилась о бордюр и перевернулась. У Никитина лопнула мышца, у Сырцова — травма шейного позвонка, у меня все лицо в крови, но жить можно, а вот Витька Крутов сильно пострадал, с тазобедренным суставом что–то, заново учился ходить.

Мы ничего в тот вечер не пили, это точно, готовились к турниру «Известий», но по характеру происшествия и сопутствующим обстоятельствам грозило мне от двух до десяти лет, два судебных заседания прошло. Но тут Николай Семёнович подключился, дошел до министра химической промышленности СССР Л. А. Костандова. Словом, выручили меня, и в тот момент человеческие качества Эпштейна сполна проявились. Все дело в том, что мы тогда здорово играли, шли почти вровень с ЦСКА, а тут такое дело. Подвели мы, конечно, команду. Никитин завершил выступления и поехал тренером в Уфу, Крутов играть не мог, и команда не заняла того высокого места, на которое по праву в тот момент претендовала. Но Эпштейн нам ничего не сказал, не припомнил, ни словом не упрекнул, хотя пошли

наверху разговоры о том, что в команде воспитательный процесс плохо налажен…

Если говорить о моей хоккейной биографии, то я играл одно время в команде «Звезда» (Чебаркуль) в тот самый период, когда за нее выступали откомандированные из ЦСКА Александр Гусев и Валерий Харламов. Тренером там был Поспелов. Он меня отрядил в защитники и стал я пятым защитником в команде. Конечно, среди всех выделялся Гусев, Харламов даже смотрелся не так ярко. Но потом Валерий такую форму набрал — ой–ой–ой! Шайбы забивал на все вкусы. И много. А потом мы, помню, были в Алма — Ате и туда пришла телеграмма Тарасова — откомандировать Харламова в ЦСКА…»

И еще с одним человеком, имевшим самое непосредственное отношение к «Химику», запомнился мне разговор. Корпеев Юрий Яковлевич работал врачом Воскресенского «Химика» с 1970 по 1980 год и сохранил об Эпштейне мнение, как о человеке оригинальном, глубоко порядочном, открытом людям.

— Раз был случай, ехали по Москве в эпштейиовской «Волге», — начал для затравки Юрий Яковлевич. — Николай Семёнович за рулем и супруга его Любовь Николаевна рядом. Выезжаем с улицы Горького на Манежную площадь, чтобы дальше на площадь Дзержинского проехать, в те годы Манежная была совсем иной и транспортный поток по ней шел непрерывно. Вдруг Эпштейн тормозит прямо в центре площади, выходит из машины и поднимает с асфальта женскую косынку. Мы ему: «Николай Семёныч, да ты что, садись за руль, машины же кругом, движение мы тормозим, задавит еще кто–нибудь не ровен час». А он: «Да как же так, вот кто–то косынку обронил».

Возле музея Ленина Семёныч затормозил, вылез и повесил косынку на ближайший столб: «кто–то если хватится, то, может быть, найдет, а?». Комментарии, как говорится, излишни…

Особенность мой работы в «Химике» состояла в том, что в команде уделялось большое внимание психологической устойчивости. К травмам относились, как к неизбежности профессии, но делу поправимому. Хотя, конечно, в команде высшей лиги травмы случаются часто, играть приходится «через не могу», тренировочные нагрузки весьма высоки, подготовительный режим интенсивен, и не все игроки оказываются готовыми к такому повороту событий. И психологическая устойчивость, подразумевающая знание того, как отдохнуть после игры, приобретает весьма большое значение.

А физиологическое восстановление — это массаж, водный режим, питание. И в «Химике» все это обеспечивалось. Относительно, конечно. Например, рацион питания отвечал

требуемым нормативам где–то процентов на пятьдесят по простой причине: «Химик» не имел для этого финансовых возможностей. Летом, конечно, выручали фрукты, но в целом питаться по научным рекомендациям не удавалось. Считалось хорошим восстановлением, когда давали какую–нибудь рыбу красную, икры граммов по пятьдесят, курицу.

Безусловно, во время заграничных турне кормили лучше, был больше выбор фруктов, соков, больше чистого натурального, хорошо приготовленного мяса, в то время как у нас было больше бифштексов, котлет. Пить нам чаще давали компоты из сухофруктов. Можно сказать, что в плане еды дело обстояло хорошо, но не самым лучшим образом. Я как–то стал пропагандировать, что полезно есть больше овощей, в том числе, зеленого горошка. Были такие консервы. Из Болгарии к нам в Союз их поставляли. Так Николай Семёнович, чтобы мой авторитет поддержать, сам на глазах всей команды банки четыре этого горошка чуть ли не зараз слопал.

Любопытно, что долгие годы в «Химике» врачом работала женщина Антонина Леонтьевна Калинина, и это был единственный пример, когда в мужской команде высшей лиги (как, впрочем, и других лиг) врачом была представительница прекрасного пола. Идея эта тоже принадлежала Эпштейну, а когда я его спросил однажды, как она пришла ему в голову, то он и сам ответить на этот вопрос не смог. «Не помню, знаешь ли, но было отлично, и ребята ее крепко уважали», — ответил он на мой вопрос. Эпштейн мне все время говорил: «Приходи в команду, будете работать вместе». Я же особо не рвался, меня моя работа устраивала, работал я в Воскресенске врачом–психотерапевтом, и это обстоятельство, как ни парадоксально, и привело меня в «Химик».

Основной вратарь команды В. Зубарев получил травму уха и стал непроизвольно при броске по воротам садиться — боялся повторной травмы, страх у него появился. Его направили ко мне, и мы с ним довольно быстро этот психологический барьер преодолели. Потом впал в реактивное состояние Трухачев, у него появилась боязнь поездок, перелетов, доходило до истерик. Мне удалось помочь ему тоже, затем помог я должным образом настраиваться на игры защитнику Мише Жарову, и вот так потихоньку стал входить в дела команды.

Но на ставку идти не хотелось, хотя и стал я что–то делать в команде, например, рассказывать о правильной системе питания, необходимости соблюдения распорядка дня. Однажды с одной из моих рекомендаций казус вышел: сказал я Эпштейну, что с возрастом игроки должны больше и усерднее тренироваться.

Николай Семёнович эту рекомендацию воспринял в буквальном смысле, всех молодых посадил за бортик, а ветеранов — Морозова, Никитина, Сапелкина, Козина, Ляпкина стал гонять до седьмого пота. А молодежь сидела за бортиком и все это дело наблюдала. Между тем предстояла игра со «Спартаком», которая для «Химика» многое решала, и мне ветераны сказали примерно так: «Ну, Яковлевич, если мы проиграем, выдернем тебе все волосы из бороды и вообще… Не жить тебе». К счастью, выиграли в тот раз у «Спартака», остался я жить.

А другой раз помню случай с тем же «Спартаком», который характеризует Семёныча как хорошего психолога. Игра складывалась неудачно для «Химика», после первого периода проигрывали, и входит в раздевалку Эпштейн: «Ну, что, чудаки, носы повесили? Вот послушайте лучше великого поэта». И давай на память стихи Сергея Есенина читать. Вова Смагин мне с таким удивлением шепчет: «Яковлевич, чего это он, а?». Я ему: «Ты сиди, слушай…». Ребята слушают и вроде даже задремали. Приходит помощник судьи и говорит, что перерыв кончился, пора на лед. А Семёныч так сам увлекся, что ему: «Да иди ты…». Потом спохватился: «Ну, все, пора, пора на лед, что вы сюда приехали, стихи что ли слушать?». И выиграл же тот матч «Химик», вот в чем вся штука!

Надо сказать, что Эпштейн был человеком весьма любознательным, много читал и обо всем рассказывал игрокам, порой удивлял своей эрудицией. И еще в нем всегда жило чувство справедливости. Помню, были мы в Свердловске. Проезжали мимо Ипатьевского дома, Семёныч вдруг говорит: «Вот ведь, убили людей, а теперь, как достопримечательность это место показывают. Людей в чем виноватых–то? Они ведь и правили, может, не по своей воле. Вот помяни мое слово, не пройдет и пары лет, как все это уничтожат. Сотрут с лица земли, переделают». Как говорил, так и вышло…

Эпштейн грубым словом никого никогда не обижал, если иногда и матерился, то беззлобно, не оскорбляя людей. Мог, конечно, построжить, не без того, но в целом был человеком справедливым и зря нервы никому не мотал. Не было в команде таких игроков, чтобы на него кто–то сильно обижался. Не было. Потому, что удивительно деликатный и чуткий человек наш Семёныч.

Память сердца

Однажды, году в восьмидесятом или чуть раньше, мне позвонил мой старый товарищ, хоккейный обозреватель ТАСС Владимир Дворцов и сообщил, что написал вместе с писателем З. Юрьевым сценарий к фильму на хоккейную тему: «Такая жесткая игра — хоккей». И предложил выступить консультантом на съемках картины. Я согласился, до этого ни разу не приходилось быть в такой роли, а кроме того, было интересно посмотреть вблизи на актеров, узнать хотя бы в общих чертах, как действует «кинокухня».

Я прочитал сценарий, он мне понравился тем, что в нем поднимались многие проблемы тогдашнего нашего хоккея. Снимал фильм молодой режиссер Андрей Разумовский, для которого это была первая лента на спортивную тему. Вместе со мной консультантом фильма выступал и Борис Майоров.

Это было интересное время, было любопытно работать вместе с такими великолепными актерами, как Владимир Самойлов и Владимир Гостюхин. Они как–то очень быстро и верно вошли в свои роли тренера и игрока — капитана команды, почувствовали нюансы хоккейного ремесла. Многие кадры снимались в Лужниках, когда требовалось по сценарию, в основном на матчах с участием столичного «Динамо» (а посему тогдашний старший тренер динамовцев Владимир Киселев часто мелькал на экране). Съемки проходили и в Ярославле, где чуть позже я тоже выступал в роли консультанта, но уже хоккейного тренера местной команды «Торпедо», лидера чемпионата страны среди клубов западной зоны второй лиги, которую тренировал в свое время игравший в «Химике», а потом и в «Спартаке» С. Николаев.

Но мог ли я в те времена предположить, что «Торпедо» трансформируется в ярославский «Локомотив», который станет одним из ведущих клубов обновленной, как нынче говорят, России, выиграет под руководством иностранного тренера два раза подряд звание чемпиона страны, а меня пригласят уже в качестве просто зрителя посмотреть за тренировкой этого клуба! Воистину, неисповедимы пути Господни.

Что же касается фильма «Такая жесткая игра — хоккей», то он вышел на экраны страны и собрал положительные отклики. Думается потому, что авторы сценария много внимания уделили проблемам морального климата в команде. Хоккей — действительно жесткая игра, тем более важны доброжелательные, доверительные отношения в коллективе. Даже ради спортивных

побед нельзя идти на сделку с совестью хотя бы в отдельных случаях — вот мысль, красной нитью проходившая через весь фильм.

К чему я начал эту, последнюю главу с воспоминания о том фильме, о том эпизоде моей жизни? В силу ряда причин. Я убежден, например, что кинематографисты в большом долгу перед спортом. В самом деле, много ли лент ставится в последнее время на спортивную тематику? Отвечу так: совсем, пожалуй, не ставится. А ведь жизнь поменялась круто, и спорт эта «крутизна» стороной не обошла. Бешеные деньги, которые нам в свое время могли только присниться, да и то в страшном сне, делаются на спорте, вертятся вокруг спорта. Разве это не отражается на психологии спортсменов, на их отношении к жизни? Недавно в спортивной газете один хоккеист, играющий за океаном, в НХЛ, заявил: «Кубок Стэнли стоит того, чтобы жертвовать здоровьем».

Вот тебе и раз! Я-то грешным делом думал всегда, что спорт призван укреплять здоровье, в том числе и нравственное здоровье человека, а тут — такое самопожертвование ради того, чтобы стать обладателем пусть и престижного, но все–таки спортивного трофея…

Я с удовольствием принял приглашение принять участие в церемонии, которая была приурочена к 50–летию знакового для нашего хоккея события: сборная СССР, дебютируя на чемпионате мира в Стокгольме, сразу же завоевала золотые медали.

6 марта 2004 года в московском Бизнес–центре, что на Проспекте Мира, был открыт Зал славы отечественного хоккея. В 1954 году это был невероятный успех, сенсация первостепенной величины, значимость которой, быть может, не вполне подвластна воображению нынешнего поколения россиян. Это было первое хоккейное мировое золото, принесенное нашей Родине славными первопроходцами хоккея во главе с неповторимым Всеволодом Бобровым. Через два года последовал триумфальный дебют нашей сборной на зимних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо (Италия). Всего же хоккеисты нашей страны 23 раза побеждали на чемпионатах мира и 8 — на Олимпиадах. Подобных достижений не знает ни один другой командный вид спорта. Все эти выдающиеся результаты были достигнуты колоссальным трудом наших хоккеистов, тренеров, хоккейных функционеров и других специалистов.

Мне тем более было интересно присутствовать на этой церемонии, что многих из тех первых лауреатов я знал лично, а кое–кого и сам выводил в люди.

Вот как выглядит список первых лауреатов Зала славы отечественного хоккея — это сборная СССР — чемпион мира 1954

года.

Игроки: Бабич Евгений Макарович, Бобров Всеволод Михайлович, Бычков Михаил Иванович, Виноградов Александр Николаевич, Гурышев Алексей Михайлович, Жибуртович Павел Николаевич, Комаров Александр Григорьевич, Крылов Юрий Николаевич, Кузин Валентин Егорович, Кучевский Альфред Иосифович, Мкртычан Григорий Мкртычевич, Пучков Николай Георгиевич, Сидоренков Генрих Иванович, Уваров Александр Николаевич, Уколов Дмитрий Матвеевич, Хлыстов Николай Павлович, Шувалов Виктор Григорьевич.

Тренеры: Аркадий Иванович Чернышев и Владимир Кузьмич Егоров.

А игроки — первые лауреаты, что за прекрасные имена! Все трехкратные олимпийские чемпионы: Давыдов Виталий Семёнович, Кузькин Виктор Григорьевич, Рагулин Александр Павлович, Фирсов Анатолий Васильевич, Третьяк Владислав Александрович и Хомутов Андрей Валентинович.

Славен список капитанов сборных СССР и России, побеждавших на чемпионатах мира и Олимпийских играх: Бобров Всеволод Михайлович, Майоров Борис Александрович, Старшинов Вячеслав Иванович, Михайлов Борис Петрович, Васильев Валерий Иванович, Фетисов Вячеслав Александрович, Быков Вячеслав Аркадьевич.

А тренеры? Чернышев Аркадий Иванович, Тарасов Анатолий Владимирович, Егоров Владимир Кузьмич, Кулагин Борис Павлович, Тихонов Виктор Васильевич, Кострюков Анатолий Михайлович и Захватов Сергей Иванович. В этом же списке значится и моя фамилия. Что ж, с «Химиком» я тоже постарался сделать кое–что полезное в хоккее, а раз в этот список включен, то старались мы не зря, так что ли выходит? Думаю, со временем и игроки «Химика» в этом Зале появятся.

Сидел я в зале. Слушал выступавших, всходил на сцену, а сам все вспоминал, вспоминал былое. Вот ведь, например, дружеские связи «Химика» с болгарскими хоккеистами из города Перник, с тамошней командой «Металлург». Они к нам в Воскресенск на сборы приезжали предсезонные, и смею утверждать, что это болгарам пошло на пользу. А кроме того, они пригласили с собой в Болгарию двух наших игроков — Ватутина и Егорова. Правда, те решили вначале поработать там тренерами, но потом болгарская федерация хоккея разрешила им играть за «Металлург» и это помогло «Металлургу» на одно очко обойти на финише чемпионата страны 12–кратного чемпиона ЦСКА (София). Разве такое можно забыть?..

А как забыть мне Пеку Дементьева? Ростом был — метр с

кепкой, а какой технарь! Он же дурил всех на поле, публика именно на Пеку валом валила смотреть. И ведь я против него играл. Выдающийся был футболист, с мячом работал филигранно. Я ведь про футбол не зря толкую. Это — игра широкая, разнообразная, в ней и тактика особая и скорости нужны. Вот из футбола и русского хоккея родился наш хоккей. Самобытный, потому что ставили мы его с самого начала по–своему, таким, каким он нам виделся, никого не копируя. Как мы умели. А что мы умели?

На коньках здорово катались все, выносливость была невероятная, ибо все футболисты, как правило, зимой играли в хоккей с мячом. И еще раз повторю: когда поле размером с футбольное, когда на поле 22 игрока, тут и тактика особая нужна, и функции игроков у каждого свои. Вот с этого и начался наш хоккей, ни на кого не похожий. У нас ведь в хоккей с шайбой перекинулись ребята–игровики из русского хоккея и футбола, даже великий Лев Яшин в воротах хоккейных стоял и Кубок СССР выиграл! Была основа, и поэтому мы быстро освоили новый для нас «канадский» хоккей.

Все–таки мощные корни у нашего хоккея. А на церемонии мне запомнилось больше всего выступление Николая Пучкова, с которым я целиком и полностью согласен. Со свойственной ему категоричностью и принципиальностью выступил наш знаменитый вратарь.

«Не случайно, — сказал он, — как пытались утверждать многие, хоккей наш произвел сенсацию 50 лет назад в Стокгольме. Дело в том, что для этого существовали три причины. Первая причина — великое государство, которое постоянно заботилось о развитии физической культуры и спорта в стране, взяв под контроль развитие хоккея. Была создана эффективная система организации хоккея в стране — Всесоюзный спорткомитет, Федерация хоккея, Управление хоккея, отделы хоккея, занимавшиеся всеми вопросами развития этого вида спорта. Это была одна из главнейших причин того, что мы с вами вышли в Стокгольме на вершину хоккея и оставались на ней долгие, долгие годы.

Есть и вторая причина: плеяда больших хоккеистов, их первая волна, рожденная на полях русского хоккея, выплеснулась на хоккейные площадки. Это были такие великие мастера, как Всеволод Михайлович Бобров, Евгений Макарович Бабич, присутствующий здесь, в зале, Виктор Шувалов и многие, многие другие, кто в очень короткий срок, за какие–то четыре года освоили этот хоккей и сумели выиграть звание чемпионов мира. Это была великая команда, это была самая дружная на моем веку

команда, которая отдала все силы, чтобы победить.

И есть третья причина: нас воспитывали в высоком духе патриотизма, нравственности и морали. Ничто не может заменить эти категории в любом профессиональном, любительском и ином виде спорта. Ничто, когда ты чувствуешь, что за твоими плечами стоят 250 миллионов человек, желающих твоей победы! Я уверен, что наш хоккей вновь засияет на хоккейном небосклоне».

Что ж, я по натуре тоже оптимист и верю в лучшее. Пусть же для нашего отечественного хоккея наступят лучшие времена.

О том как Эпштейн Энштейна защитил

Дело было весной 2003 года, когда мы с Николаем Семёновичем возвращались в метро с последней тренировки сезона сборной ветеранов «Русское золото».

Вечер, что–то около десяти. Народу в вагоне не так уж и много. Привычный «пейзаж» — в одном углу, прямо на сиденьях бомж кемарит, поджав коленки к животу, банка пустая пивная по полу катится, пассажиры уткнулись носами в газеты. Но вот в вагон вошла молодая мать с ребенком, и Семёныч заулыбался, стал что–то спрашивать пацана, потрепал его по щеке. «Люблю, понимаешь, детей», — пояснил он, поймав мой взгляд. Ничто не предвещало бури.

И тут в вагон ввалилась компания подростков лет пятнадцати. Человек пять. С пивком баночным в руках, веселые, развязные. Громкоговорящие. А на стене вагона был прикреплен небольшой плакат в поддержку беженцев с портретом Альберта Эйнштейна. Ну, висит себе плакат и висит. Ан, нет. Один из парней, взявшись за уголок, начал его отдирать. И тут Семёныч громко окликнул парня: «А ну, ты, перестань трогать картинку! Ты что ли ее повесил?». Я взглянул на Эпштейна и поразился тому, как вмиг преобразилось его только что добродушное лицо: насупленные брови, в глазах — молнии, челюсти плотно сжаты, на скулах желваки перекатываются. Грозный вид.

Парень этот окрик услышал. И хихикнув, перестал дергать плакатик. Но прошла пара минут, и он вновь принялся за свое дело. И вот тут–то Семёныч показал мне, каким он может быть в моменты ярости. «Тебе, паскудник, что сказано было, — на весь вагон рыкнул он и, встав с места, двинулся по направлению к парню. — Ты что, нормального языка не понимаешь? А ну, приклей назад!». Честно говоря, я струхнул. Испугался, что компания может в ответ проявить агрессивность. И что тогда делать? Двое против пятерых, соотношение сил явно не в нашу пользу. Да и вообще, о чем разговор, какая может быть драка, когда рядом 84–летний пожилой человек! «Николай Семёнович, стойте, — выдавил я, хватая тренера за локоть. — Стойте, вам говорю, — повысил я голос, поскольку Эпштейн, сжав кулаки, двигался по направлению к парию. — А вы что, — бросил я компании, — не знаете, что делать, как себя вести?»

Парни выглядели озадаченными, явно стушевались и на следующей остановке сошли. «Слава богу, обошлось», — мелькнуло в голове. А Эпштейн подошел к стене, разгладил

плакат, задумчиво посмотрел на изображение великого физика и молча сел. Молчал и я, понимая, что человеку надо успокоиться. Через некоторое время Эпштейн молвил: «Вот что за молодежь пошла поганая, а? Пьют, сквернословят, все какую–то гадость норовят изладить. А еще ведь и жить не начали по большому–то счету. Ты можешь мне сказать, почему так выходит?..».

А что я мог сказать старому тренеру, что ответить? Что не все молодые ребята и девчонки ведут себя таким образом, что кто–то стремится учиться, кто–то работает, кормит даже родителей. «Это да, это так, — согласился Николай Семёнович. — Но все же дерьма много развелось среди молодых людей. Некоторым человека убить — нечего делать. Воруют, грабят, насильничают. На улицу стало страшно выходить с наступлением темноты. Вот что им этот плакат дался? Чем им Эйнштейн не угодил?».

Тут я подумал, что, по мнению Николая Семёновича, тот парень стал отдирать плакат по «националистическим мотивам». «Да нет, Николай Семёнович, — возразил я, — национальность тут ни при чем. Просто пиво в голову ударило, надо же как–то энергию свою проявить. По глупости, скорее всего». — «Может быть, — согласился Эпштейн. — А только сперва надо подумать, а потом уж куражиться. Плакат–то в поддержку беженцев вывешен, это ж проблема нынешнего нашего бытия, сколько людей несчастных, сколько страданий, слез, горя. А тут, вместо того, чтобы вчитаться, проявить хотя бы внутренне сострадание, какой–то сопляк издевается…»

И уже потом, когда мы поднимались по эскалатору, все качал головой старый тренер, существо которого никак не хотело мириться с происходящим в стране.

А я представил себе, каков мог быть во гневе праведном Эпштейн во времена своей активной тренерской деятельности, и подумал, что без такого характера и воли тренер Эпштейн просто не состоялся бы. А еще подумал, что увидел еще раз сам наяву проявление человеческих чувств Семёныча, обычных, в общем–то, чувств, нормальных, но которые все реже встретишь в наше неспокойное, тревожное время. И как прекрасно, что ходит по земле Эпштейн, человек высокой порядочности, пользующийся большим уважением многих соотечественников. Без таких людей, как Семёныч, жизнь была бы скуднее, обезличеннее.

А Эпштейн, это личность с большой буквы, человек глубокого нравственного начала. По таким людям можно равняться, они всегда и в любые времена нужны на Земле.

P. S. День 27 декабря 2004 года был для меня особый: Эпштейну исполнилось 85 лет! Он мне наказал заранее: «Обязательно приходи». И я с удовольствием пошел в знакомую

квартиру на Мосфильмовской.

Это было весьма скромное торжество: присутствовали брат Николая Семёновича с супругой, Н. Родин, сын Марик и невестка юбиляра Лена, Ю. Морозов, Генеральный секретарь ФХР В. Козин, заехал мэр Воскресенска Юрий Слепцов. Вот и все гости. Правда, было немало телефонных звонков: звонил из заокеанского далека И. Ларионов, звонил из Швеции В. Лаврентьев, звонил В. Фетисов, который прислал в подарок золоченую табличку с выбитым на ней поздравительным текстом, звонил Б. Майоров, еще кто–то.

А я нет–нет, да и ловил себя на мысли: такой юбилей надлежало бы отмечать всенародно! Вот ведь 50–летие В. Третьяка и по телевидению показывали, и по радио об этом событии говорили, и все газеты «отметились». Слов нет, знаменитый голкипер такой почет заслужил. Он — гордость отечественного хоккея. А Эпштейн, под руководством которого Владислав играл в хоккей? Он разве не слава и гордость отечественного хоккея? Он, воспитавший десятки заслуженных мастеров спорта, он, стоявший у истоков этой замечательной игры на Руси? Да что там говорить…

Впрочем, сам Николай Семёнович вел себя в тот вечер как обычно: спокойно, рассудительно, с юморком. Махнул несколько рюмок коньячку и держался молодцом. И подумалось, что в чем–то даже символично, что именно так прошел этот вечер, по–эпштейновски скромно, без особых фанфар, в кругу близких ему людей.

Мне всегда казалось, что «секрет» личности Эпштейна еще и в том, что ему глубоко чуждо высокомерие, чванство, пренебрежение к людям. Он великий жизнелюб, не поддающийся неизбежным горестям и тяготам бытия, умеющий находить во всех обстоятельствах нечто ободряющее и вселять этот оптимизм в других.

Нехитрая вроде бы «схема». А прожить по ней удается лишь избранным.

Эпилог. Уход Эпштейна

Николай ВУКОЛОВ

Жаль, что Николай Семёнович не дожил до выхода в свет этой книги. Весьма отрадно, что книга все же появилась. Как один из ее авторов, я рассматриваю сей факт как глубоко справедливый.

Николай Семёнович отдал любимому делу весь жар своей неуемной души и высшей наградой за преданность хоккею стали ему всенародная любовь и уважение.

Буквально до последних недель жизни Николай Семёнович оставался человеком деятельным и неутомимым, глядя на которого трудно было поверить в его возраст.

Больничная койка придумана не для таких людей, как Эпштейн и в этом смысле есть какая–то по–смеляковски обжигающе–печальная символика его ухода. «Если я заболею, к врачам обращаться не стану…», — эти, пронизанные суровым и терпким пафосом мужской романтики строки знаменитого поэта Ярослава Смелякова нашли реальное воплощение в том, как покинул этот мир знаменитый тренер Николай Эпштейн.

Он все делал по–своему. И даже церемония прощания с ним на Малой спортивной арене Лужников задержалась почти на час: катафалк, в котором везли гроб, по пути сломался, и когда об этом стало известно собравшимся проститься с Эпштейном, то среди них прошелестело: «Это очень по–эпштейновски, не хочет расставаться с нами Семёныч». Несмотря на всю трагичность минуты опечаленные лица людей разгладились, плотно сжатые губы разомкнули улыбки. Уверен, что знай об этом эпизоде сам Эпштейн, он бы хохотнул своей неповторимой усмешкой–ухмылочкой.

Так вышло, что жизнь в последние два–три года сблизила меня с Николаем Семёновичем. Его образ — в моей душе. Потому–то я счел большой честью для себя предложение выступить в еженедельнике «Футбол. Весь хоккей» со словами благодарной памяти о моем старшем товарище, ставшем мне близким и родным. Вот эта статья:

«По–разному покидают люди земную юдоль. Николай Семёнович Эпштейн избрал свой путь. Он всегда шел по жизни своей дорогой. И когда из подмосковного Одинцово ездил каждое утро на учебу в московскую школу, и когда из того же Одинцово в начале 30-х годов минувшего столетия (а тогда путь из этого подмосковного городка до столицы был не то, что сейчас)

мальчишкой трясся в электричке, направляясь на тренировки в футбольную секцию стадиона Юных пионеров — знаменитую СЮП.

И когда стал играть в футбол в столичном «Спартаке», а затем — «Пищевике» и «Локомотиве», и когда на Урале в конце 40-х годов прошлого века судьба впервые свела его с хоккеем, ставшим для него делом всей жизни. Сейчас, в век хоккейных менеджеров, скаутов, агентов и прочих «провайдеров» (эти иностранные словечки, сопряженные с бешеной деньгой, быстро прижились на российской почве), кажется невероятным, но остается фактом: Николай Семёнович, создавая с пуля, на пустом практически месте Воскресенский «Химик», был и игроком этой команды, и ее тренером, и администратором, и снабженцем. И бог знает, кем он только не был, пестуя московских и Воскресенских «сорви–голова» — мальчишек, превращая их в выдающихся мастеров хоккея, которые потом прославляли Родину своими победами.

Конечно, Семёныч (а так только и звали его все хоккейные люди) был в этом деле не один, но жар его души, его неукротимость в отстаивании собственной точки зрения и непоколебимость в собственной правоте (которая подтверждалась затем многократно самой жизнью), его глубокая человечность пробивали любые «стены». Но нужно было иметь громадное мужество, чтобы 23 года «тянуть воз» команды высшей лиги со всеми вытекающими из этого статуса проблемами. И Семёныч тянул, как мощный локомотив, тренируя, выбивая квартиры, устраивая игроков в институты, их детей — в детские сады и ясли, колеся по стране в поисках новых талантов (и находя их в изрядном числе), проталкивая решение о строительстве в Воскресенске ледового Дворца спорта. И так далее, и тому подобное. Нескончаемой чередой.

Он любил людей, никогда не выплескивая водопадом своих чувств, оберегая их, вынашивая под сердцем, как самое сокровенное достояние. Высшей похвалой в адрес особо полюбившегося хоккеиста у Семёныча было слова «игрочина», звучавшее в его устах, как благословение старейшины Ордена избранных хоккейных меченосцев. И люди любили Семёныча, тянулись к нему. Нет на этой земле человека, кто сказал бы худое слово в адрес Николая Семёновича. А он отнюдь не был мягкотелым и мог отбрить любого зарвавшегося нахала за милую душу, мог нажить себе если уж не врага, то недоброжелателя точно. Тем более, что на острое словцо он был мастер. Но на удивление, те, кому доставалось от Семёныча, зла на него не держали. Потому что при всех обстоятельствах он уважал

человеческое достоинство и в себе самом, и в окружающих. Я толковал о феномене Эпштейна со многими — и спортсменами, и любителями спорта и всегда слышал только слова восхищения и душевной расположенности к этому уникальному человеку, дух которого не мог не вызывать уважения.

Боец по натуре, он, уже будучи в преклонном возрасте, не давал себе поблажек, регулярно бегая трусцой по утрам по набережной Москвы–реки, напротив лужниковского Дворца спорта, от Окружного моста до Метромоста и обратно, а вечером совершая пешие прогулки по Мосфильмовской. Ни разу не слышал я от него нытья и жалоб. «Надо в баню идти, что–то тело ломит», — говорил 84–летний Эпштейн, когда досаждали хвори. И шел, и парился, испытывая истинное блаженство и от березового терпкого духа, и от общения с себе подобными в клубах банного сизоватого пара.

Горько переживал кончину своей обожаемой супруги, и, вороша иногда старые фотографии, глядел налицо жены, даже как–то удивленно изрекая: «Ну, надо же, Любаша, чистое золото, красавица». И глубоко вздыхал, подводя этим черту под эмоциями.

Но случалось, что Николай Семёнович выплескивал эти эмоции наружу сполна, безудержно. Когда сталкивался с людской черствостью, наглостью, хамством, нахрапистостью, беспардонностью, стяжательством, бурно произрастающими, к огромному сожалению, в наше далеко неблагополучное (вопреки утверждениям всяких лжеоптимистов) время. Тут его мощное естество раскрывалось с неудержимой силой и взору представал ВЕЛИКИЙ ТРЕНЕР, шутя усмирявший на хоккейном льду самые неподатливые, дерзкие и взрывоопасные характеры. В мятежной натуре Эпштейна жила неодолимая тяга к справедливости, стремление воздать каждому по заслугам.

Он, как всякий добрый человек (не надо путать с показным добрячеством) обожал детей, и, бывало, во время наших пеших прогулок не пропускал мимо ни одного пацана или девчонку, чтобы не потрепать по щеке, не сказать пару ласковых слов. И ревностные мамаши никогда не высказывали своего недовольства по поводу такой «фамильярности», чутко угадывая в Эпштейне его большое сердце и чистую, искреннюю душу.

И еще об одном: будучи евреем по крови, Николай Семёнович был великим интернационалистом по самой своей глубинной сути. Он, безусловно, любил и уважал еврейский народ, высоко отзывался о его талантливости и жизнестойкости. Но единственным мерилом отношения Эпштейна к другому человеку была не национальная принадлежность того или иного индивида,

а присутствие (или, напротив, отсутствие) у этого индивида чувства порядочности. Смею утверждать, что Эпштейн, человек глубоко нравственный, сделал для сближения евреев и русских неизмеримо больше, чем кто–либо и это тоже была и остается его огромная жизненная заслуга…

По разному уходят люди из жизни. Эпштейн ушел в прямом смысле этого слова. В последние месяцы его неодолимо влекло куда–то в неведомое далеко, возникавшее в его уже больном, воспаленном мозгу. В первом случае Николая Семёновича нашла милиция в московском районе Бирюлево, обратив внимание на пожилого человека, сидевшего на скамейке в одних трусах. Даже металлическую пластинку с именем Эпштейна и его домашним телефоном сняли современные «доброжелатели». Но дважды чудес на свете не бывает. Второй уход стал роковым. Удержать Эпштейна было очень и очень трудно, он рвался, именно рвался то в Воскресенск, то в Одинцово, пока не прибило его к подмосковной деревне Селятино, где и доживал он в заброшенной избе (их сейчас в избытке по всей Святой Руси) последние часы.

В последнее время у нас стало модным награждать высокими правительственными наградами певцов, чьи песни кроме них самих никто не поет, танцоров, кривляющихся на сцене в пароксизме отсутствия любого вкуса, юмористов, от чьих пошлейших шуток сводит скулы. Когда Эпштейну — человеку, которого смело можно считать национальным достоянием всей страны, исполнилось 85 лет, никакой правительственной наградой его не наградили. Полагаю, что самому Семёнычу в этой награде особой нужды не было. Он был в принципе выше всяких мелких и суетных страстей. Но когда награждают выдающихся личностей, то эти награды нужны прежде всего нам всем, тем, кому повезло жить рядом с такими могучими людьми, к числу которых принадлежал Николай Семёнович. В этом–то все и дело!

Увы, время Эпштейна ушло. Нынешнее же время — циничное, развратное, безжалостное — не приносило старому тренеру никакой радости. «Раньше–то хоть пожаловаться можно было, а теперь никому и не пожалуешься», — с грустью в голосе обронил он в одном из наших последних с ним разговоров.

Мне кажется, что подобно могучему зверю, вдруг чувствующему приближение неизбежного, и забирающемуся в глухую чащобу, дабы встретить последние мгновения в одиночестве, Николай Семёнович, этот грандиозный жизнелюб и оптимист, исчез, повинуясь зову некого внутреннего голоса, настойчиво толкавшего его к уединению. Он ушел, чтобы остаться на веки вечные в памяти всех, кто его любит. А таких

людей множество на просторах бескрайней России».

* * *